

ВОЛГОГРАДСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
им. А. С. СЕРАФИМОВИЧА

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО РОМАНО-ГЕРМАНСКОМУ
ЯЗЫКОЗНАНИЮ

Выпуск 4

Редакция: *Р. Л. Ковалевский* (научный редактор), доцент *М. Т. Лазарева*, доцент *В. Т. Лебедева*, доцент *Л. Н. Сычева*, и. о. доцента *В. И. Шаховский*, ст. преподаватель *Г. П. Вуоно* (ответственный секретарь).

845885

ВОЛГОГРАД, 1974

СОДЕРЖАНИЕ

В. К. Андреева. Структура лексико-семантической группы глаголов, обозначающих прекращение действия в современном английском языке	3
В. С. Виноградова. Дифференциальные семантические признаки как средство описания смысловой структуры слова	17
В. В. Крачинская. Структурно-семантические особенности группы глаголов со значением «изменяться» в английском языке	26
Т. В. Максимова. К вопросу о семантической структуре английских префиксальных производных	44
И. В. Сентенберг. Многозначное слово как лексико-семантическая парадигма	55
В. И. Шаховский. Суффикс -у как средство выражения эмотивно-субъективной оценки в английском языке современного периода (На материале имен собственных)	73
В. И. Шаховский. Суффикс -у как средство выражения эмотивно-субъективной оценки (На материале нарицательных существительных современного английского языка)	83
Р. П. Павлович. Из наблюдений над использованием прилагательных цвета в произведениях Чарльза Перси Сноу	92
Л. Е. Колесникова. Устойчивые словосочетания типа «глагол faire + абстрактное существительное» в старофранцузском языке	104
В. С. Герасименко. Опыт вероятностно-структурного описания поливалентных глаголов в современном английском языке	118
А. Ф. Иванова. Предварительные данные о значениях коррелятивной функции в сочетаниях некоторых глаголов и прилагательных	126
Е. Е. Тогунова. Средства усиления качества и выражения степени признака в немецком языке и их эквиваленты в переводе на русский язык (На материале произведений К. Маркса и Ф. Энгельса)	133
В. В. Лебедев. Об употреблении нетранслитерированной лексики в письмах В. И. Ленина	146

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РОМАНО-ГЕРМАНСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

Тех. редактор В. Ф. Крашенинникова. Корректор Е. П. Желтова.

Сдано в набор 17/IV 1973 г. Подписано к печати 1/VII 1974 г.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага газетная. Усл. п. л. 8,4. Уч.-изд. л. 9.
Тираж 500. НМ 02265 Заказ 107. Цена 65 коп.

Волгоградский пединститут, проспект В. И. Ленина, 27.
Типография изд-ва «Волгоградская правда». Привокзальная пло-
щадь, Дом печати.
© Волгоградский пединститут, 1974 год.

В. К. АНДРЕЕВА

СТРУКТУРА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПРЕКРАЩЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ: В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной работе описывается структура лексико-семантической группы глаголов (ЛСГ), обозначающих прекращение действия в современном английском языке, с целью дальнейшего изучения единиц данной ЛСГ: их синтаксической и лексической сочетаемости, компонентов значения, частотности употребления в речи, грамматических характеристик.

Выбор этой группы глаголов для исследования объясняется следующими причинами:

1) данные глаголы обозначают важные понятия, связанные с жизнью и деятельностью человека;

2) они являются тем материалом, на котором можно проследить системные отношения слов в ЛСГ;

3) нам не встретилось работ, где бы данная группа глаголов исследовалась в синхронном плане.

В исследуемую группу мы относим глаголы на основе сходства их значения¹. Общее значение всей группы — «прекращение действия» варьируется в значении ее отдельных единиц. За единицу ЛСГ принимается глагол или глагольное словосочетание в значении «прекращение действия»².

Выделение единиц ЛСГ глаголов, обозначающих прекращение действия в современном английском языке, из словарного состава языка осуществлялось семантико-логическим способом. В основе этого способа лежит принцип идентификации, выдвинутый Ш. Балли³. Суть этого способа сводится к следующему. При выделении единиц ЛСГ устанавливается слово-идентификатор, значение которого выражает общее значение всей группы в наиболее нейтральном виде. В группу включаются

только те слова, значение которых может объясняться через слово-идентификатор. Словом-идентификатором в нашей группе мы считаем глагол *stop*, так как он отвечает вышеизложенному требованию. Значение отбираемых единиц объясняется с помощью глагола *stop*.

Глаголы отбирались на основе имеющегося в их семантической структуре семантического признака «прекращение действия». Наличие этого признака устанавливалось с помощью объяснительной трансформации⁴.

Отбор единиц исследуемой ЛСГ проходил ряд этапов. Для предварительного эксперимента был взят список глаголов со значением «кончать/ся/» из словаря Роже⁵: 1) *end, close, finish, terminate, conclude, be all over, expire, die, come to a close, run its course, run out, pass away, be through*; 2) *bring to an end, put an end to, make an end of, determine; complete; stop, shut up shop, ring down the curtain; call a halt*; 3) *cease, halt, expire, lapse, stop; curtail, cut short*, всего 29 глаголов и глагольных словосочетаний.

Однако пробная выборка из текста показала, что в значении «прекращение действия» употребляются и другие глаголы и глагольные словосочетания. В связи с этим возник вопрос об уточнении границ интересующей нас группы глаголов на материале других словарей.

На этом этапе отбора глаголов исследуемой ЛСГ были использованы данные словарей Хорнби⁶, Вебстера⁷ и Оксфордского⁸. Сплошная выборка из словаря Хорнби сопоставлялась с данными словарей Вебстера и Оксфордского. Отбирались лишь значения «прекращение действия».

В процессе этой работы, а также на конечном этапе сопоставления данных словарей с фактическим материалом, полученным при сплошной выборке из текстов⁹, возникли дополнительные трудности в установлении единиц исследуемой ЛСГ. Это относится, во-первых, к тем глаголам, которые, по данным словарей, имеют два и более значений «прекращение действия», такие, как *stop, break, die* и другие. Во-вторых, это те глаголы, у которых словари Хорнби и Оксфордский в одно значение «прекращение действия» сводят все случаи употребления данного глагола, а словарь Вебстера отмечает у данных глаголов несколько таких значений.

Анализ словарных статей и фактического материала показывает, что авторы словарей часто рассматривают разные значения как одно и наоборот. Так, например, количество значений, отмеченных в смысловой структуре глагола *stop* разными словарями, различно. Кроме того, если сравнить дефиниции разных глаголов в одном и том же словаре, например, Хорнби, то прослеживаются несоответствия в трактовке их смысловой структуры. Так, у глагола *stop* значение «прекратить выплату денег», выделяется, а у глагола *cease* нет, хотя словарь и приводит пример употребления глагола *cease* в этом значении — *the bank ceased payment*.

Если продолжить сравнение дефиниций глагола *stop* с дефинициями других глаголов, то можно также отметить следующие несоответствия. У глагола *stop* выделяются в качестве отдельных значения схожие, близкие; сравним, например, третье значение — *leave off; discontinue* и четвертое значение — *cut off; discontinue (a supply)*, *as to stop a person's wages*, а также шестое и седьмое значение, которые реализуются к тому же в одних и тех же моделях (Patterns 21, 23, 25 по Хорнби). В шестом значении глагол *stop* толкуется как *halt; come to rest; make a pause*, а в седьмом значении как *break off; pause, discontinue*, например, *the rain has stopped*. При анализе употребления в тексте глагола *stop* часто возникают трудности, связанные с установлением принадлежности к тому или иному значению, так как разница между третьим и четвертым, шестым и седьмым значениями не кажется нам существенной, особенно если принять во внимание, что аналогичное не выделяется в значениях других глаголов этим же словарем. Мы считаем, что нецелесообразно выделять отдельно такие частные значения, как «прекратить выплату денег», «прекратить двигаться» и т. д. у глагола *stop*, так как этот принцип не соблюдается в словарных статьях других глаголов, в частности, глаголов *cease, destroy, finish, wreck*.

Выше мы отметили, что в словарных дефинициях глагола *stop* выделяются в качестве отдельных схожие значения. В словарных дефинициях глагола *break* наблюдается обратное: в одно значение объединяются разные значения. Так, в первом значении объединены значение «разрушить» — *break a thing*, значение «прекратить процесс» — *their engagement was broken off*.

(=stopped) — и значение «убить» — break one's neck. Во втором значении этого глагола прослеживается аналогичное, а именно, в одно значение объединяются значение «разбиться на части» и «прекратить процесс» — break off; break up; break in on.

Мы могли бы продолжить разбор аналогичных несответствий в выделении значений словарем Хорнби на примерах глаголов *pass*, *finish*, *destroy*, *wreck*. Кроме того, анализ нашего фактического материала, полученного в результате сплошной выборки из произведений современных английских авторов, позволяет нам считать, что словарь выделяет не все значения интересующих нас глаголов.

Учитывая отмеченное выше, а также данные анализа выборки, мы выделяем значения у некоторых данных глаголов в соответствии с целями нашего исследования. Например, у глагола *stop* значение «прекратить процесс (состояние)» не делится нами на значения «прекратить выплату денег, движение и т. д.», как это представлено в словарных статьях; у глагола *break* мы выделяем значения «прекратить процесс», «разрушать» и «убить».

В результате отбора единиц интересующей нас ЛСГ мы получили 239 лексических единиц, из них 173 встретились в текстах и 66 единиц отмечены в словарях, но не встретились в текстах, такие, как *adjourn*, *peter*, *vacate*, *quit*, *demolish*, *desist*, *slay*. Кроме того, при сплошной выборке из текстов мы получили 44 единицы (они входят в число 173, которые встретились нам в текстах), не отмеченные словарями в значении «прекращение действия». Эти единицы представляют собой глагольные словосочетания, например, *wind to a finish*, *wind to an end*, *wind to a conclusion*; сочетания глаголов *draw*, *grind*, *put*, *bring* с предлогом *to* и существительным *standstill* и другие. Первая часть этих словосочетаний, за небольшим исключением, представлена глаголами движения; вторая часть, как правило, предлог, чаще всего *to*, и последняя часть — существительное — *finish*, *end*, *conclusion*, *standstill*, *smash*, *halt*, *stop*, *pause*, *break*.

Интересно отметить, что существительные этих словосочетаний являются или конвертированными образованиями от глаголов, например, *finish*, *end*, *smash*, *halt*, *pause*, *break*, *silence*, или производными от единиц ис-

следуемой ЛСГ, например, *conclusion* от глагола *conclude*.

Единицы ЛСГ глаголов прекращения действия неоднородны с точки зрения их семантической структуры, структуры и стиля.

Это и однозначные глаголы, например, *end*, *massacre*, *abrogate*, и многозначные, например, *break*, *interrupt*, *die*, *kill*. У одних единиц исследуемое значение «прекращение действия» является прямым (*stop*, *break*, *interrupt*, у других — переносным (*crucify (fig.)* = *break or destroy the power of*).

Неоднородны единицы исследуемой ЛСГ и в отношении структуры. Все единицы данной ЛСГ можно представить в шести структурных моделях:

1. V — *stop*, *finish*, *die*, *break*, *pause*, *interrupt*.
2. V + adv. — *be over*, *shut up*, *be through*, *run out*.
3. V + pr. + (a) N — *come to an end*, *be at an end*, *draw to a close*.
4. V + (a, the) N — *be the end*, *put an end*, *make a break*.
5. V + adj. — *cut short (dead)*, *to fall silent*.
6. V + inf. — *come to rest*.

Большая часть единиц исследуемой ЛСГ стилистически нейтральны, однако в нее входят также и единицы со словарными пометами об их принадлежности к разным стилям, например, *do (a person) in (slang)*; *scrag (colloq.)*, *slay (liter., poet., journalistic or joking)*; *kick the bucket (slang)*.

Всем единицам исследуемой ЛСГ присущ семантический признак «прекращение действия». Это общий семантический признак ЛСГ.

Но при наличии общего семантического признака единицы ЛСГ имеют и некоторые расхождения в содержании своего значения, а следовательно, и в выражении понятия «прекращение действия», они варьируют общее значение группы. Например, *end* определяется как *come to an end*; *stop*, т. е. *end* обозначает окончание **процесса**. *Die*, наряду с другими значениями, имеет значение «прекращение **жизненного процесса**», что в словаре Хорнби представлено как *stop living*; *come to the end of life*. Одно из значений глагола *interrupt* в словаре Хорнби объясняется через *break in upon*, то есть глагол *interrupt* обозначает **прерывание** процесса. Глагол

destroy определяется как *pull down or break to pieces; put an end to; kill*, груп, то есть *destroy* обозначает прекращение какого-либо состояния путем разрушения.

Учитывая имеющиеся расхождения в семантике единиц анализируемой ЛСГ, представляется возможность выделить в ней более мелкие смысловые объединения, подгруппы, единицы каждой из которых •наряду с общим семантическим признаком «прекращение действия», присущим ЛСГ в целом, обладают также классифицирующими (частным) семантическим признаком, присущим определенной подгруппе единиц данной ЛСГ. Таких классифицирующих семантических признаков, а следовательно, и подгрупп оказалось пять:

- 1) «окончание»;
- 2) «прекращение»;
- 3) «разрушение»;
- 4) «самостоятельное прекращение жизненного процесса»;
- 5) «насильственное прекращение жизненного процесса».

Вопрос о принадлежности единицы к той или иной подгруппе решался с помощью лексических трансформ.

В первую подгруппу с доминантой *finish*¹⁰ мы относим единицы на основе имеющегося в их семантических структурах семантического признака «окончание действия (состояния)». Это самая многочисленная подгруппа. Сюда входят единицы *end, cease, conclude, close, complete, terminate, be over, bring to an end, run out* и другие. В этой подгруппе можно выделить единицы более абстрактные по значению, такие, как *finish, end, cease*, которые обозначают окончание действия без каких-либо обстоятельственных и прочих уточнителей. Об этом свидетельствуют словарные дефиниции¹¹, например, глагол *finish* определяется как *bring (smth) to an end; come to an end*; глагол *cease = come or bring to an end; end = come to an end*. В пределах подгруппы им противостоят единицы более конкретные по значению, что находит выражение в толковании значения в словаре, либо в ограниченной валентности данных единиц, либо в наличии в содержании их значения обстоятельственных характеристик, конкретизирующих процесс окончания действия, либо в том и другом одновременно. Так, например, *be up* употребляется только в сочетании с *N*,

обозначающими отрезок времени, гип out обозначает, что кончился какой-то продукт — спички, бензин, напитки и т. п.; divorce употребляется только для обозначения расторжения брака; liquidate употребляется применительно к названиям предприятий, фирм, терпящих, как правило, неудачу. Конкретизация значения других единиц достигается за счет обстоятельственных характеристик, как, например, в peter, определяемом как gradually come to an end. Dispatch в значении «закончить» употребляется в сочетании с N, обозначающими, как правило, какое-то дело; кроме того, в содержании его значения есть смысловой компонент «быстро», о чем свидетельствует дефиниция — finish quickly.

Вторая подгруппа объединяет единицы, обозначающие прекращение действия с его возможным продолжением в будущем. Доминантой этой подгруппы является глагол stop¹², который в одних случаях обозначает прекращение действия без дальнейшего продолжения, в других — его прерывание. Практически любая единица этой подгруппы может обозначать прерывание процесса. Об этом свидетельствует факт сочетаемости данных глаголов в речи с предложными или беспредложными группами, обозначающими отрезок времени, например, for a moment, a moment, minute и т. п. Кроме того, прерывается ли действие или прекращается, выясняется также из ситуации.

Классифицирующий семантический признак этой подгруппы «прекращение» варьируется и уточняется в значениях отдельных единиц. Это уточнение, сужение, конкретизация проходит по тем же линиям, что и в первой подгруппе. Так, break off¹³ чаще всего употребляется с N, обозначающим процесс речи, кроме того, он означает в незапное прекращение процесса речи, то есть включает в содержание своего значения адвербальные компоненты. Глагол pause употребляется, как правило, для обозначения прерывания процессов речи и движения. Глагол drop употребляется в сочетании с N, обозначающими предмет разговора, дурную привычку, отношения между людьми, какое-то дело. Глагол silence обозначает прекращение звуковых процессов. Глагол recess употребляется для обозначения прерывания процесса на короткое время. Единица cut

short обычно употребляется в прямой речи для обозначения прерывания речи, кроме того, включает в свою смысловую структуру компонент «внезапность».

Следовательно, и в этой подгруппе выделяются единицы более абстрактные и менее абстрактные по значению, конкретизация значения идет за счет сужения сферы и характера действия.

В третью подгруппу мы выделяем единицы со значением «разрушить, нарушить состояние целого». За доминанту этой подгруппы принимаем глагол *destroy*¹⁴ как самый абстрактный по значению в этой подгруппе. В отличие от рассмотренных выше подгрупп, в данной подгруппе преобладают более конкретные по значению единицы. Рассмотрим их. *Erode* определяется по словарю Хорнби как *wear away slowly; crash* как *break to pieces violently; exterminate* как *destroy completely; smash* как *break into pieces; burn* как *destroy by fire; consume* также как *destroy by fire*.

Таким образом, в данной подгруппе конкретизация значения ее единиц идет по тем же линиям, что и в выше рассмотренных подгруппах, большей частью за счет уточнения характера процесса разрушения.

Две последние подгруппы с доминантами *die* и *kill* обозначают прекращение жизненного процесса. И в той и другой подгруппах выделяются более абстрактные по значению единицы, например, *die* в исследуемом значении, определяемом как *stop living; come to the end of life; pass away. Pass away* определяется как *die; expire* также как *die*.

В подгруппе с доминантой *kill* только сама доминанта является более абстрактной по значению по сравнению с другими единицами этой подгруппы. *Kill* определяется как *put to death; destroy life*, то есть в этой дефиниции указывается на **насильственное** прекращение жизненного процесса вообще, без конкретизации этого прекращения.

Конкретизация значения «прекращение жизненного процесса» в подгруппе с доминантой *die* осуществляется путем указания на способ и обстоятельства прекращения жизненного процесса, например, *starve = die or cause to die from hunger* «уморить голодом или умереть от голода» *drown = die or cause to die in water*, в этом случае мы имеем соответствие русским глаголам «утонуть»,

«утопить». *Break one's heart* = *die of grief* «умереть от горя», то есть в дефиниции этой единицы имеется указание на причину смерти.

В подгруппе *kill* в словарных дефинициях многих единиц указывается на способ уничтожения человека или животного, например, *strangle* = *kill by squeezing the throat* «задушить»; *suffocate* = *kill by making breathing impossible*, *choke* «задушить»; *crucify* = *put to death by nailing on a cross* «распять»; *shoot* = *kill by shooting* «застрелить», *hang* = *put a person to death by putting a rope round the neck and hanging* «повесить»; *poison* = *kill by means of poison* «отравить». В словарных дефинициях следующих единиц подчеркивается характер процесса уничтожения, например, *butcher* = *kill cruelly* «убить жестоко»; *assassinate* = *kill, murder (esp. in secret ways)* «совершить убийство тайно»; *massacre* = *kill in large numbers* «устраивать бойню»; *mow* = *cut down like grass* «косить людей, как траву».

Итак, рассмотрев пять подгрупп ЛСГ глаголов прекращения действия, мы можем отметить, что данная ЛСГ состоит из единиц, различных по уровню абстракции своего значения. Все единицы исследуемой ЛСГ можно представить на трех уровнях абстракции. На третьем, самом высоком, находится глагол *stop*, который обозначает прекращение процесса в самом общем виде без указания на способ или его характер. Практически прекращение любого процесса может быть обозначено глаголом *stop*. Это подтверждает и то, что значение любой единицы из пяти подгрупп данной ЛСГ может быть объяснено с помощью глагола *stop*, например, I подгруппа: *end* = *come to an end*, *stop*¹⁵, *terminate* = *end*, а *end* определяется через *stop*, следовательно, и *terminate* можно также определить через *stop*; *cease* = *come or bring to an end*; *stop*.

II подгруппа: *desist* = *stop*; *discontinue* = *stop*; *hold back*, *stop*; *call off* = *stop*.

III подгруппа: *destroy* = *pull down or break to pieces*; *put to an end to*, а последнее определяется через *stop*, таким образом, и *destroy* определяется через *stop*.

IV подгруппа: *die* = *stop living*.

V подгруппа: *kill* = *destroy life*; а *destroy*, как мы видели выше, можно определить через *stop*, следовательно, и *kill* можно определить как *stop one's life*.

На втором уровне абстракции находятся единицы, которые в какой-то мере варьируют основное значение ЛСГ, в частности, ее доминанты, глагола stop. Это может быть окончание процесса, прекращение его вообще с необязательным или возможным продолжением, процесс разрушения, прекращение жизненного процесса, которое может быть естественным и насильственным. На этом уровне абстракции мы располагаем единицы finish, end, cease, break₂, interrupt, pause, die₁, destroy₁, kill₁. При наличии дополнительных семантических признаков в содержании их значения, единицы второго уровня абстракции выражают также основное значение ЛСГ. Следовательно, содержание значения единиц второго уровня абстракции шире содержания значения единиц первого уровня абстракции. Оно включает в себя значение единиц первого уровня абстракции плюс дополнительные семантические признаки, свойственные единицам второго уровня абстракции.

На первом уровне абстракции находятся единицы еще более конкретные по значению по сравнению с единицами второго уровня абстракции. Единицы первого уровня варьируют значение единиц второго уровня. Сюда мы относим be over, run out, silence, throttle, hang. Значение единиц первого уровня состоит из смысловых компонентов третьего и второго уровней абстракции плюс своих индивидуальных смысловых компонентов. Таким образом, значение единиц самого низшего уровня абстракции является самым содержательным, состоящим из нескольких смысловых компонентов. Например, если глагол stop обозначает прекращение процесса вообще, то глагол finish уточняет это прекращение, поскольку он обозначает окончательное прекращение; глагол gas еще более уточняет прекращение, он обозначает окончательное прекращение жизненного процесса, причем окончание его не вообще, как глагол die, который мы относим к предыдущему по сравнению с глаголом gas уровню абстракции, а окончание жизненного процесса **отравлением с помощью газа**.

Таким образом, единицы этих трех уровней находятся в отношении иерархии друг к другу, то есть единицы низшего уровня абстракции включают в содержание своего значения смысловые компоненты единиц более высшего уровня, но не наоборот, следовательно, чем ни-

же уровень абстракции, тем содержательнее значение единицы.

Отнесение единицы к тому или иному уровню абстракции находится также в определенном соотношении с частотой ее употребления в речи. Так, самая абстрактная единица исследуемой ЛСГ глагол *stop* имеет наибольшее количество употреблений в речи. На 18 519 страницах текста глагол *stop* встретился 2 770 раз. Каждая из единиц второго уровня абстракции имеет гораздо меньше употреблений, чем *stop*, но, в свою очередь, единицы второго уровня абстракции употребляются чаще, чем единицы первого уровня абстракции. Наиболее употребительные единицы второго уровня абстракции встретились в текстах следующее количество раз: *kill* — 945, *finish*₁ — 1281, *die*₁ — 931, *pause* — 645, *break*₁ — 661, *end* — 488, *cease* — 422 и т. д. Единицы третьего уровня абстракции значительно уступают по частотности употребления единицам второго уровня; сравним приведенные выше употребления единиц второго уровня абстракции со следующими цифровыми данными частотности единиц первого уровня: *to be all over* — 74, *shoot* — 67, *silence* — 40, *crash* — 29 и т. д. до одного употребления. Следует отметить, что преобладающее количество употреблений, около 11 тысяч из 12 тысяч употреблений всех единиц группы, имеют единицы первого и второго уровней абстракции. Количество самих единиц, принадлежащих этим уровням абстракции, меньше, сравнительно с третьим, а количество употреблений больше. Следовательно, чем ниже уровень абстракции, тем больше единиц он включает и тем ниже частотность их употребления.

Таким образом, частота употребления той или иной единицы исследуемой ЛСГ находится в прямой зависимости от ее уровня абстракции; чем он выше, тем выше частота употребления единицы в речи.

Рассмотренные выше данные качественного и количественного анализа единиц ЛСГ глаголов прекращения действия в современном английском языке позволяют нам определить структуру этой ЛСГ.

В центре ЛСГ находится глагол *stop*, как самый абстрактный по значению и самый частотный по употреблению. К нему примыкают единицы *finish*, *end*, *cease*, *break*, *die*, *kill* и все те, которые мы относим ко второму

уровню абстракции. За этими единицами располагаются единицы первого уровня абстракции типа *poison*, *choke*, *suffocate*, *smash*, *explode*, *slaughter* и другие. Группа замыкается единицами предельно низкой частотности, то есть теми, которые встретились в тексте один раз. Чаще всего это редко употребляемые единицы, отмеченные словарями, такие, как *call off*, *massacre*, *quench*, и расчлененные наименования, не отмеченные словарями, это — *come to a smash*, *come to a pause*, *grind to a stop*.

Подводя итог первого этапа работы по исследованию ЛСГ глаголов, обозначающих прекращение действия в современном английском языке, представляется возможным сделать следующее заключение.

В современном английском языке существует группа глаголов, обозначающих прекращение действия. Значение каждого из них может быть определено с помощью глагола *stop*, что позволяет считать глагол *stop* доминантой данной группы, а группу лексико-семантической, объединяющую единицы на основе имеющегося в их семантических структурах значения «прекращения».

Всем единицам исследуемой ЛСГ присущ грамматический категориальный компонент, глагольность и категориальный семантический компонент — прекращение действия..

Кроме этих, общих для всех единиц данной ЛСГ категориальных компонентов, выделены субкатегориальные или классифицирующие смысловые компоненты — окончательное прекращение действия, прекращение с необязательным или возможным продолжением, прекращение — разрушение, самостоятельное и насилиственное прекращение жизненного процесса.

В каждой подгруппе имеются дифференциальные семантические компоненты, которые модифицируют и уточняют классифицирующие смысловые компоненты. Уточнение идет по следующим направлениям: 1) ограничение валентности, 2) указание способа прекращения действия, 3) указание на характер прекращения действия, 4) указание на сферу применения.

Единицы исследуемой ЛСГ могут быть представлены на трех уровнях абстракции по характеру значения. Чем выше уровень абстракции единицы, тем меньше смысловых компонентов в его значении. Единицы низшего

уровня включают в содержание своего значения смысловые компоненты единиц предшествующих уровней.

Смысловое содержание единиц ЛСГ находится в прямом соотношении с частотой их функционирования в речи; чем выше уровень абстракции значения единицы, тем выше частота ее употребления в текстах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. аналогичное понимание ЛСГ у В. Г. Гака. Беседы о французском слове. М., 1966; А. А. Уфимцевой. Опыт изучения лексики как системы. М., 1962, гл. 3; Н. М. Мининой. Система значений глаголов современного немецкого языка. М., 1970, гл. 2; А. С. Хуршудянц. Опыт выделения и исследования структуры лексико-семантической группы. — Уч. зап. МГПИИ им. М. Тореза. Вопросы романо-германской филологии. т. 59, М., 1971.

² См. И. В. Сентенберг. Лексико-семантическая группа глаголов, обозначающих передвижение, и ее единицы, — «Исследования по романо-германскому языкоznанию». Волгоград, 1971, стр. 44.

³ Ш. Балли. Французская стилистика. М., 1961.

⁴ И. В. Арнольд. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. Л., 1966.

⁵ The New American Roget's College Thesaurus in Dictionary Form. New York, 1962.

⁶ A. S. Hornby, E. V. Gatenby, H. Wakefield. The Advanced Learner's Dictionary of Current English. London, 1958.

⁷ Webster's Seventh New Collegiate Dictionary. Chicago, 1963.

⁸ The Concise Oxford Dictionary of Current English. Oxford, 1956.

⁹ Сплошная выборка проводилась на материале 64 книг современных английских авторов. На 18 519 страницах этих книг встретилось 12 162 употребления единиц исследуемой ЛСГ.

¹⁰ В семантической структуре глагола *finish* мы выделяем два значения «прекращение действия» — *finish₁* = *bring (smth) to an end; come to an end*; *finish₂* = *kill smb.*

¹¹ Словарные дефиниции словаря Хорнби.

¹² Глагол *stop* принимается за единицу данной ЛСГ без выделения у него частных значений.

¹³ Все значения «прекращения действия» глагола *break* мы представляем в трех подгруппах, в связи с этим выделяем три единицы: *break₁* — прекращение действия с необязательным или возможным продолжением, *break₂* — прекращение-разрушение, *break₃* — насилиственное прекращение жизненного процесса.

¹⁴ У глагола *destroy* мы выделяем *destroy₁* — прекращение-разрушение и *destroy₂* — прекращение жизненного процесса.

¹⁵ Глагол *die* в исследуемой ЛСГ представлен двумя единицами: *die₁*, обозначающей прекращение жизненного процесса, и *die₂*.

обозначающий окончание определенного процесса. Глагол *kill* также представляет две единицы в данной ЛСГ: $kill_1$ — насильтвенное прекращение жизненного процесса и $kill_2$ — прекращение-разрушение.

¹⁶ Дефиниции единиц подгрупп даются по словарю Хориби.

В. С. ВИНОГРАДОВА

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ КАК СРЕДСТВО ОПИСАНИЯ СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА

Дифференциальные семантические признаки были впервые использованы для описания смысловой структуры отдельного слова И. В. Арнольд¹.

Смысловая (семантическая) структура понимается нами вслед за И. В. Арнольд как «упорядоченное структурное множество» его возможных лексико-семантических вариантов.

При исследовании смысловой структуры немецких качественных прилагательных, представленных в данной статье единицей *alt*, мы исходим из того, что информация, получаемая из словарей, вполне достоверна. Мы не пользуемся при этом каким-то одним словарем, так как при сравнении различных словарей оказалось, что их данные не совпадают ни по количеству значений, ни по их интерпретации. Поэтому мы попытались на основе сопоставления данных ряда словарей современного немецкого языка составить список значений прилагательного *alt*, где все зафиксированные словарями значения были бы учтены и подведены под единое толкование²:

1) показатель возраста (*Altersangabe*): а) достигший пожилого возраста (*ein hohes Alter habend*) — *der Mann ist alt und hilfsbedürftig*, б) достигший определенного возраста (*ein gewisses Alter habend*) — *der Mann ist 30 Jahre alt*;

2) давно основан, учрежден (*lange her gegründet, gestiftet*) — *eine alte Stadt, Firma*;

3) некоторое время использовавшийся, подержанный (*gebraucht*) — *altes Kleid, altes Klavier*;

4) пришедший в ветхость, негодность (*verbraucht*) — *altes Gerümpel*;

- 5) проверенный временем, испытанный (*langjährig, langbewährt*) — ein alter Genosse;
- 6) неизменный (*unverändert*) — die alte Sorte;
- 7) давно известный (*längst bekannt*) — das ist alt;
- 8) ценный благодаря возрасту (*durch das Alter wertvoll*) — alter Wein, alter Käse;
- 9) несвежий (*nicht frisch*) — altes Brot;
- 10) существовавший в давно прошедшие времена (*vor langer Zeit bestanden*) — alte Römer, alte Sprachen;
- 11) бывший, прежний (*früher, ehemalig*) — alter Schüler;
- 12) прошлый, предшествующий (*vorherig, vergangen*) — altes Jahr;
- 13) отживший, устаревший, но существующий (*übeliebt, veraltet, altmodisch, aber bestehend*) — alter Schläger;
- 14) (ugs.) эмоциональное усиление (*emotionale Verstärkung*), выраждающее ласковое отношение (*verträglich*) — alter Bursche;
- 15) (ugs.) эмоциональное усиление, выраждающее презрительное отношение (*abfällig*) — alter Esel, alter Geizkragen.

Структурность объединения значений в многозначном слове создает возможность моделирования, то есть выявления и обобщения наиболее существенных для объекта исследования особенностей и связей, замены его некоторой моделью, лишенной второстепенных признаков.

Одним из эффективных средств моделирования в лингвистике является принцип оппозиций. Разработанное Н. С. Трубецким для фонологии учение об оппозициях все шире проникает в другие области науки о языке³.

Оппозицию можно определить как различие по одному признаку при сходстве всех остальных. Развличительный признак называется дифференциальным признаком. И. В. Арнольд определяет его как «признак, который может служить средством описания различий между значениями внутри семантической структуры отдельного слова и позволяет разбиение всего множества значений в лексической системе какого-либо языка на пары взаимно не пересекающихся подмножеств»⁴.

Выбор дифференциальных признаков для описания смысловой структуры прилагательного *alt* мы начинаем, исходя из типов лексических значений слов. Типы лексических значений классифицируются нами по трем принципам: генеалогическому, семантическому и детерминативному⁵. По генеалогическому принципу значения внутри смысловой структуры подразделяются на основные и производные; по семантическому принципу — на прямые и переносные (переносные значения могут быть также специализированными, генерализированными, отвлеченными, стилистически окрашенными, связанными, тогда как прямое значение, соответственно, всегда общее, частное, конкретное, нейтральное, свободное); по детерминативному принципу значения подразделяются на собственные и несобственные.

В основу первого дифференциального признака положена генеалогическая классификация типов лексических значений, то есть оппозиция основного и производного значений.

Так как определение основного значения представляет собой известные трудности, наиболее целесообразно применить здесь способ И. В. Арнольд, которая предлагает «в качестве основного... взять первый из указанных в словаре вариантов. Преимущество этого способа — его простота. Недостаток его состоит в том, что первое место в статье может занимать или этимологически исходное, или наиболее частотное современное значение. В случае их совпадения этот способ является оптимальным»⁶.

Этимологическое значение прилагательного *alt* в словарных статьях почти всех используемых словарей совпадает с первым вариантом. Это значение показателя возраста (*Altersangabe*), оно и является его основным значением. Остальные значения *alt* — его производные значения.

В качестве следующего дифференциального признака выбрана нами оппозиция собственных и несобственных значений (детерминативная классификация).

Критерием различия собственных и несобственных значений является их детерминация — констатирующая для собственных и каузативно-консективная для несобственных⁷. Детерминация значений устанавливается

с помощью разложения их на семантические элементы, что является одним из видов компонентного анализа.

Так, основное значение прилагательного *alt* «*ein hohes Alter habend*» (1) можно представить как сумму семантических элементов *lange* + *lebend*. Остальные его значения разлагаются на такие элементы:

- 2) *lange her gegründet* = *lange her* + *gegründet*;
- 3) *gebraucht* = *lange* + *benutzt*;
- 4) *verbraucht* = *zu* + *lange* + *benutzt*;
- 5) *langbewährt* = *lange* + *geprüft*;
- 6) *unverändert* = *lange* + *derselbe* + *geblieben*;
- 7) *längst bekannt* = *lange* + *bekannt*;
- 8) *durch das Alter wertvoll* = *durch* + *langes Aufbewahren* + *wertvoll*;
- 9) *nicht frisch* = *lange* + *aufbewahrt*;
- 10) *vor langer Zeit bestanden* = *vor* + *langer Zeit* + *bestanden*;
- 11) *ehemalig, früher* = *vor* + *langer Zeit* + *in einer Beziehung* + *zu j-m* + *gewesen*;
- 12) *vorherig, vergangen* = *vor* (*langer*) *Zeit* + *gewesen*;
- 13) *überlebt, altmodisch* = *vor* + *langer Zeit* + *aktuell* + *gewesen* + *auch jetzt* + *bestehend*;
- 14) *emotionale Verstärkung (vertraulich)* = *der Allerbeste*;
- 15) *emotionale Verstärkung (abfällig)* = *der Allerschlechteste*.

Значения 2—13 имеют общий семантический элемент с главным, прямым значением (*lange*). Но этот элемент доминирует только в значениях 2—9 (констатирующая детерминация). В остальных значениях (10—13) доминирует другой семантический элемент *vor*, который вносит значительные изменения в семантику главного значения, а именно, меняет его аспектологический характер. Поэтому связь между названными значениями и главным вторичная, осуществляющаяся посредством каузативно-консективной детерминации, например, *wenn wir das aus der heutigen Perspektive betrachten, dann heißt es «lange bestehend»* (доминирует элемент *lange*).

Следовательно, значения 2—9, поскольку они характеризуются констатирующей детерминацией, являются, как и главное (1), собственными значениями прилагательного *alt*. Значения 10—13, благодаря каузативно-

консекутивной детерминации, являются его несобственными значениями.

Значения 14—15 вообще не имеют общих семантических элементов с основным, главным. И здесь необходима каузативно-консекутивная детерминация, например: *lange + etw. getrieben (dadurch) (der) Allerbeste (Allgeschlechteste) + geworden*⁸. То есть это также несобственные значения прилагательного *alt*.

Третий дифференциальный признак заимствован из семантической классификации типов лексических значений. Это наличие или отсутствие у значения стилистической окраски.

Поскольку мы в настоящей статье целиком опираемся на данные словарей, то и для установления наличия или отсутствия стилистической окрашенности мы будем пользоваться словарными пометами. Таких помет словари дают совсем немного: у прилагательного *alt* стилистическая помета «*ugs*» («разговорное») дается только для 15 и 16-го значений.

В качестве дифференциального признака нами выделяется также синтаксическое свойство, а именно, способность или неспособность прилагательного в отдельном значении к трансформационным преобразованиям.

Выбор этого признака обусловлен, во-первых, самой сущностью трансформационного анализа, который определяется как «изменение формальных элементов конструкции при сохранении определенного содержания — инварианта значения (без чего преобразование не имеет никакого смысла и все может быть преобразовано во все)»⁹ и, во-вторых, целями трансформаций («они служат для установления либо того, что одна и та же конструкция имеет различные значения и именно поэтому принадлежит к различным трансформационным классам; либо того, что две конструкции сходны по значению и именно поэтому попадают в один трансформационный класс»)¹⁰.

В качестве трансформ мы будем использовать взаимно предикативно-именную и атрибутивную конструкции. Значения, положительно реагирующие на названную трансформацию без изменения основного, инвариантного значения, противопоставляются значениям, отрицательно на нее реагирующими, и это противопоставление свидетельствует о различии в значениях:

- 1) a) ein alter Mann = der Mann ist alt; b) ein 30 Jahre alter Mann = der Mann ist 30 Jahre alt;
- 2) eine alte Stadt = die Stadt ist alt;
- 3) ein altes Kleid = das Kleid ist alt;
- 4) altes Gerümpel = das Gerümpel ist alt;
- 5) ein alter Genosse \neq der Genosse ist alt;
- 6) die alte Sorte = die Sorte ist alt;
- 7) die alte Geschichte = die Geschichte ist alt;
- 8) alter Wein \Rightarrow der Wein ist alt;
- 9) altes Brot = das Brot ist alt;
- 10) alte Römer \neq die Römer sind alt;
- 11) alter Schüler \neq der Schüler ist alt;
- 12) altes Jahr \neq das Jahr ist alt;
- 13) alter Schlager \neq der Schlager ist alt;
- 14) alter Schwede \neq der Schwede ist alt;
- 15) alter Esel \neq der Esel ist alt.

Все собственные значения *alt*, кроме пятого (*langbewährt*), могут выступать и в атрибутивной, и в предикативно-именной функции. *Alt* в значении *langbewährt* не допускает предикативно-именной трансформации: *alter Genosse* означает «проверенный, испытанный», но не обязательно «в преклонном возрасте».

Из несобственных значений эту трансформацию допускает только тринацатое значение «отживший, устаревший», очевидно, в силу того обстоятельства, что при доминировании элемента *vor* в данном значении сильно влияние элемента *bes tehend*, следовательно, связь с главным значением теснее, что и проявляется в способности к трансформации.

Но вообще способность к трансформационным преобразованиям для несобственных значений нетипична, поскольку они либо не имеют общих семантических элементов с основным значением (как 14, 15), либо их семантические элементы, общие с элементами основного значения, не являются доминирующими, отчего меняется основное, инвариантное значение, обусловливающее трансформацию (как 10, 13).

Таким образом, значения прилагательного *alt* подразделяются на две группы — допускающие трансформацию (1—4, 6—9, 13) и не допускающие трансформации (5, 10, 11, 12, 14, 15).

Для исследования смысловой структуры прилагательного *alt* нами выделено четыре дифференциальных

семантических признака, выбранных эмпирически, на основе типов лексического значения, а также одного синтаксического свойства этого прилагательного.

Каждое значение *alt* можно представить как набор дифференциальных признаков и сопоставить затем отдельные значения между собой и по отношению к главному.

Так, основное значение можно выразить формулой ABCD¹¹ (1), соответственно, производные значения этого прилагательного будут иметь формулы:

- 2) ABCD — 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9
- 3) ABCD — 5
- 4) ABCD — 13
- 5) ABCD — 10, 11, 12.
- 6) ABCD — 14, 15

В соответствии с наборами дифференциальных признаков у прилагательного *alt* нами определено шесть вариантов смысловой структуры.

Сколько и каких общих признаков имеется у отдельных производных значений по сравнению с основным и друг с другом, можно наглядно представить в матричной таблице, где каждый цифровой столбик изображает одинаковые и различные признаки соответствующего варианта смысловой структуры с главным (одинаковые признаки обозначаются 1; различные — 0), а каждая цифровая строчка показывает, в каких производных значениях содержится соответствующий признак главного, а в каких — нет:

	1	2	3	4	5	6
A	0	0	0	0	0	0
B	1	1	0	0	0	0
C	1	1	1	1	0	0
D	1	0	1	0	0	0

В словарной статье второе место после главного значения должен занимать тот вариант, у которого наибольшее количество одинаковых с этим последним признаков: это второй вариант (значения 2—4, 6—9). Третий вариант отличается от предыдущего только одним признаком, а с главным его объединяют два — В и С (значение 5). За ним следует четвертый вариант, у ко-

торого отсутствует признак В, но имеются общие с главным С и D (значение 13). У пятого варианта только один общий признак с главным — С (значения 10—12), а у шестого варианта общих признаков с главным нет вообще (значения 14, 15).

На основе объективных закономерностей: в зависимости от наличия или отсутствия общих дифференциальных признаков с главным, основным значением варианты смысловой структуры *alt* должны располагаться в порядке следования матричных столбиков. Семантическое сходство между значениями одного варианта позволяет представить их в инвариантном значении. Так, значения второго варианта можно объединить в инвариантном значении *lange bestehend*, пятого варианта — в значении *ehemals bestanden*, шестого — в значении *emotionale Verstärkung*.

С помощью дифференциальных семантических признаков устанавливается состав семантических вариантов смысловой структуры прилагательного *alt*, а также их иерархия в словарной статье, которая на основании проведенного исследования должна иметь следующий вид:

I. Altersangabe

- 1) *ein hohes Alter habend* — *ein alter Mann*;
- 2) *ein gewisses Alter habend* — *der Mann ist 30 Jahre alt*.

II. lange bestehend

- 1) *lange her gegründet* — *eine alte Stadt, Firma*;
- 2) *gebraucht* — *altes Kleid, altes Klavier*;
- 3) *verbraucht* — *altes Gerümpel*;
- 4) *unverändert* — *die alte Sorte*;
- 5) *längst bekannt* — *das ist alt*;
- 6) *durch das Alter wertvoll* — *alter Wein, alter Käse*;
- 7) *nicht frisch* — *altes Brot*.

III. langbewährt — *ein alter Genosse*.

IV. überlebt, altmodisch, aber bestehend — *alter Schlager*.

V. ehemals bestanden.

- 1) *vor langer Zeit bestanden* — *alte Römer, alte Sprachen*;
- 2) *ehemalig, früher* — *alter Schüler*;
- 3) *vorherig, vergangen* — *altes Jahr*.

VI. ugs. emotionale Verstärkung

- 1) vertraulich — alter Schwede;
- 2) abfällig — alter Esel.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ И. В. Арнольд. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. Докт. дисс., Л., 1966.

² Использовались следующие словари: L. Mackensen. Deutsches Wörterbuch. Baden-Baden, 1962; Trübner's deutsches Wörterbuch. Berlin, 1939, 1957; Stilwörterbuch. Leipzig, 1964—1966; Der Sprachbrockhaus. Deutsches Bildwörterbuch für jedermann. Leipzig, 1969; Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Leipzig, 1962; Deutsches Wörterbuch, von Hermann Paul, Halle (Saale), 1956—1957; Der Grosse Duden, Bd. 2, Mannheim, Stilwörterbuch, 1963; Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, Hrsg., von Ruth Klappenbach und Wolfgang Steinitz, Berlin, 1961.

³ Применение учения об оппозициях на морфологическом уровне описано в работах: С. Маркус. Логический аспект лингвистических оппозиций: «Проблемы структурной лингвистики». М., 1963; А. В. Исаченко. Бинарность, привативные оппозиции и грамматические значения. ВЯ, 1963, № 2; оппозиции в семасиологии разработаны И. В. Арнольд в указ. диссертации.

⁴ И. В. Арнольд. Оппозиции в семасиологии. ВЯ № 2, 1966, стр. 107.

⁵ См. В. С. Виноградова. О типах лексических значений слов. Тезисы докладов VII межвузовской научной конференции по романо-германскому языкознанию. Пятигорск, 1970.

⁶ И. В. Арнольд. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. Л., 1966, стр. 78.

⁷ Термин «детерминация» употребляется в значении: «отношение между двумя функциями, один из которых синтагматически определяет другой, но не наоборот». См. О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1969, стр. 129. Термины «констатирующая» и «каузативно-коисекутивная» детерминация заимствованы у Г. И. Куликова, см. «Значение слова с точки зрения языка и речи». Сб. Вопросы романо-германской филологии и статистика речи, ч. II. Минск, 1965.

⁸ См. Г. И. Куликов. Указ. соч., стр. 126.

⁹ К. Г. Крушельницкая. Трансформационный метод и проблема значения. Ии. яз. в высш. шк., вып. 3, М., 1964.

¹⁰ Там же.

¹¹ Нами приняты следующие условные обозначения: А — основное значение, \bar{A} — производное значение; В — собственное значение, \bar{B} — несобственное значение; С — стилистически нейтральное значение, \bar{C} — стилистически окрашенное значение; D — подвергающееся трансформации, \bar{D} — не подвергающееся трансформации значение.

В. В. КРАЧИНСКАЯ

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ИЗМЕНЯТЬСЯ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья представляет собой попытку уточнить структуру лексико-семантической группы глаголов со значением «изменяться». На основе структурно-семантического анализа ставится задача выявить компонентный состав значения «изменяться», дифференциально-семантические признаки каждого глагола и взаимосвязь глаголов в данном значении в пределах группы.

Основной теоретической посылкой является признание системного характера лексики и семантики языка и рассмотрение значения как компонента лексико-семантической системы языка.

Принятие этого положения большинством исследователей привело к имеющимся в настоящее время описаниям отдельных участков лексико-семантической системы. «Эти описания убедительно свидетельствуют о системной организации слов внутри словарного состава¹. Они выявляют общее направление в исследований — стремление систематизировать словарный состав, представив его в виде набора отдельных групп слов, однородных в семантическом отношении.

Анализ словарных статей показывает, что исследуемая группа глаголов представлена либо пятью глаголами-синонимами², либо четырьмя³, либо большим количеством глаголов, как в словаре П. М. Роже⁴. Последнее вполне объяснимо, так как с философской точки зрения «изменение охватывает всякое движение и взаимодействие, переход из одного состояния в другое»⁵. Выделяя глаголы, мы исходили из их смысловой структуры.

Смысловая структура слова «представляет собой в каждый исторический период развития иерархическую

систему лексико-семантических вариантов»⁶ (ЛСВ). У глаголов *alter*, *vary*, *convert* значение «изменяться» является основным в их смысловой структуре. Словарь А. Хорнби⁷ толкует эти глаголы через глагол *change*, который, следовательно, является их идентификатором. В свою очередь, глаголы *change*, *alter*, *vary* идентифицируются через *become different*. Глагол *become* в своем основном номинативном значении «делаться, становиться» является идентификатором для группы глаголов *grow*, *get*, *turn*, *go*, *hup* (*get* идентифицируется также и через *change*). Наличие в смысловой структуре данных глаголов значений «изменяться» и «становиться» подтверждается и данными эксперимента, проведенного Л. А. Богдановой⁸. Хотя значение «изменяться» является производным, глаголы характеризуются более высокой частотностью употребления в этом значении, чем в других⁹; это делает их равноправными членами группы.

Наличие общего семантического компонента (ОСК) — значения «изменяться» позволило выделить группу глаголов для исследования: *change*, *alter*, *vary*, *modify*, *shift*, *convert*, *become*, *grow*, *get*, *turn*, *hup*, *go*.

В статье рассматривается компонентный состав значения «изменяться, становиться» как «совокупность признаков предмета или явления, фиксируемых в данном значении»¹⁰.

Сопоставление исследуемых глаголов в значении «изменяться» и их сочетаемостных свойств только по данным толковых и синонимических словарей не является исчерпывающим, так как не все словари отражают комбинаторику этих глаголов или отражают ее неполно, не говоря уж об их лексической комбинаторике.

Выявить структурно-семантические особенности глаголов можно лишь исходя из конкретной данности языка, то есть из текста. Стиль художественной речи, повествовательный жанр с его многообразной тематикой считается приемлемым для извлечения объективных данных.

Так как анализ структурно-семантических особенностей глаголов связан с исследованием их сочетаемостных свойств, то на первом этапе описываются валентные свойства глаголов. На основе примеров, полученных путем сплошной выборки из художественных произведений, выявляются синтаксические структуры функ-

ционирования этих глаголов. Поскольку исследуемые глаголы многозначны, а синтаксические структуры сами по себе не разграничивают значений многозначных глаголов, необходимо изучать лексическую сочетаемость как средство «разграничения и актуализации многозначных лексических знаков»¹¹. На этом основании выявляются лексические модели для каждой структуры, в которых реализуется только значение «изменяться». На этом этапе применяется дистрибутивный метод и компонентный анализ. На основе компонентного анализа значение «изменяться» расчленяется и представляется в виде набора сем.

На втором этапе исследуются парадигматические свойства сопоставляемых глаголов, выявляется их «внутрисистемная значимость»¹². Путем анализа общих и индивидуальных сем, выделенных на основе компонентного анализа, выявляются отношения тождества и различия между глаголами внутри группы.

В работе используются некоторые виды трансформаций: 1) трансформация объяснения всех анализируемых глаголов через ОСК *change*, *become different* для их семантического отождествления; 2) трансформация опущения отдельных компонентов синтаксической структуры для доказательства их обязательности или факультативности; 3) трансформация свертывания для сведения распространенных структур к ядерным.

Для получения более объективных данных проводится количественный анализ материала, который показывает особенности функционирования глаголов. Наряду с частотностью употребления глаголов в значении «изменяться» исследуется частотность различных структур, в которых глаголы употребляются для передачи этого значения.

Исследуемая группа глаголов в целом неоднородна в синтаксическом отношении. Наличие ведущих структурных моделей позволило подразделить глаголы на две подгруппы. Первая подгруппа включает глаголы: *change*, *alter*, *convert*, *modify*, *vary*, *shift*; вторая — *become*, *grow*, *get*, *turn*, *go*, *гип.*

Анализ глаголов подгруппы I по данным словарей приведен в таблице 1. В таблице указан порядковый номер ЛСВ, выделен ОСК, отождествляющий глаголы, показаны валентные свойства глаголов, а также семы

Характеристика глаголов подгруппы I по данным словарей

Глаголы	Порядковый номер ЛСВ	Общий семантический компонент	Валентность	Семы значения «изменяться»			
change	3	make or become different	make different	P 1 P 18 P 21	an essential difference, the substitution of one thing for another		
alter	1	make or become different, change	make different, change (in some respect)	P 1 P 10	difference in some particular respect	change in some respect, a partial change	
convert	2	change (from one state ... into another)		P 1 P 18		change from one state into another	
modify	2	change, make different		P 1	suggests more often that implies a difference that limits or restricts	suggests minor changes or absence of radical changes, differences	
vary	1 2	change, become different, change, make different	change partially, become different	P 21 P 1	a difference due to shifting, growth	change partially, or from time to time	change
shift	1	change position, move	change or alter one's position, place	P 1, P 10, 18 21, 23 24		change or alter one's position, place	change position, move from one place to another
Словари: Hornby		Gandelsman	Hornby	Webster	Gandelsman	Hornby	

значения «изменяться». Глагол *shift*, выделяемый словарями, но не допускающий толкования через ОСК, требует детального анализа его структурно-семантических особенностей. Две семы значения «изменяться» у глагола *change* требуют тщательной проверки для решения вопроса, являются ли они семами одного значения и, следовательно, допускают толкование через ОСК, или это разные ЛСВ.

Исследование глаголов в синхронном плане выявляет количественные взаимоотношения между глаголами— различную частотность их употребления. Из общего количества 1200 примеров на 3000 страниц текста, на глаголы подгруппы I приходится 386 примеров. Самый частотный — глагол *change* (280 примеров), который является опорным словом подгруппы I. Остальные глаголы располагаются за ним в порядке уменьшения их частотности: *alter* — 50 примеров, *convert* — 23, *shift* — 15, *modify* — 10, *vary* — 8. Анализ валентных свойств глаголов в современном языке и сравнение с данными словарей позволили выявить функционирующие структуры употребления глаголов в значении «изменяться» и семантическую избирательность каждого глагола.

Структура I N + V является самой частотной (160 примеров). Частотность глаголов в этой структуре такова: *change* — 110 примеров, *alter* — 18 примеров, *shift* — 7, *vary* — 5. По словарю Хорнби данная структура соответствует Р 21. Глаголы *convert*, *modify* в этой структуре не встретились.

Глаголы *change*, *alter*, *vary*, *shift* в данной структуре являются непереходными, одновалентными, реализуя только субъектную валентность в обязательной позиции. Модели лексической сочетаемости глаголов в данной структуре: № 1 $N_1^1 + V$, № 2 $N_3^1 + V$, № 3 $N_4^1 + V$, № 4 $N_6^1 + V$, № 5 $N_8^1 + V$.

№ 1. How the fellow had *changed* — grim, greyish, bitter (V, 255) → the fellow had become different. (1)

He had *altered* (XI, 355) → he had changed (had become different). (2).

... he found Soames on the weighing machine «I don't *vary*» — he said (IV, 166) → I don't change (alter, become different). (3)

№ 2. The country's *changed!* (VII, 203) → the country's become different. (4)

№ 3. Women had *changed!* (II, 265) → Women had become different. (5)

Примечание: В статье принятые следующие обозначения: N — существительные и имена, их заменяющие; верхний индекс — валентность, нижний индекс — разряд существительных по классификации И. В. Арнольд (см. И. В. Арнольд «Семантическая структура слова в английском языке и методика ее исследования», Л., 1966), A — прилагательные, V — глаголы, D — наречия, обстоятельственные слова, Prep. — предлоги. Знак → для отождествления трансформируемых предложений исходным, знак ≠ для обозначения несоответствия трансформируемых предложений исходным.

№ 4. His mother's startled face was *changing* (III, 169) → his mother's face was becoming different. (6)

His face had *altered*, grown older (XI, 355) → his face had changed (become different). (7)

The gray eyes *shifted* (II, 98) ≠ the gray eyes changed (altered, became different) → the gray eyes moved. (8)

Модели № 2 и № 3 представлены только глаголом change. № 5. ... circumstances had *changed* (I, 354) → circumstances had become different. (9)

Human nature doesn't *alter* (VI, 45) → Human nature doesn't change (become different). (10)

Her solid nature never *varied* (IV, 268) → her solid nature never changed (altered, became different). (11)

... while the sun *shifted* (VI, 173) ≠ while the sun changed (altered, became different) → while the sun moved. (12)

Трансформация объяснения через ОСК применима только к глаголам alter, vary и свидетельствует о наличии в их смысловой структуре ЛСВ «изменяться», а также об их тесной семантической связи, выразившейся в возможности взаимозаменяемости на уровне отдельных разрядов существительных. Глагол shift не допускает трансформации объяснения через ОСК (примеры 8, 12), что подтверждает отсутствие ЛСВ «изменяться» в его смысловой структуре. Глагол реализует ЛСВ «двигаться».

Глаголы подгруппы I могут быть двухвалентными, употребляясь либо с наречиями, либо с существительными.

Структура II $N^1 + V + N^2$ представлена 182 примерами. Частотность глаголов в ней такова: *change* — 123 примера, *alter* — 21, *convert* — 18, *modify* — 10, *shift* — 7, *vary* — 3. По словарю Хорнби данная структура соответствует Р I. Все глаголы в структуре выступают как переходные, двухвалентные. Обязательность объектного уточнителя выявляется через трансформацию опущения. Усеченные предложения являются либо грамматически отмеченными, но высказывание имеет другой смысл (примеры 20, 21), либо грамматически неотмеченными и не имеют смысла (пример 23). Объектный уточнитель представлен, в основном, существительными первого, шестого, восьмого разрядов. В ряде примеров (21, 22, 23) наблюдается совпадение разрядов существительных субъектной и объектной валентности (шестой, восьмой).

Лексические модели: № 1 $N_2^1 + V + N_6^2$, № 2 $N_1^1 + V + N_4^2$, № 3 $N_1^1 + V + N_8^2$, № 4 $N_2^1 + V + N_8^2$, № 5 $N_6^1 + V + N_6^2$, № 6 $N_7^1 + V \div N_6^2$, № 7 $N_8^1 + V + N_8^2$.

№ 1. I should like to *change* my bedroom curtains ... I'll *change* the carpet too; there's a lovely powder blue at Harton's (IV, 206) ≠ the curtains (carpet) will become different. (13)

He was *altering* the lace on a collar (I, 277) ≠ the lace was becoming different. (14)

Suppose you *convert* some streets (VI, 192) → the streets become different ≠ you convert ... (15)

... he prayed in a muffled murmur, *varying* the usual words (VI, 313) → he prayed and varied the words → the words became different ≠ he varied... (16)

... the other had not *modified* his habits (I, 60) → the other's habits had not become different ≠ the other had not modified... (17)

The fireman *shifted* the angle of his arm (VI, 306) ≠ the fireman's arm became different → the fireman changed the place of his arm (moved his arm). (18)

Трансформация объяснения через ОСК неприменима к глаголам *change*, *alter* (примеры 13, 14). Следовательно, в лексической модели № 1 структуры II эти глаголы реализуют ЛСВ — «заменить одну вещь на другую» (который не зарегистрирован в словарях для глагола *alter*), а не ЛСВ «изменяться». Глагол *shift* не допускает трансформации объяснения через ОСК (при-

мер 18) и реализует ЛСВ «двигаться». В данной модели лишь глаголы convert, vary, modify реализуют значение «изменяться».

№ 2. «Will you *convert* those people?» (VI, 192) ≠ will you convert... (19)

№ 3. You can't *change* their character (VI, 147) ≠ you can't change... (20)

№ 5. The war hasn't *changed* Robin Hill (III, 94) ≠ the war hasn't changed.... (21)

№ 7. The announcement of engagement had materially *changed* the complexion of affairs (V, 188) ≠ the announcement of engagement had materially changed... (22)

Bosinney's death *altered* the complexion of everything (I, 366) ≠ Bosinney's death altered... (23)

Модель № 2 представлена только глаголом convert, а модели № 4 и № 5 — глаголом change. В моделях № 2 — № 7 структуры II все глаголы допускают трансформацию объяснения через ОСК и реализуют ЛСВ «изменяться».

В большинстве примеров структур I и II глаголы change, alter, convert передают значение «изменяться» недифференцированно. Глаголы vary, modify (примеры 3, 11, 16, 17) в значение «изменяться» привносят качественный момент «изменяться — видоизменяться».

Структура III N¹ + V + D² представлена 20 примерами. Частотность употребления глаголов в ней такова: change — 11 примеров, alter — 6, vary — 3. Глаголы modify, convert не встретились в этой структуре. По словарю Хорнби структура III соответствует Р 23 и зарегистрирована только для глагола alter. У глаголов change, vary авербальная валентность не является устойчивым элементом и не всегда реализуется, то есть факультативна. Глагол change употребляется с авербальными уточнителями общего характера: much, a good deal, terribly, completely (at all, a bit в отрицательных предложениях), опущение которых не приводит к грамматической неотмеченности предложения, не влияет на смысл предложения в целом (примеры 25, 30).

Для глагола alter авербальная валентность может быть и обязательной и факультативной. Наречия, употребляющиеся с глаголом alter, указывают на меру и степень действия и образуют оппозицию по признаку

«изменяться в большей или меньшей степени»: in principle: terrifyingly: sensibly = slightly: a little: very little. Наречия terrifyingly, sensibly усиливают у глагола alter сему «изменяться существенно». Применяя к ним трансформацию опущения, получаем грамматически отмеченные предложения. Возможно, присутствие этих наречий при глаголе alter (как и у change) диктуется ситуацией (примеры 26, 27). Наречия slightly, a little способствуют реализации глаголом alter семы «изменяться частично». Опущение этих наречий изменяет смысл предложения на противоположный: это свидетельствует об их обязательности (примеры 28, 29).

Выявлены лексические модели: № 1 $N_1^1 + V + D^2$, № 2 $N_8^1 + V + D^2$. № 1. He's *changed* a good deal (VI, 219) → he's changed... (24)

She hadn't *changed* a bit (VI, 25) → she hadn't changed... (25)

She had *altered* terrifyingly (XI, 459) → she had altered... (26)

№ 2. Brodie's position had *altered* sensibly (XI, 73) → Brodie's position had altered... (27)

The Dad's handwriting had *altered* very little (I, 246) ≠ the Dad's handwriting had altered... (28)

... his voice *altered* slightly (X, 227) ≠ his voice altered... (29)

They (prophecies) *varied* somewhat (V, 83) → they varied... (30)

Все глаголы допускают трансформацию объяснения через ОСК.

Структура IV $N^1 + V + N^2 + \text{Prep.} + N^3$ представлена 16 примерами и 3 глаголами: change — 6 примеров, alter — 5, convert — 5. По словарю Хорнби она соответствует Р 18 (для глагола alter не зарегистрирована). В данной структуре глаголы выступают как трехвалентные, реализуя сему значения «изменяться» — «переходить в другое качество, состояние».

Применяя трансформацию свертывания, сводим данную структуру к ядерной структуре II, распространением которой она является. Вследствие своей производности от ядерной, структура IV не частотна. В лексической модели наблюдается совпадение разрядов существительных всех трех валентностей (восьмой разряд).

... the sight of her eyes which *changed* that painful

incoherence to anger (II, 130) → the sight of her eyes
which changed that painful incoherence ... (31)

... and all the pious inscriptions on the stones were
altered to descriptions of their sins (III, 303) →
they altered all the inscriptions ... (32)

The war's *converted* life to comedy (IV, 30) → the
war converted life... (33)

Во всех примерах все глаголы допускают трансформацию объяснения через ОСК.

Структура IV^a N¹ + V + Prep. + N² + Prep. + N³ представлена глаголом *vary* (2 примера) и структура V N¹ + V + Prep. + N² — глаголом *change* (11 примеров) (не зарегистрирована для этого глагола в словаре Хорнби) в двух лексических моделях с полным совпадением разрядов существительных первой и второй валентности (шестой, восьмой разряды).

Глагол *vary* в структуре IV^a выступает как трехвалентный, а глагол *change* в структуре V — как двухвалентный. Применяя трансформацию свертывания, получаем грамматически отмеченные ядерные предложения, но количество информации сокращается.

The reason for ejection *varied* from truth to a legend (V, 83) → the reason ... varied ... (34)

The bright hot morning had *changed* slowly to a grey-
oppressive afternoon (I, 274) → the bright hot morning
had changed ... (35)

... old Jolian primal aversion had *changed* into attachment
with years (I, 375) → aversion had changed... (36)

Глагол *vary* реализует сему значения «изменяться» —
«видоизменяться», а глагол *change* — сему «изменяться» —
переходить в другое качество, состояние».

Структуры IV, IV^a, V не частотны и сводимы к ядерным структурам I, II, вместе с которыми они образуют качественную оппозицию по признаку генерализации — специализации значения «изменяться»: «изменяться» —
переходить в другое качество, состояние»: N¹ + V : N¹ + V + Prep. + N² = N¹ + V + N² : N¹ + V + N² + Prep. + N³.

В свою очередь, ядерные структуры образуют оппозицию по линии переходности — непереходности.

Исследование показало, что глаголы *change*, *alter*, *convert* в большинстве примеров передают значение «изменяться» в самом общем виде. Глагол *change* является наименее конкретным, принадлежит к высшему

уровню абстракции и поэтому может служить идентификатором для других глаголов группы. По мере удаления от *change* и уменьшения частотности возрастает информативная ценность глаголов *modify*, *vary*, которые, имея в своей смысловой структуре ЛСВ «изменяться», содержат и указание на его качественную характеристику. Эти глаголы образуют с глаголами *change*, *alter* качественную оппозицию по признаку генерализации-специализации значения «изменяться» — «изменяться ~~—~~ видоизменяться».

Глаголы подгруппы I активно взаимодействуют с глаголами подгруппы II и образуют качественную оппозицию по линии генерализации-специализации значения «изменяться» — «изменяться ~~—~~ —» переходить в новое качество, состояние».

... his face had *altered*, *grown* older. (XI, 355) (37)

The eyes *changed*, *became* amazed... (VII, 201) (38)

Глаголы подгруппы II более частотны (70 примеров). Глагол *become* — самый частотный (356 примеров) и является опорным словом подгруппы II. Остальные глаголы располагаются за ним по мере уменьшения их частотности: *grow* — 163 примера, *get* — 155, *turn* — 64, *go* — 56, *run* — 10.

Как уже было сказано, для передачи значения «становиться, делаться» глагол *become* употребляется в своем основном номинативном значении, остальные — в производном.

Характеристику глаголов подгруппы II можно проследить по словарю А. Хорнби (см. таблицу 2).

Структура I N¹ + V + A² является самой частотной (606 примеров). Частотность глаголов в этой структуре такова: *become* — 209 примеров, *grow* — 163, *get* — 145, *go* — 56, *turn* — 35, *run* — 10.

По словарю Хорнби данная структура соответствует Р 22. В данной структуре все глаголы двухвалентные. Вторая валентность представлена прилагательными, реже причастием II. Обязательность второй валентности подтверждается трансформацией опущения. Усечение предикатива приводит к грамматической неотмеченности предложения. В ряде примеров усеченные предложения имеют другой смысл. Связь между подлежащим и предикативом можно обозначить как «согласование по смыслу». Обязательность предикатива, необходимая

Характеристика глаголов подгруппы II по словарю А. Хорнби

Глаголы	Порядковый номер ИСВ	Общий семантический компонент	Валентность	Семы значения «изменяться»
become	1	come or grow to be	P 22	pass from one state to another
grow	2	become, turn	P 22	
get	5	change, become	P 22	change or pass from one state to another, become or cause to become
go	12	become	P 22	pass from one state to another, become
turn	3	change	P 1, 7, 10 18, 21, 22, 24	change, or cause to change in nature, form, condition
run	9	become	P 22	pass into a specified condition

для завершенности конструкции, придает предложению законченность, цементируя его как структурное единство¹³.

Выявлены модели лексической сочетаемости глаголов в данной структуре: № 1 N₁¹ + V + A², № 2 N₂¹ + V + A², № 3 N₆¹ + V + A², № 4 N₈¹ + V + A².

№ 1. Soames had *become* very pale (I, 103) → Soames had changed ≠ Soames had become... (39)

... he *grew* calmer (I, 109) → he changed ≠ he grew... (40)

She... *grew* hot and miserable (VII, 40), ≠ she... grew... (41)

I'm *getting* very deaf (I, 112) ≠ I'm getting... (42)

He *turned* sulky (I, 238) ≠ he turned... (43)

He'll go bankrupt (I, 335) ≠ he'll go... (44)

№ 3. Her pale face *grew* paler (III, 277) ≠ her pale face grew... (45)

... her face *went* stony (III, 51) ≠ her face went... (46)

... the rivers *ran* red (V, 121) ≠ the rivers ran... (47)

№ 4... his communications to her had been *growing* increasingly brief (XI, 255) ≠ his communications had been growing... (48)

В лексических моделях структуры I все глаголы допускают трансформацию объяснения через ОСК change. В ряде примеров глаголы проявляют индивидуальную семантическую избирательность компонента A. Так, при глаголе grow компонент A выражен прилагательными: 1) в сравнительной степени (примеры 40, 45), 2) обозначающими ухудшение состояния субъекта (пример 41), 3) прилагательными short, brief, faint, less, которые по своей семантике противоречат основному значению глагола «расти, увеличиваться в размерах» (пример 48). Глагол go не встретился с прилагательными, выражающими положительный признак.

Все глаголы допускают взаимозаменяемость в определенных моделях (примеры 39, 40, 45, 46), что свидетельствует об их тесной семантической связи — синонимичности.

Структура I^a N¹ + V + Prep. + A² + Prep. + A³ представлена глаголом go (4 примера), который является в ней трехвалентным. Структура представляет собой распространение ядерной структуры I, к которой она сводится после применения трансформации свертывания.

... things had *gone* from bad to worse (V, 194) → things had gone bad ≠ things had gone... (49)

Структура II N¹ + V + N² представлена 159 примерами и 2 глаголами: become — 147 примеров, get — 12. По словарю Хорниби она соответствует Р 22. Обе валентности глаголов обязательны. Характерной особенностью является совпадение разрядов существительных субъектной и объектной валентности (первый, восьмой).

Лексические модели сочетаемости глаголов: № 1 N₁¹ + V + N₁², № 2 N₆¹ + V + N₈², № 3 N₈¹ + V + N₈².

№ 1. I've *become* a writer, Jon (VI, 25) ≠ I've become... (50)

He is *getting* more and more male (IV, 202) ≠ He is getting... (51)

№ 2. London had *become* a terrific property (III, 228) ≠ London had become... (52)

№ 3. Love must *become...* a fragrant memory, (III, 120) → Love must change into memory. (53)

Структура II характерна и для глаголов подгруппы I, но разный характер значения глаголов в этой структуре позволяет трансформацию пассива для глаголов подгруппы I и не допускает ее для глаголов подгруппы II.

Структура III $N^1 + V + N^2 + Prep. + N^3$ представлена глаголом *turn* (29 примеров) в двух лексических моделях, в которых наблюдается совпадение разрядов существительных второй и третьей валентности (шестой, восьмой разряды). Первая валентность представлена существительными первого разряда.

I don't want to *turn* everything into a joke (VII, 172) → I don't want to change everything into a joke ≠ I don't want to turn... (54)

You could *turn* the whole thing into an indictment of modern morality (V, 201) ≠ You could turn... (55)

Структура IV $N^1 + V + Prep. + N^2$ представлена глаголом *grow* (10 примеров) и не зарегистрирована по словарю Хорнби. Обе валентности являются обязательными и представлены существительными первого разряда.

You would see her baby *grow* into a boy (V, 299) → her baby change into a boy → her baby become a boy ≠ her baby grow... (56)

Все глаголы подгруппы II во всех рассматриваемых структурах и моделях имеют значение «изменяться — переходить в другое качество, состояние». Наличие у этих глаголов значения «изменяться» подтверждается трансформацией объяснения через ОСК.

Проведенное исследование дает возможность сделать следующие выводы:

1. Группа глаголов со значением «изменяться» в синхронном срезе выделена на основе ОСК.

2. Проверка всех исследуемых глаголов трансформацией объяснения через ОСК на наличие у них значения «изменяться» позволяет отграничить данный ЛСВ от других ЛСВ смысловой структуры глагола.

3. Группа неоднородна в синтаксическом отношении. Наличие ведущих структур для передачи значения «изменяться» позволило выделить две подгруппы глаголов

Компонентный состав значения «Изменяться»

Гла- голы	Семы значения «изменяться»			I подгруппа
	Изменяться существенно	изменяться частично	изменяться — видоизменяться	
change	$N^1_{1, 3, 4, 6, 8} + V$ $N^1_{6(8)} + V + N^2_8$	$N^1_{1,2} + V + N^2_8$ $N^1_{6(8)} + V + N^2_8(8)$	—	—
alter	$N^1_{1,6,8} + V$	$N^1_{1,8} + V + N^2_8$ $N^1_7 + V + N^2_6$	$N^1_{1, 8} + V + D^2$	—
convert	—	$N^1_1 + V + N^2_{4, 6}$	—	—
modify	—	—	—	$N^1_1 + V + N^2_6$
vary	—	—	—	$N^1_{1, 8} + V$ $N^1_1 + V + N^2_6$ $N^1_8 + V + D^2$ $N^1_8 + V + P_{rep} + N^2_8 + P_{rep} + N^3_8$
Структуры	$N^1 + V$	$N^1 + V + N^2$	$N^1 + V + D^2$	$N^1 + V$ $N^1 + V + N^3$ $N^1 + V + D^2$ $N^1 + V + P_{rep} + N^2 + P_{rep} + N_8$

Семы значения «изменяться»

I подгруппа →

изменяться — переходить из одного состояния в другое с ухудшением состояния

Глаголы

 $N^1_1 + V + N^2_8 + \text{Prep} + N^3_8$ $N^1_6(s) + V + \text{Prep} + N^2_6(s)$ — $N^1_{1,6,8} + V + A^2$ $N^1_6(s) + V + N^2_1(s)$ be-
come

 $N^1_1 + V + N^2_8 + \text{Prep} + N^3_8$ $N^1_1 + V + \text{Prep} + N^2_2$ — $N^1_{1,2,6,8} + V + A^2$ — grow

 $N^1_1 + V + N^2_6(s) + \text{Prep} + N^3_6(s)$ — — $N^1_{1,2,6,8} + V + A^2$ $N^1_1 + V + N^2_1$ get

 $N^1_1 + V + N^2_6(s) + \text{Prep} + N^3_6(s)$ — — $N^1_{1,8} + V + A^2$ — turn

 $N^1_1, 6, + V + A^2$ — — — go

 $N^1_6 + V + \text{Prep} + A^2 + \text{Prep} + A^3$
 $N^1 + V + N^2 + \text{Prep} + N^3$ $N^1 + V + \text{Prep} + N^2$ $N^1 + V + A^2; N^1 + V + \text{Prep} + A^2 + \text{Prep} + A^3$ $N^1 + V + A^2$ — run

 $N^1 + V + N^2$ Струк-
туры

II подгруппа →

внутри ЛСГ, которые образуют качественную оппозицию по линии генерализации — специализации этого значения: «изменяться ~~—~~» ~~—~~ переходить в новое качество, состояние».

4. В каждой подгруппе глаголов выделяются ядерные структуры, которые очень частотны, и структуры не частотные, являющиеся распространением ядерных.

5. Наличие общих структур и общих моделей лексической сочетаемости свидетельствует о тесной семантической связи между глаголами в каждой из подгрупп — их синонимичности — и возможности взаимозаменяться на уровне отдельных разрядов существительных.

6. Внутри каждой подгруппы выделяется опорное слово, глагол, который в самом общем виде передает значение «изменяться». Остальные глаголы располагаются за опорным словом в порядке убывания их частотности. Чем ближе по частотности глагол к опорному слову, тем теснее их семантическая связь. Чем меньше его частотность и, следовательно, дальше стоит глагол от опорного слова, тем более возрастает его информативная ценность, «значимость» (индивидуальная характеристика).

7. Анализ валентных свойств в современном языке и сравнение с данными словарей позволяет выявить функционирующие структуры употребления для каждого глагола.

8. Группа представляет собой совокупность слов, противопоставленных друг другу по одним признакам (индивидуальные синтаксические возможности и семантическая избирательность) при общности других (ОСК, общие структуры и общие модели лексической сочетаемости). Применение метода компонентного анализа позволило представить значение «изменяться» в виде набора сем (таблица 3).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О. Н. Селиверстова. Значение слова и информация. «Теория речевой деятельности». М., 1968, стр. 142.

² A. G a n d e l s m a n. «English Synonyms». M., 1963, pp. 198.

³ Webster's Dictionary of Synonyms. Copyright, 1951, by G. & C. H e r r i a m Co.

⁶ P. M. Roget. *Thesaurus of English Words and Phrases*. Penguin Books, 1953, pp. 46, 49, 289.

⁵ Философский словарь. Изд. II. М., 1968, стр. 127.

⁶ А. Уфимцева. К разграничению лексического и лексико-грамматического уровней языка. «Иностранные языки в школе», № 2, 1968, стр. 8.

⁷ A. S. Hogby. *The Advanced Learner's Dictionary of Current English*. Printed in Poland.

⁸ Л. А. Богданова. Структура и семантика глагольно-именных словосочетаний типа *to became a teacher*, *to grow old*. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1970.

⁹ Л. А. Богданова. См. указанную работу.

¹⁰ В. Г. Гак. Опыт применения сопоставительного анализа к изучению структуры значения слова. ВЯ, № 2, 1966.

¹¹ А. А. Уфимцева. См. указанную работу.

¹² А. А. Уфимцева. См. указанную работу.

¹³ В. Г. Адмони. Завершенность конструкции как явление синтаксической формы. ВЯ, № 1, 1958, стр. 112.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ, ЦИТИРУЕМЫХ В СТАТЬЕ

I. G. Galsworthy. *The Forsyte Saga*. М., 1956, v. I, *Man of Property*.

II. G. Galsworthy. *The Forsyte Saga*. М., 1956, v. II, *In Chancery*.

III. G. Galsworthy. *The Forsyte Saga*. М., 1956, v. III, *To Let*.

IV. G. Galsworthy. *The Forsyte Saga*. М., 1956, v. I, *Maid in Waiting*.

V. G. Galsworthy. *The Forsyte Saga*. М., 1956, v. II, *Silver Spoon*.

VI. G. Galsworthy. *The Forsyte Saga*. М., 1956, v. III, *Swan Song*.

VII. G. Galsworthy. *End of the Chapter*. М., 1963, v. I, *Maid in Waiting*.

VIII. G. Galsworthy. *End of the Chapter*. М., 1963, v. II, *Flowering Wilderness*.

IX. G. Galsworthy. *End of the Chapter*. М., 1963, v. III, *Over the River*.

X. A. Cronin. *Citadel*. М., 1963.

XI. A. Cronin. *Hatter's Castle*. М., 1960.

XII. C. P. Snow. *Time of Hope*. М., 1964.

Т. В. МАКСИМОВА

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ АНГЛИЙСКИХ ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДНЫХ

До настоящего времени в англистике семантической стороне словообразования уделялось меньше внимания, чем вопросам формального словообразования. В связи с этим словообразовательная семантика является мало-разработанной в синхронном словообразовании вообще и в префиксации в частности.

На необходимость и актуальность исследования взаимосвязи и взаимообусловленности структуры и семантики компонентов производного, а также правил их сочетаемости в зависимости от смысла указывают многие лингвисты [1]. Изучение семантического согласования между компонентами производного в свою очередь связано с проблемой значения производного слова, в частности, префиксального, поскольку проблема значения префиксального производного не может быть решена без исследования тех системных закономерностей, которые обусловливают характер взаимодействия его компонентов и тем самым предопределяют семантику лексических групп производных слов.

Можно считать установленным тот факт, что значение аффиксального производного является результатом сложного взаимодействия структуры и семантики компонентов словообразовательной модели — аффикса и производящей основы [2, 3]. Это утверждение относится ко всем производным, но особенно важно для таких производных слов, в качестве компонентов которых выступает многозначный аффикс и многозначная производящая основа [3, 4]. Однако если семантике суффиксальных производных посвящены специальные исследования [4], то вопрос о системных закономерностях взаи-

модействия компонентов префиксальных моделей затрагивался и решался в лингвистической литературе лишь в самом общем виде [3, 5]. Что касается префиксальных производных, то представляется также необходимым исследовать то сложное взаимодействие значений префикса и производящей основы, которое проявляется в «выборе» префиксом определенного значения производящей основы и в «выборе» самой производящей основой соответствующего значения префикса. Зависимость семантики префиксального производного от структурных и семантических особенностей их компонентов действительно имеет место. Однако, чтобы объяснить ряд вопросов, связанных с фактором однозначности и/или многозначности значений производных, построенных по одной и той же структурно-семантической модели, необходимо учесть количество значений их компонентов.

Семантика префиксального производного обусловливается не только структурными и лексико-семантическими характеристиками его компонентов, но зависит и от конкретных семантических характеристик префиксов и производящих основ в пределах структурно-семантической модели.

Известно, что префиксы в современном английском языке можно характеризовать с разных точек зрения: как однозначные и многозначные, продуктивные и не-продуктивные, глагольные и связанные с глаголом лишь частью своих значений и т. п. [5, 6, 7]. Производящие основы, участвующие в образовании префиксальных производимых, могут быть также однозначными и многозначными.

В связи с этим возникает вопрос, влияет ли фактор однозначности и многозначности префиксов и производящих основ на семантическую структуру префиксального производного.

Целью данной статьи является исследование зависимости значения префиксального производного от фактора однозначности/многозначности его компонентов.

Материалом для исследования явились такие производные с префиксами *de*-, *en*-, *out*-, которые мотивируются как структурой, так и семантикой их компонентов — префиксов и производящих основ¹.

Анализу подвергались 233 производных с префиксом

de-, 138 — с еп- и 121 — с out-. Отбор материала проводился по словарю Уэбстера [8].

Предполагается, что, имея значения префиксов de-, еп- и out- и словарные данные о значении производных и производящих основ², можно установить закономерности смыслового взаимодействия префиксов с однозначными и/или многозначными производящими основами, а также определенные типы сочетаемости этих значений, которые влияют на семантическую структуру префиксальных производных — их однозначность или многозначность — и могут служить образцом для новообразований по данным структурно-семантическим моделям.

По данным имеющихся работ [5], система глагольной префиксации в синхронном срезе характеризуется 21 префиксом, 32 структурными и 37 структурно-семантическими моделями³.

Поскольку каждая структурно-семантическая модель имеет свое значение [5], то и построение префиксальных производных по этим структурно-семантическим моделям характеризуется тем, что им свойственно обобщенное значение, проявляющееся во всех производных словах модели.

Исследование семантики префиксальных производных показывает, что разные структурно-семантические модели имеют разное количество как однозначных, так и многозначных производных.

Например, производные, образованные по структурно-семантической модели de- + V, значение которой «действие, противоположное действию, выраженному производящей основой», насчитывают 124 однозначных производных и лишь 23 многозначных⁴.

Что касается производных, оформленных префиксом еп- и репрезентирующих структурно-семантическую модель еп- + N, которая имеет значение «помещение в место, которое выражает производящая основа», то распределение количества однозначных и многозначных производных основ оказывается иным. Многозначные производные глаголы данной структурно-семантической модели составляют 44% от общего количества производных, входящих в нее.

Две структурно-семантические модели с out- имеют многозначные производные, составляющие 23% и 29% соответственно.

Как видно из табл. 1, большинство производных глаголов являются однозначными. Большее количество многозначных производных налицоует во всех структурно-семантических моделях с префиксом еп-.

Наличие разного количества однозначных и многозначных префиксальных производных в различных структурно-семантических моделях подтверждает тезис о том, что существуют факторы, которые способствуют многозначности производного в пределах структурно-семантической модели.

Сопоставление соответствующих производящих основ по признаку их однозначности/многозначности показывает, что им свойственно иное соотношение однозначности/многозначности, чем производным глаголам. Так, производящие основы, как правило, многозначны. Например, из 121 производящей основы, участвующей в образовании глаголов с out-, 115 основ многозначны и лишь 6 однозначны.

Подобная картина наблюдается у производящих основ, сочетающихся с префиксом еп-.

Наибольшее количество однозначных производящих основ насчитывается у глаголов, оформленных префиксом de- (почти $\frac{1}{3}$ всех производящих основ).

Данные о многозначности/однозначности производных и соответствующих им производящих основ сведены в таблице 2.

Исследование материала позволяет сделать вывод, что самым распространенным типом взаимодействия производящих основ и префиксов является взаимодействие в пределах структурно-семантической модели одного из значений префикса с однозначными или многозначными производящими основами в одном из их значений. Именно данным типом взаимодействия обуславливается однозначность префиксальных производных.

Например, 89% производных глаголов структурно-семантической модели с de-, выступающей в значении «изъятие объекта», характеризуется именно данным типом взаимодействия префикса и производящей основы. Из 491 производных глаголов с de-, еп- и out- 370 однозначны, что составляет 75%.

Таким образом, значительное место в системе глагольной префиксации принадлежит однозначным префиксальным производным.

Таблица 1

Соотношение числа однозначных и многозначных префиксальных производных⁵

Пре- фикс	Структурно-семанти- ческая модель	Значение структурно- семантической модели	Количество однозначных производных основ	% от общего числа про- изводных	Количество многозначных производных	% от общего числа про- изводных
de-	de- ₁ +V _{16, 23, 30}	Действие, противопо- ложное действию, вы- раженному производ- ящей основой	124	84	23	16
	de- ₂ +N _{1, 2, 8, 7, 10, 16, 17, 19}	Изъятие объекта	73	86	12	14
	de- ₃ +A _{3, 10}	Каузативность	2	67	1	33
	en- ₁ +V _{25, 28}	Полнота действия	24	67	12	33
	en- ₂ +N _{6, 11, 14, 22}	Снабжение тем, на что указывает производящая основа	14	62	10	38
en-	en- ₃ +N _{8, 10, 12, 13, 15}	Помещение в место, которое выражает производящая основа	25	56	21	44
	en- ₄ +N _{1, 24}	Каузативность	16	65	7	45
	en- ₄ +A _{1, 3, 5}	Каузативность	4	40	6	60
	out- ₄ +V _{1, 2, 4-6, 8-10,} _{12-14, 16-19, 22}	Превзойти то, что выражено производя- щей основой	79	77	23	23
out-	out-+N _{1, 13, 24}	Превзойти то, что выражено производя- щей основой	10	71	4	29

Однако 25%, то есть 121 производное, являются многозначными. Рассмотрению факторов, определяющих многозначность производных, посвящены единичные работы, в которых исследуются только суффиксальные производные (одной части речи — имени прилагательного [4]).

Таблица 2

Сопоставление однозначности/многозначности производных глаголов и производящих основ

Пре- фикс	Производные глаголы		Производящие глагольные основы	
	одно- значные	много- значные	одно- значные	много- значные
de-	197	36	75	158
en-	82	56	9	129
out-	93	22	6	115

Чем же предопределяется многозначность префиксальных глаголов, каким семантическим типом структуры⁶ они характеризуются и могут ли особенности семантики прилагательных быть распространены и на семантику глагола?

Проведенный анализ многозначных производных глаголов показывает следующее:

1) Многозначность префиксальных производных и тип их семантической структуры предопределяется взаимодействием префикса в одном из его значений с некоторыми значениями производящей основы, то есть реализацией в пределах одной структурно-семантической модели нескольких значений многозначных производящих основ (см. таблицу 3, рис. 2).

Так, *debug*, имеет два значения: 1) *remove insects from*; 2) *detect and eliminate errors in*. Они соотносятся с разными значениями производящей основы *bug*: 1 a) *an insect*; b) *any certain insects commonly considered as (1) bedbugs; (2) cockroach; (3) an insect of the other hemiptera* 2) *an uninspected defeat, fault, flaw or imperfection, etc.*⁷

Embrown, выступает в значениях 1) *darken*; 2) *cause to turn brown*.

Он получает их от разных значений/ производящей основы *brown*: 1 a) *dark, dusky*; b) *gloomy*; 2) *of the colour brown, etc.*

Аналогичное явление наблюдается/ у производного *outwatch*: 1) *surpass in watching*; 2) *to maintain a vigil till after the end of*. Его многозначность обусловлена многозначностью *watch*: 1 a) *keep vigil as a devotional exercise*; b) *be awake; wake*; c) *remain away during the night in attendance on a sick person; be on one's guard or on the lookout: be attentive or vigilant*, b) *keep guard*; 3 a) *keep someone or something under close observation*, b) *observe as a spectator, etc...*

2) Многозначность предопределяется взаимодействием префикса в нескольких его значениях и производящей основы в одном из ее значений, то есть совпадением сфер действия нескольких структурно-семантических моделей (см. табл. 3, рис. 3). Это очень малочисленная в нашем материале группа, в которую входят производные основы с еп-.

Например, *enisle* 1) *to place apart (as an island)*; 2) *make an island of* имеет такие два значения, в которых производящая основа *isle* употребляется в одном и том же значении, а многозначность производного обусловлена лишь многозначностью префикса еп-. Первое значение производного соотносится со значением еп- «помещение внутрь», а второе — со значением «каузальность» [5].

3) Многозначность префиксальных производных обусловливается семантическими изменениями, которым подвергается смысловая структура префиксального производного в процессе развития языка (см. табл. 3, рис. 4).

Многозначность этих производных следует рассматривать как результат развития семантики уже готового деривационно-мотивированного слова. Деривационно-мотивированные значения префиксальных производных, являясь отправной точкой для развития новых значений, порождают новые, но уже деривационно не мотивированные значения, усложняющие семантическую структуру слова [9].

Так, многозначность производного *dehorn*, в частности его второе значение, обусловлено фактором семан-

тического развития dehorn 1) deprive of horns, prevent the growth of the horns of (cattle); 2) prune severely.

Суть этого явления заключается в том, что префиксальное производное приобретает значение, не выводимое из составляющих его компонентов [9]. Многозначность глагола *outburn* также связана с наличием как деривационно-мотивированного значения «to outdo in burning, burn longer than», так и значения деривационно не мотивированного, являющегося результатом семантического развития производного: «dissipate by burning».

Кроме того, возможны различные сочетания перечисленных выше случаев взаимодействия префиксов и производящих основ (см. табл. 3, рис. 5—7). Например, многозначность производящих *engring* и *ensoul* предопределяется как многозначностью префикса, так и многозначностью основы.

Что касается производных *outrun*, *enlarge*, *deflower*, то их многозначность обусловлена как фактором реализации значений многозначной производящей основы, так и фактором семантического развития. А многозначные префиксальные производные *embody*, *enroll*, *encompass* являются результатом взаимодействия префикса в нескольких его значениях и результатом семантического развития производного.

Все префиксальные производные с префиксами *de*-, *en*- и *out*- распределены на перечисленные выше типы и различные их сочетания и сведены в таблицу 3. Кроме того, в таблице приводятся количественные данные по каждому типу.

Таким образом, можно сделать следующие выводы относительно типов взаимодействия префиксов и производящих основ в префиксальных глаголах.

1. Основным типом сочетаемости префиксов и производящих основ является тип, в котором компоненты производного взаимодействуют в одном из имеющихся у них значений. Именно данный тип предопределяет однозначность префиксальных производных.

2. Многозначность префикса и производящей основы предопределяет многозначность основ производных. Префиксы в одном значении могут сочетаться с несколькими значениями производящих основ и наоборот.

3. Многозначность производного может возникнуть и

Таблица 3

Семантические соответствия однозначных и многозначных префиксальных производных

Семантические соответствия	Количество производных			Примеры
	en-	de-	out-	
рис. 1	83	200	90	embus, embox, enjewel, dewater, detrain, degas, outwork, outtell, outeat
рис. 2	21	17	10	entwine, entrap, entitle, degrade, demilitarize, deplume, outmaneuver, outshine
рис. 3	5	—	—	enisle, embay, englamour, ensphere
рис. 4	17	15	16	derail, delouse, deglutinate, outthink, outspend, outdo, embitter, encourage, englobe
рис. 5	6	—	—	enring, encircle, ensoul, entrap
рис. 6	2	3	1	enlarge, deflower, outrun, encrust
рис. 7	3	—	—	embody, enroll, encompass

благодаря развитию смысловой структуры префиксального производного.

Выводы, которые позволяет сделать проведенный нами анализ префиксальных многозначных глаголов, в об-

щих чертах совпадают и подтверждают выводы, сделанные З. А. Харитончик [4] для многозначных суффиксальных прилагательных. Таким образом, наш материал позволяет считать, что отмеченные факторы и типы сочетаемости свойственны всем производным словам, независимо от части речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Е. С. Кубрякова. Что такое словообразование. М., 1965; М. Д. Степанова. Методы синхронного анализа лексики. М., 1968; С. С. Хидекель. Проблема системности в словообразовании. Научная конференция. МГПИИ им. М. Тореза, тезисы докладов. М., 1971; М. А. Кистанова. Некоторые вопросы современного словообразования. «Проблемы лингвистического анализа». М., 1969.
2. Б. Н. Головин. Приставочное внутриглагольное словообразование в современном русском литературном языке. АДД, М., 1966; П. М. Карапуз. Аффиксальное словообразование в английском языке. М., 1965; Н. Magstrand. *The Categories and Types of Present Day English Word-Formation*. Wiesbaden, 1960.
3. Е. Ю. Халилова. Опыт исследования продуктивности префиксов в современном английском языке. Кандидатская диссертация. М., 1969; К. В. Пиоттух. Принципы выделения системы префиксальных структурно-семантических моделей в современном английском языке. Ученые записки Московского государственного педагогического института иностранных языков им. М. Тореза, том 57. М., 1970.
4. З. А. Харитончик. Семантика суффиксального производного слова. АКД, М., 1971.
5. К. В. Пиоттух. Система префиксации в современном английском языке. Кандидатская диссертация. М., 1971.
6. L. Vankewitch. *English Word-Building*. Учпедгиз, 1961.
7. И. В. Ариольд. Лексикология современного английского языка. М., 1959.
8. Webster's. *Third New International Dictionary of the English Language, Unabridged*, 3rd edition, 1961.
9. О. Г. Ревзина. Структура словообразовательных полей в славянских языках. М., 1969.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Выбор данных префиксов вызван тем, что они отвечают перечисленным характеристикам (см. стр. 2) префиксов: все они принимают участие лишь в образовании глагола [5], они характеризуются разным количеством значений: out- однозначен, de- имеет три значения, еп- пять [5]; в-третьих, они отличаются по признаку продуктивности: еп- непродуктивен, out- и de- продуктивны [6].

² Значение производных и соответствующие им значения производящих основ определялись по словарю Уэбстера [8].

³ Структурная модель — это структурная схема построения префиксальных производных, характеризующихся тождеством префикса и лексико-грамматической отнесенности производящих основ. Под структурно-семантической словообразовательной моделью понимается такое построение префиксальных производных, в котором учитывается лексико-семантическая характеристика компонентов структурной модели и характер семантических отношений между ними.

⁴ Условные обозначения: V — глагол, N — существительное, A — прилагательное.

⁵ Нижний цифровой индекс указывает лексико-семантическую группу, в которую входит данная производящая основа. Лексико-семантические группы и значения моделей приводятся из работы К. В. Пиоттух [5]. Например, к 16-й группе относятся глаголы, обозначающие действие внешнего выражения и отношения к окружающим; к 23-й — глаголы, обозначающие действие, приводящее к приобретению новых физических и химических качеств; к 30-й — глаголы, обозначающие воздействие на психику и чувства человека и коллектива и их взаимодействие и т. д.

⁶ Префиксальные производные одной и той же структурно-семантической модели характеризуются наличием общего семантического компонента в их значениях. Общность семантического компонента предполагает выделение определенных семантических типов префиксальных производных, например, в нашем материале производные выступают членами семантического типа глаголов, объединенных значением действия обратного тому, что выражено производящей основой или значением чрезмерности действия и т. д.

⁷ Как словарные данные о значении производных и производящих основ, так и нумерация их значений приводится по указанному словарю Уэбстера [8]. В некоторых случаях definicin из словаря Уэбстера модифицируются для простоты изложения.

⁸ Схема таблицы заимствована у З. А. Харитончик [4]. Условные обозначения: rg — префикс, rg_{1,2,3} — префикс в первом, втором и т. д. значениях; S — производящая основа, S_{1,2,3} — производящая основа в первом, втором и т. д. значениях. Dег — производное, Dег_{1,2,3} — производное в первом, втором и т. д. значениях. Вертикальная стрелка ↓ указывает на возникновение новых значений префиксального производного в результате семантического развития.

И. В. СЕНТЕНБЕРГ

МНОГОЗНАЧНОЕ СЛОВО КАК ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

(К вопросу о смысловом инварианте многозначного глагола в английском языке)

Ведущие советские лексикологи исходят из того, что отдельно взятое слово является основной единицей языка; она существует объективно, воспроизводясь в отдельных актах речи и оставаясь тождественным самому себе. Проблема тождества и воспроизводимости слова в советском языкоznании разрабатывалась В. В. Виноградовым, А. И. Смирницким, О. С. Ахмановой и неоднократно привлекала внимание других исследователей¹.

Многозначное слово, несмотря на наличие в его составе разных лексико-семантических вариантов (ЛСВ), рассматривается говорящими как нечто цельное, постоянное, данное нам в объективной действительности, в нашем опыте и сознании. В каком бы из своих значений слово ни воспроизводилось в речи, мы, как правило, безошибочно узнаем, что это то же самое слово.

В связи с этим заманчивой для лексиколога является идея рассмотрения смысловой структуры многозначного слова как своеобразной лексико-семантической парадигмы, отношения между элементами которой определяются наличием сходных (инвариантных) и различительных (дифференциальных) смысловых компонентов. Подобный подход к смысловой структуре многозначного слова согласуется с рассмотрением таких лексических микросистем, как синонимические и антонимические ряды, лексико-семантические группы (ЛСГ) и лексико-семантические поля.

Многочисленные исследования по лексико-семантическим группам, синонимическим и антонимическим рядам, а также наши собственные наблюдения показывают, что основными свойствами лексико-семантической парадигмы являются:

наличие смыслового инварианта, который варьируется единицами парадигмы;

совпадение по одним смысловым компонентам и противопоставление по другим, в связи с чем единицы лексико-семантической парадигмы (ЛСВ) выполняют функцию дифференцированной денотации;

смысловая иерархия, проявляющаяся в том, что нижестоящий элемент парадигмы включает в себя смысловое содержание вышестоящего (то есть выше расположенного по уровню абстракции) элемента²;

разная функциональная нагрузка единиц лексико-семантической парадигмы при ее функционировании в речи.

Постановка вопроса о парадигматических отношениях между лексико-семантическими вариантами многозначного слова предполагает наличие у последнего смыслового инварианта, своеобразного «общего значения».

Вопрос этот трудный и спорный. Некоторые исследователи, занимающиеся изучением слова и его смысловой структуры, отрицают возможность наличия у него смыслового инварианта. Так, например, Д. Н. Шмелев считает ищескообразным «искать «общее значение», которое рассматривалось бы как семантический инвариант или как некоторое неизменное смысловое ядро, сохраняющееся при употреблении слова в разных значениях. Существование подобного «общего значения» у слова сомнительно, хотя бы потому, что свойственные слову значения во многих случаях соотносят его с неоднородными «реалиями» и с разными семантическими группами слов»³.

В качестве возражения хотелось бы заметить, что, во-первых, предметы, называемые словом **стол** в значении «род мебели», также далеко не однородны. Ср. **стол деревянный, пластмассовый, откидной и письменный, туалетный, кухонный** и т. п. В первом случае неоднородность предмета материальная, во втором — функциональная. Во-вторых, многочисленными исследованиями доказано, что лексико-семантические группы соприкасаются и взаимодействуют друг с другом, например, глаголы передвижения и звучания, глаголы звучания и глаголы речи, глаголы речи, глаголы мышления и зрительного восприятия, прилагательные цвета и света

и т. п.⁴. В-третьих, слово в разных значениях может входить как в состав одной и той же ЛСГ, так и в состав разных ЛСГ. Так, например, глагол *murmur* в первом значении (make a low continuous sound) входит в ЛСГ глаголов звучания, а во втором (speak in a low voice) и третьем (complain or grumble) — в ЛСГ глаголов речи⁵. Глагол *remark* в первом значении (notice; take note of) входит в ЛСГ глаголов зрительного восприятия, а во втором значении (say or write as a comment) — в ЛСГ глаголов речи. Глагол *talk*, наоборот, во всех своих значениях входит в группу глаголов речи.

Несмотря на всю категоричность заявления об отсутствии у многозначных слов «общего значения», Д. Н. Шмелев при анализе фактического материала признает, что у ряда слов последнее имеется. Так, анализируя смысловую структуру слова *земля*, Д. Н. Шмелев пишет, что в нем «трудно выделить главное или «первичное» значение. Стержнем слова здесь оказываются не какое-то отдельное его значение, а те семантические элементы, которые оказываются общими для всех значений слова»⁶.

Вопрос о наличии смыслового инварианта слова косвенно ставится во всех исследованиях, посвященных так называемым словам широкого значения⁷.

Е. Кирилович отмечал, что... «общее значение» является своего рода абстракцией, с трудом поддающейся формулировке, полезность и применимость которой к конкретным лингвистическим проблемам решит будущее⁸. Тем не менее нам представляется, что онставил в какой-то мере вопрос о смысловом инварианте применительно к большей группе многозначных слов, когда говорил, что «самое важное — главное значение, то, которое не определяется контекстом, в то время как **остальные (частные)** значения к семантическим элементам главного значения прибавляют еще и «элементы контекста»⁹. Думается, что это в целом верное высказывание можно было бы несколько уточнить в том смысле, что другие значения прибавляют к семантическим элементам главного значения дополнительные смысловые компоненты, модифицирующие и осложняющие его. Это находит выражение в их контекстуальной обусловленности.

Так, например, смысловую структуру глагола *talk* можно представить следующим образом¹⁰:

- 1) *talk*
- 2) *talk about malicious things* (=gossip; say malicious things)
- 3) *talk business, politics, etc* (=discuss)
- 4) *talk smb. into (out of) doing smth* (=bring about a result by talking).

Здесь мы наглядно видим, как второстепенные значения прибавляют к семантическим элементам главного значения смысловые компоненты, модифицирующие и усложняющие его, что находит выражение в их контекстуальной обусловленности. Последняя, представленная в обобщенном виде в форме синтаксических структур, а также классов и подклассов слов, может рассматриваться в совокупности со звуковой оболочкой слова как форма (способ) выражения значения данного лексико-семантического варианта.

Аналогичное наблюдается и у *write*:

- 1) *write*
- 2 a) *write something (words, figures, symbols, one's name, etc.) on paper or other material*; b) (*fig. usu. passive*) *fear, trouble etc. on one's face*.
- 3) *write letters to smb.* (=communicate in writing)
- 4) *write stories, poems, articles, etc.* (=do the work of an author).

Примеры подобного рода можно продолжить. Они свидетельствуют о том, что, вероятно, у значительного числа многозначных слов в качестве смыслового инварианта выступает основное номинативное значение, почти неограниченное в своей контекстной реализации нормами языка, наиболее значимое для всего говорящего коллектива и, соответственно, наиболее употребительное (как у *talk*) или одно из употребительных (как у *write*).

Мы полагаем, что многозначным словам свойственны все или большинство признаков лексической парадигмы. Конечно, нельзя не учитывать того обстоятельства, что слова в любом языке чрезвычайно многообразны и разнообразны по своему характеру и что язык, а тем более лексика, — не строгая логическая или математическая система, где все можно разложить по полочкам и где всегда возможно однозначное решение.

Не претендуя на окончательное решение вопроса о

наличии смыслового инварианта у многозначных слов и способах его выражения, рассмотрим его применительно к глаголам речи и некоторым глаголам передвижения, всего 200 слов. Анализ проводится преимущественно на материале словарей, однако в нашем распоряжении имеются многочисленные примеры употребления исследуемых единиц в речи и частотные данные их употребительности применительно к обследованным текстам.

Сам процесс образования многозначности свидетельствует о том, что диахронически значения многозначного слова оказываются тесно связанными друг с другом.

Рассмотрим кратко историю развития смысловой структуры глагола *walk*, изобразив последнее схематично следующим образом (см. стр. 60) ¹¹.

Как мы видим, каждое новое значение является семантически производным от одного из имеющихся. *Walk*₂ восходит к *walk*₁, *walk*₃, *walk*₄ и *walk*₅ восходят к *walk*₂. Образование новых значений у *walk* происходит путем смещения, добавления или устраниния одного смыслового компонента, причем новое значение сохраняет тесную связь с тем значением, от которого оно образовано, что подтверждается наличием в содержании их значения ряда общих смысловых компонентов. По данным словаря Хорнби, в современном английском языке *walk* представлен лексико-семантическим вариантом *walk*₂, который в настоящее время является основным в его смысловой структуре, а также лексико-семантическими вариантами *walk*₃ и *walk*₆. Для всех этих трех значений глагола *walk* характерно наличие смыслового инварианта, представленного смысловыми компонентами: глагольность, передвижение, пешком.

Сказанное выше не означает, что смысловой инвариант четко прослеживается во всех многозначных словах. Если бы это было так, то не стоял бы столь остро вопрос о разграничении полисемии и омонимии, возникающей на базе распада полисемии слов. Смысловая структура многозначных слов в современном английском языке часто представляет собой очень сложное явление, ряд звеньев которого оказались утраченными в процессе исторического развития или несколько сместились в связи с системными и структурными связями слова в языке. Однако это не означает, что 'вопрос о смысловом

ЛСВ	Смысловые компоненты					Примечания
	глагольность	разряд	передвижение	способ	дополнительные характеристики	
walk ₁	+	непереход.	+	катясь	•	катиться
walk ₂	+	непереход.	+	пешком	—	идти, ходить
walk ₃	+	переход.	+	пешком	—	идти, проходить
walk ₄	+	непереход.	+	—	—	передвигаться
walk ₅	+	непереход.	+	пешком	гуляя	прогуливаться
walk ₆	+	каузативный	+	пешком	—	вести, проводить

инварианте многозначного слова не может ставиться и решаться.

Среди проанализированных нами многозначных глаголов имеются такие, в которых смысловой инвариант выражен свободно, основным номинативным значением, не ограниченным в своей реализации каким-либо особым языковым контекстом.

При анализе материала мы исходим из того, что если производные значения глагола можно толковать при помощи основного значения (его словарной дефиниции), то они содержат в своем составе смысловые компоненты, составляющие содержание основного значения. При этом, конечно, в толкование производных значений включаются дополнительные элементы, отражающие смысловое своеобразие производных значений сравнительно с основным.

Рассмотрим несколько глаголов речи, относящихся к разным уровням абстракции и разных по употребительности. Ниже мы приводим толкование смысловой структуры рассматриваемых глаголов по словарю Хорнби (слева; сокращенно) и лексическую трансформацию их значений с целью выявления смыслового инварианта (справа)¹².

Talk vi., vt.

(1) (P 21, 24) speak.
<i>The baby is learning to talk.</i>	(1) <i>speak</i>
(2) (P 21) gossip, say malicious things about.
<i>She has been indiscreet and people are beginning to talk.</i>	(2) <i>speak ill of smb.</i>
(3) (P 1) speak of, as to talk business (politics, etc.).	(3) <i>speak of, as to talk business, politic, etc.</i>
(4) (P 7, 10) bring about a result by talking, as to talk a friend out of a foolish plan.	(4) <i>speak in order to persuade smb.</i>

Inform vt., vi.

(1) (P 1, 12, 14, 16, 18)	tell; give knowledge to. <i>We were informed that the prisoner had escaped. Can you inform (as to) where he lives?</i>	(1) <i>tell</i>
(2) (P 24, with <i>against</i>)	bring a charge or accusation; supply information that will result in an accusation.	(2) <i>tell</i> on smb.
(3) (P 18)	fill, animate (with a feeling, etc)	(3) <i>tell</i> smth. in order to inspire a person.

Say vt., vi. (P 1, 11, 18, 21)

(1)	express in words; utter; make a statement.
<i>He said «Good morning» to his teacher. I have something to say to you.</i>	(1) <i>express smth. in words.</i>
(2)	(in this sense, also used in P 15, esp. in neg. and interr.) form and give an opinion concerning; suppose; estimate. <i>You may learn to play the violin in, (let us) say, three years. And so say all of us.</i>	(2) form an opinion (decision) concerning and <i>express it in words.</i>
(3)	report; allege. <i>People say that he is very wealthy. He is said to be the best swimmer in the town.</i>	(3) <i>express in words</i> statement, opinion, etc. concerning smb. or smth.

- (1) make known; tell
It has been announced that Mr. A and Miss B will be married next month.
- (2) (P 1) say that someone has come by calling out his name. *The servant announced Mr. and Mrs. Smith.*
- (1) *make known; tell*
arrive by calling out his name.

- (1) make a low, continuous sound, as a *murmuring brook*
- (2) speak in a low voice, as *to murmur a prayer*
- (3) complain or grumble, as *to murmur against new taxes*
- (1) *make a low, continuous sound*
- (2) *make a low, continuous sound when speaking*
- (3) *make a low, continuous sound when complaining*

У многозначных глаголов подобных рассмотренным выше основное номинативное значение, представляющее смысловой инвариант слова, выступает как единица беспризнаковая (немаркированная) в смысловой парадигме слова, противопоставленная всем другим членам парадигмы, которые можно рассматривать как специализированные способы выражения того, что в самом общем виде представлено в смысловом инварианте слова. Маркированность элементов парадигмы возникает в связи со специфическим синтаксическим и лексическим окружением, представлена на уровне языковой нормы. В типовом контексте возникает дополнительный смысловой компонент, который расширяет информацию, представленную в основном значении, делая производные ЛСВ более содергательными.

Нечто аналогичное мы наблюдаем в синонимическом ряду, где все члены ряда выступают как признаковые по

отношению к доминанте (если, конечно, она имеется) как беспризнаковому члену парадигмы, в то время как каждый «рядовой» член синонимического ряда противопоставлен другому такому же члену как признаковый признаковому. Так, например, в синонимическом ряду *answer₁*, *reply₁*, *retort₁*, *respond₁*, *return* беспризнаковой и самой абстрактной единицей является *answer₁* «отвечать», то есть сообщать информацию в ответ на вопрос или просьбу¹³. При этом не предполагается какое-либо уточнение характера ответа, последний может быть самым разнообразным. Все остальные единицы ряда по-разному уточняют значение доминанты. *Reply₁* семантически не отличается от *answer₁*, однако противопоставлен последнему стилистически. *Retort₁* значит «отвечать (на вопрос, просьбу или чьи-либо слова) быстро, резко или недоброжелательно». *Return₄* также противопоставлен *answer₁* семантически и означает «отвечать (на вопрос, просьбу или слова) быстро, иногда резко и с элементом возражения». *Respond₁*, как и *reply₁*, противопоставлен *answer₁* стилистически. Кроме того, он означает «отвечать» в смысле «словесно реагировать на чьи-либо слова или высказывание».

У второй, более многочисленной группы проанализированных нами глаголов основное, номинативное значение является в той или иной мере контекстуально связанным, т. е. семантически осложненным и в связи с этим не может выступать как смысловой инвариант слова в целом. Такое положение может иметь место и тогда, когда все значения слова входят в состав одной ЛСГ, и тогда, когда они входят в состав разных ЛСГ.

Рассмотрим несколько примеров

Ask vt., vi.

(1) (P 1, 19c, 21, 15, 16, 13, 14, 18, 24) call for an answer to, request information about	(1) <i>request</i> information about
(2) (P 18, 24, 21) beg for; request to be given, shown, told, etc.	(2) <i>request</i> to be given, shown, told, etc.

- (3) (P 24) request to be allowed to see or talk with
- (4) (P 2, 11) request or beg to be allowed to do something
- (5) (P 3, 10) beg; invite
- (6) (P 1, 18) demand as a price for
- (3) *request* to be allowed to see or talk with
- (4) *request* to be allowed to do something
- (5) *request* smb. to come to smb's place or to do smth.
- (6) *request* as a price for

Ср. русское спрашивать новость, фамилию, имя и т. п.
(узнавать)

спрашивать совет, разрешение и т. п.
(просить)

спрашивать позволение, разрешение и т. п. (попросить, просить)

спрашивать о ком-либо (осведомляться)
спрашивать цену (требовать, запрашивать)

Мы воспользовались глаголом *request* при проведении лексической трансформации с целью выявления смыслового инварианта по двум причинам. Во-первых, по данным словаря Хорнби, это однозначный глагол, синонимичный *ask*₁. Во-вторых, *request* в словаре Хорнби используется при толковании четырех ЛСВ глагола *ask* из шести, в том числе и в толковании *ask*₁.

Как мы видим, у *ask* смысловой инвариант выражен связанно, то есть представлен в каждом значении как его составная часть наряду с другими, различительными смысловыми компонентами. Аналогичное мы наблюдаем и в смысловой структуре глаголов *reply*, *examine*, *shout* и др., значения которых входят в состав разных ЛСГ.

Reply vi., vt.

- (1) (P 21, 24, 11, 1) give an answer in speech or writing; give as an answer. *I wrote, but he didn't reply. «Just a moment!» he replied.*

- (1) Say or write *in return*.

(2) (P 21, 24) act in some way in return; answer by action. *The enemy did not reply to our fire.*

(2) act in some way *in return.*

Examine vt. (P 1, 18)

(1) look at or consider carefully in order to get knowledge about, as to *examine old records or documents; to examine a new theory* (plan, proposal, etc.)

(2) ask questions (spoken or written) in order to find out how much a person knows, as to *examine pupils in English; to examine a witness in a court of law.*

(1) look at or consider carefully in order to *get knowledge about*

(2) ask questions (spoken or written) in order to *get knowledge about*

Shout vt., vi.

(1) (P 21, 24, 25) speak in a loud voice. *Don't shout! They shouted at me.*

(2) (P 21, 23, 24, 25) make a loud cry, as to *shout with pain; to shout to a person.*

(3) (P 1, 10, 11) say in a loud voice. *He shouted his orders. «Go back!» he shouted.*

(1) speak *in a loud voice*

(2) cry *in a loud voice*

(3) say *in a loud voice*

Как мы видим, все ЛСВ, входящие в смысловую структуру рассмотренных выше глаголов, противопоставлены друг другу как признаковые.

Нетрудно также заметить, что у глаголов, ЛСВ которых входят в одну ЛСГ, общность смыслового инварианта проявляется в общности процесса, действия (см., например, *talk* и *ask*). У тех глаголов, ЛСВ которых входят в состав разных ЛСГ, общность смыслового инварианта проявляется чаще всего в общности тех или иных обстоятельственных характеристик действия (см., например, *reply*, *examine*, *shout*).

Основная трудность при анализе смысловой структуры исследуемых глаголов заключалась в поисках способа лексической трансформации, которая позволила бы вычленить их смысловой инвариант. Какого-либо единого подхода нам обнаружить не удалось. У глаголов, все ЛСВ которых входят в одну ЛСГ, в качестве основы для лексической трансформации может использоваться (а) доминанта ЛСГ (см. *talk*, стр. 61), (б) доминанта какой-либо подгруппы или синонимического ряда в пределах ЛСГ (см. *inform*, стр. 62), (в) слово, синонимичное толкуемому в его основном значении (см. *ask*, стр. 64), (г) толкование основного значения (см. *say*, стр. 62), (д) соответствующее существительное в основном номинативном значении (если оно многозначно), например,

name vt.

(1) (P 1, 8, 18) give a name to. <i>They named the child John.</i>	(1) give a <i>name</i> to
(2) (P 1) call (a person or thing) by its right name. <i>Can you name all the flowers in the garden?</i>	(2) call (a person or thing) by its right <i>na•me.</i>
(3) (P 1, 18) choose or mention (e. g. for a post). <i>Mr. X has been named for the directorship.</i>	(3) Announce smb's <i>name</i> for a post, etc.

У глаголов, ЛСВ которых входят в состав разных ЛСГ, в качестве основы для проведения лексической трансформации может использоваться:

а) часть толкования основного номинативного значения (см. *examine*, стр. 66);

б) часть толкования производного значения (см. *reply*, стр. 65—66);

в) повторяющаяся часть толкования значения разных ЛСВ (см. *shout*, стр. 66); покажем это еще раз на глаголе *to relate*, ЛСВ которого четко противопоставлены друг другу как в плане содержания, так и в плане выражения:

relate vt., vi.

(1) (P 1) tell; narrate.

(2) (P 18) show the connection between. *It is difficult to relate these results with (to) any known cause.*

(3) (passive) be connected, associated with or akin to by birth or marriage. *I am not related to him in any way.*

(4) (P 24) be connected with

(1) to *connect* the items (ideas) of the narrative.

(2) to *connect* things in order to show their relation.

(3) be *connected* with by birth or marriage

(4) be *connected* with

г) однокорневое имя существительное (чаще всего у отымененных глаголов), например,

roar vi., vt.

(1) (P 21, 23, 24) make a roaring sound, as *to roar with laughter; to roar for mercy.*

(2) (P 1, 10) utter with a roar, as *to roar out an order.*

(1) make a *roar*

(2) utter with a *roar*

д) синоним толкуемого слова в одном из значений последнего, например,

- (1) (P 1, 11) ask for boldly, as if one has a right. *He came to my house and demanded that I should help him. The prisoner demanded a trial.*
- (2) (P 1) require; need. *This sort of work demands great patience.*
- (1) to say boldly that one *needs* something badly.
- (2) (of things) to need something badly.

Анализ материала показывает, что лексико-семантическая парадигма многозначного глагола построена по принципу «То же, да не то же». Обе части этой формулы в смысловой структуре проанализированных нами глаголов представлены по-разному. У одних дифференциация ЛСВ имеет более четко выраженный характер и возрастает удельный вес второй части формулы, у других — наоборот.

Так, например, очевидно, что разница между demand_1 требовать, настоятельно просить и demand_2 требовать, нуждаться больше, чем между tell_1 говорить, сказать и tell_2 говорить, рассказать.

В тексте часто затруднительно отличить tell_1 от tell_2 . Так, например, в предложении *Tell me about it* в равной мере возможно и tell_2 и tell_1 . (**Скажи** мне об этом. **Расскажи** мне об этом). В данном случае tell_1 и tell_2 оказываются в «нейтрализующей позиции» и являются взаимозаменяемыми. Аналогичное в предложении *He told the news to everybody in the village.* (Он сообщил, сказал или рассказал эту новость всем в деревне). Однако в предложении *This hard work is telling on my health* возможен только tell_6 и не возможен ни один другой лексико-семантический вариант tell . В случае с tell_1 и tell_2 мы имеем менее дифференциированную денотацию по сравнению с tell_1 и tell_6 .

Дифференциированная денотация свойственна также и другим лексико-семантическим парадигмам, например, синонимическим рядам и лексико-семантическим группам. Однако если дифференциированная денотация при синонимии выражается в подчеркивании разных аспект-

тов (оттенков) одного и того же понятия об одном и том же предмете (процессе), что имеет своим следствием их нейтрализацию и частичную взаимозаменяемость в определенных контекстах в речи, то при лексико-семантическом варьировании слова она выражается в подчеркивании как разных аспектов (оттенков) одного понятия ($tell_1$ и $tell_2$), так и разных понятий и, соответственно, процессов, имеющих один или несколько общих признаков (см. *demand*, *reply*, *relate* и т. д.). В первом случае лексико-семантическое варьирование слов приближается к синонимическому. Применительно к таким значениям лингвисты часто употребляют термины «оттенок значения»,* «подзначение». Во втором случае лексико-семантическое варьирование слова, на наш взгляд, аналогично варьированию в лексико-семантической группе, где элементы парадигмы достаточно четко противопоставлены друг другу. Так, например, *speak*, *write*, *read*, в ЛСГ глаголов речи четко различаются, несмотря на то, что объединены общим смысловым компонентом *make use of language* (*when speaking, writing, reading*).

Все это еще раз подчеркивает мысль о наличии тесной связи и взаимообусловленности между разными лексико-семантическими парадигмами.

ВЫВОДЫ

Проведенный нами анализ 200 многозначных глаголов позволяет утверждать, что каждый из них представляет собой лексико-семантическую парадигму, которой присуще наличие смыслового инварианта, варьируемого единицами парадигмы.

Смысловой инвариант может быть выражен свободно и связанно. В первом случае у глагола имеется основное номинативное значение, практически независимое от языкового контекста. Во втором случае основное номинативное значение более или менее связано контекстом, хотя и не является фразеологически и конструктивно обусловленным.

Элементы парадигмы многозначного глагола, таким образом, совпадают по одним и противопоставляются по другим признакам. Близость значений может быть большей, особенно если слово всеми своими значениями

входит в состав одной ЛСГ, и меньшей. Последнее имеет место, как правило, тогда, когда слово входит в состав разных, хотя и соприкасающихся ЛСГ. В первом случае смысловой инвариант проявляется в совпадении способа действия (см. *ask*, *beg*, *talk*), во втором — в совпадении обстоятельственных характеристик протекания действия (см. *reply*, *shout*). Однако случаи типа *to whisper*, с одной стороны, и *demand* — с другой, свидетельствуют о том, что данное разграничение в известной мере условно. У *whisper₁* и *whisper₂*, входящих в одну ЛСГ, полностью совпадают обстоятельственные компоненты словарного толкования значения (*in a low, soft voice*) и имеется значительная близость в глагольных компонентах толкования (*speak* и *say*), поскольку оба входят в состав одной ЛСГ и имеют общий смысловой компонент (*make use of language*). У *demand* все значения трактуются через *want* (*need*), но совершенно очевидно, что удельный вес *want* (*need*) в словарных толкованиях *demand₁* и *demand₂* различен. Аналогичное наблюдается и у глагола *sign*.

Способом выражения смыслового инварианта является звуковая оболочка слова, которая обладает большой самостоятельностью, на что неоднократно указывали лингвисты, и которая наряду со смысловым инвариантом выступает как основа при диахроническом и синхроническом варьировании слова.

Наличие смыслового инварианта у слов, входящих в разные ЛСГ (в нашем случае в ЛСГ речи, звучания, зрительного и умственного восприятия), свидетельствует о том, что последние тесно взаимосвязаны и провести четкую границу между ними практически невозможно.

Все сказанное выше относится только к проанализированным нами глаголам и нуждается в проверке на значительно большем и разнообразном материале, что не может не внести существенные коррективы в наши наблюдения о семантическом варьировании слова.

Работа в этом направлении, на наш взгляд, очень перспективна, поскольку, наряду с теоретическими, она позволит поставить и решить также и ряд практических вопросов. Прежде всего, мы имеем в виду способы подачи смысловой структуры слова в одноязычном словаре. Последняя должна быть представлена таким образом, чтобы семантическая связь его лексико-семантиче-

ских вариантов была очевидной для тех, кто пользуется словарем. С другой стороны, на фоне семантической общности должно быть показано семантическое своеобразие значения каждого из лексико-семантических вариантов слова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В. В. Виноградов. О формах слова. Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1944, т. III, вып. 1; Он же. Основные типы лексических значений. ВЯ, 1953, № 5; А. И. Смиринецкий. К вопросу о слове (Проблема тождества слова). Труды ин-та языкоznания АН СССР, т. 1У. Изд. АН СССР, 1953; Он же. Значение слова. ВЯ, 1955, № 2; Он же. Звучание слова и его семантика. ВЯ, 1960, № 5; О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.

² См. И. В. Сентенберг. Лексико-семантическая группа глаголов, обозначающих передвижение, и ее единицы.— Сб. «Исследования по романо-германскому языкоznанию». Вып. 2. Волгоград, 1971.

³ Д. Н. Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). Докт. диссерт., М., 1969, стр. 164.

⁴ См. например, Л. Г. Михедова. Тематический ряд *verba dicendi* в современном английском языке. АКД, МГУ, 1971; Н. Ф. Пелевина. Теория значения и опыт построения семантических полей (значение света и цвета). АДД, Л., 1971.

⁵ Дефиниции значений приводятся по словарю Хорнби—A. S. Hornby. E. V. Gatenby. H. Wakefield. The Advanced Learner's Dictionary of Current English. London. Oxford University Press, 1958.

⁶ Д. Н. Шмелев. Указ. соч., стр. 167.

⁷ См., напр., В. М. Соколова. Глаголы движения в современном английском языке. Канд. дисс., Л., 1967.

⁸ Е. Курлович. Заметки о значении слова. В кн. «Очерки по лингвистике». М., 1962.

⁹ Там же.

¹⁰ Интерпретация смысловой структуры глагола здесь и ниже проводится на основе данных словаря Хорнби.

¹¹ Таблица строится на основе наших наблюдений над развитием глагола *walk* в английском языке. См. также B. Wetan. Old English semantic analysis and theory with special reference to verbs denoting locomotion. London; K. H. Collitz. Verbs of motion in their semantic divergence. Language Monographs, No 8, Linguistic Society of America.

¹² Лексические трансформации, приводимые в тексте статьи, были проверены профессором Д. Л. а. США.

¹³ Цифра снизу, например, *answer₁*, указывает на номер лексико-семантического варианта многозначного слова в словаре Хорнби.

В. И. ШАХОВСКИЙ

СУФФИКС -У КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ
ЭМОТИВНО-СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОГО
ПЕРИОДА

(На материале имен собственных)

Понятие диминутивности существует у всех народов и соответственно находит выражение в их языках.

Как известно, категория диминутивности, выраженная словообразовательными средствами, не является достоянием всех языков.

В современном английском языке количество диминутивных суффиксов не велико¹. Их количество в ходе развития языка не оставалось постоянным: оно уменьшалось, и на современном этапе многие из них являются вымершими. Другие, в результате опрошения основ, уже не выделяются в составе слова как самостоятельные элементы. Например, -ot (galliot), -et (billet), -ule (globule), -cule (molecule), -cle (article), -l (snail, girl), -le (bundle), -erel (cockerel), -il (pupil)²...

Все они утеряли диминутивность «в силу архаизации корневых морфем и ликвидации возможности противопоставления уменьшительных форм производящему существительному»³.

Некоторые из диминутивных в прошлом суффиксов являются живыми, но уже непродуктивными, например, -ен (maiden, chicken, kitten). Диминутивное значение этого суффикса со временем «выветрилось», и теперь он диминутивным не является.

Всеми лингвистами единодушно отмечается, что на определенном этапе развития русского языка слова с некоторыми диминутивными и увеличительными суффиксами стали употребляться для выражения отношения говорящего к предмету речи. Независимо от размера предмета они употребляются теперь, с одной сторо-

ны, для выражения ласкательности, а с другой — для выражения ничтожного, убогого, с оттенком пренебрежения⁴.

В своем развитии диминутивные суффиксы могут терять значение реального уменьшения и приобретать эмотивное значение, переходя тем самым в разряд эмотивно-оценочных. В этом состоит их качественное изменение, так как они начинают употребляться для выражения эмоционального отношения говорящего к предмету высказывания. Сказанное выше справедливо и по отношению к английскому языку. Всеми англистами единодушно признается тесная связь диминутивности и эмотивности⁵.

Мнения лингвистов расходятся лишь при установлении первичности и вторичности диминутивности и эмотивности. Абсолютное большинство лингвистов признает первичным значение объективного размера, а эмотивно-оценочное значение вторичным⁶.

Таким образом, эмоциональная оценка в категории диминутивности — это факт развития новой функции у последней.

Среди диминутивных суффиксов английского языка, употребляющихся для выражения ЭСО, наибольшей распространностью отличается суффикс -у (с вариантами -ie, -ey).

Относительно появления диминутивного суффикса -у в английском языке в лингвистике существуют разные мнения. Одни лингвисты считают, что его источник неизвестен. Другие — что он был заимствован из Скандинавии. В специальном исследовании, посвященном диминутивному суффиксу -у, К. Сунден⁷, а вслед за ним и Б. Чарлстон⁸ доказывают, что его родиной является Шотландия.

Последнее мнение является наиболее распространенным среди лингвистов. Предполагается, что суффикс -у был заимствован из шотландского языка в составе личных имен собственных, где вначале он употреблялся только в детском языке, а потом перешел и в язык взрослых, и стал употребляться не только в составе личных имен, но и в составе имен нарицательных.

По вопросу продуктивности и употребительности суффикса -у в английском языке у лингвистов тоже мнения противоречивы. Е. В. Малишевская относит его к

разряду малопродуктивных суффиксов⁹. Б. Чарлстон говорит о нем, как о наиболее живом диминутивном суффиксе. Э. Экхард считает его единственным живым из диминутивных суффиксов¹⁰, И. Р. Гальперин называет -у весьма продуктивным и наиболее употребительным суффиксом субъективной оценки¹¹. Д. А. Весник пишет о нем как о продуктивном диминутивном суффиксе¹². Продуктивным его считает и И. В. Арнольд¹³, а Н. Раевская и К. Т. Баранцев¹⁴ относят его к непродуктивным суффиксам.

Такое разнообразие мнений лингвистов по данному вопросу настоятельно требует проведения самостоятельного исследования с целью выяснения степени продуктивности и частоты употребления суффикса -у на основе объективных лингвистических критериев (наличие неологизмов, квантитативные характеристики, сфера употребления и пр.).

* * *

Фамилия от имени отличается тем, что служит для различия людей в более широком кругу, например, для отличия одной семьи от другой, знакомых, друзей. Имя же служит для различия людей в более узком кругу (как правило, семейном), чем, очевидно, и объясняется то, что от имен интимно-ласкательные варианты образуются чаще, чем от фамилий.

Наблюдения показывают, что все личные имена, за небольшим исключением, имеют ласкательные варианты¹⁵. Чаще всего эти варианты распространены в именах детей. Например:

1. The boy was born in January 1936, on a cold brittle day. Savina named him George, so that she could call him *Jody*. (M. Wilson).

Ласкательные варианты имен широко используются в речи взрослых при обращении к детям или в разговоре о них и являются средством выражения ласки, симпатии и любви:

2. «Oh! *Geddie!*» She cried out and ran to her little boy... «Oh! *Geddie, darling!*» (F. Burnett).

3. So she decided to call on *Pearl*. «Cheer *Pearlie* up if you can, for I can't». (J.-Lindsay).

Сами дети, обращаясь друг к другу или взрослым и

движимые разными аффективными мотивами (уважением, восхищением, любовью), тоже употребляют в речи ласкательные варианты имен как своих сверстников, так и взрослых:

4. «*Hay! Nicky, let me in. I've got an idea and a half*». (I. Asimov).

5. «*Did Uncle Lawrie send you?*» proceeded Demi, politely but gravely. «*Mr. Lawrence did*». (L. Alcott).

Употребление ласкательных вариантов имени собственного членами семьи, особенно мужем и женой, возлюбленными и близкими друзьями, демонстрируют следующие примеры:

6. «*No, you are wrong, Willie, she contradicted him with provocative brightness*». (J. Lindsay).

7. I rocked her in my arms gently. «*Silly Susie. A pregnant woman is pleasing into the Lord...*» (J. Braine).

8. «*Oh, Hallie, sweet, sweet Hallie, poor Lily feels so terrible*». (D. Parker).

Присоединение -у к фамилиям преследует ту же цель, т. е. является средством выражения фамильярности, симпатии или унижения.

Это может быть вызвано также и стремлением воздействовать в нужном направлении на носителя данной фамилии:

9. «*But repairs musn't be held up*», Basov said impatiently. «*Blimey, make up your mind, don't be such a funk, Bronny*». (J. Krimov).

10. Tronatchov. Why, I don't believe you've greeted *Karpatchov* to-day? (to Karpatchov). *Karpy*, you haven't greeted Semyonitch as you did yesterday?» (I. Turgenev).

Примеры 9 и 10 показывают, что и иностранные фамилии включаются в общую словообразовательную систему английского языка, т. е. образуют ласкательные варианты по той же модели: *Bronny* — ласкательный вариант русской фамилии Bronnikov, а *Karpy* — образован от русской фамилии *Karpatchov*.

Людям, получившим широкую известность, часто даются фамильярно-уменьшительные прозвища, образуемые от полных фамилий путем их усечения до первого слога и присоединения к нему ласкательного суффикса -у.

11. Wilfrid suggested «G.O.M. & *Dizzy* — broadcast from Hell». (J. Galsworthy).

Dizzy является ласкательным прозвищем крупного английского политического деятеля Disraeli¹⁶. Писатель Goldsmith для друзей был *Goldie*, Sheridan — *Sherry*, a Gladstone — *Gladdu* (Gladdie). Ласкательные прозвища имели также Bosswell (*Bossy*), Bismark (*Busy*), Worthing (*Worthy*) и др.¹⁷.

Прозвища людей, как ласкательные, так и презрительные, иногда могут образовываться от существительных, являющихся географическими названиями, например, *Newfie* (так называют в Америке жителя Newfoundland), аналогично — *Dixie*, *Frenchie*, *Gerry*, *Aussies*, а также от прилагательных, обозначающих признак, характерный для данного человека: *Blackie*, *Daftie*, *Fatty*, *Softie*.

12. «The skirt is French by injection?» — he glossed the phrase for incomprehension — «she lives with a *Frenchie*, a flute-player». (J. Lindsay).

13. «Hola! here comes *Fatty!*» exclaimed Carl. (M. M. Dodge).

Суффиксальные прозвища людей широко употребляются в бытовом общении и составляют специфическую часть патрономики.

О большой распространенности суффиксальной морфемы -у как выразителя ЭСО говорят и следующие случаи ее употребления:

а) В ласкательных и уничижительных именах личных, используемых в качестве имен нарицательных — эмотивных названий лиц: *bobby*, *nappy*, *polly*, *dolly*... Такое их употребление увеличивает количественный состав словаря, так как эти слова служат для обозначения более широкого круга людей в отличие от *Bobby*, *Nappy*, *Polly*, *Dolly*, служащих для выделения данного конкретного лица, индивидуального человека из множества людей.

В лингвистической литературе отмечается, что ласкательные имена личные часто переходят в категорию нарицательных существительных. Например: *kitty* (a young girl), *lawry* (fox), *tony* (fool), *peggy* (simpleton), *molly* (wench, prostitute, effeminate man)¹⁸.

б) В значащей фамильной ономастике, где -у высту-

пает как весьма продуктивный суффикс негативной оценки.

Присоединяясь к основам существительных или прилагательных, он может образовывать фамилии с ярко выраженной эмотивной окраской. Например: *Miss Hawkey* (a girl who preys on others, a sharper or cheat), *Mr. Swanky* (a swaggering person, dandy, a chap), *Mrs. Corney* (Mrs. Bumble's wife who acts with consistent hardness of hand in her treatment - of her unfortunate creatures in the poorhouse)¹⁹.

Значащая антономасия является стилистическим средством большой выразительной силы и активно используется в произведениях художественной литературы в целях характеристики персонажей.

в) Клички животных образуются, как показывают наблюдения, по тем же моделям, что и прозвища людей, т. е. суффикс -у присоединяется или к полной или к усеченной основе.

Часто в функции кличек животных выступают ласкательные формы собственных имен людей. Например, *Bessie* (корова), *Tommy* (кот), *Nicky* (собака), *Timmy* (лошадь) и др.

14. «And a good horse he is too», he replied, calling out in a louder tone, «aren't you, *Timmy?*» (A. Cronin).

15. The voice of the watchman: «I'll go right away! (Whistles). Hey, you, *Nicky!* Boris! Nicky! (A. Chekhov).

Образуются клички животных и от имен прилагательных. Например, *Bunny* (кролик), *Pussy*²⁰, *Inky* (кошка), а также от глагола, обозначающего действие, характерное для поведения данного животного: *Kicky*: «ослик», от *kick* — «брыкаться»²¹.

Л. Лэмберт и М. Пей приводят в качестве примеров ласкательных кличек собак следующие клички: *Brownie*, *Blackie*, *Buddy*, *Lucky*²², полученные в результате присоединения суффикса -у к основам: *brown*, *black*, *bud*, *luck*.

Употребление суффикса -у в именах и прозвищах людей, а также в кличках животных объясняется его яркой эмоциональностью.

Анализ состава эмотивных дериватов-патронимов по НС выявляет бинарность их структуры: словообразовательная основа — (S) и суффикс -у (S + -у).

В интимно-ласкательных именах и прозвищах людей

основа, как правило, представляет собой усеченное полное имя или фамилию и реже — географическое название.

Способы усечения могут быть различны: апокопа, синкопа, аферезис, т. е. усечение в узком смысле, а также комбинация названных способов, выпадение частей слова и др., т. е. усечение в широком смысле, в результате которого получаются основы, представляющие собой «склейку или сшивку»²³ оставшихся частей слова.

Кроме названных способов образования уменьшительных имен, существуют еще способы супплетивный и фонетический. Так, например, некоторые дети затрудняются произносить «*g*» и заменяют его на «*l*», почему и появились в быту имена: *Dol* от *Dorothy*, *Sal* от *Sarah*, *Bob* от *Robert*.

Иногда дети заменяют «*g*» на «*d*», а «*w*» на «*b*» и тогда образуются имена *Dick* от *Richard* и *Bill* от *William*²⁴ (фонетический способ образования уменьшительных имен).

Многие имена личные в качестве их уменьшительных вариантов имеют совершенно самостоятельные фонетические комплексы — супплетивы. Например: *Mary* — *Moll*, *Pol*; *Martha* — *Pat*; *Eleonore* — *Nell*; *John* — *Jack*, etc.

Анализ большого числа эмотивных имен, прозвищ с точки зрения алгоритмизации их образования позволяет установить, что она осуществляется следующими этапами: этап первый — образование уменьшительного имени от полного перечисленными выше способами, этап второй — присоединение к нему суффикса *-u*, что, как правило, сопровождается удвоением предшествующего согласного: *d*, *g*, *k*, *m*, *n*, *s*, *t*...

16. «*Hallo, Betty dear! I'm so glad to see you!*» (K. Mansfield).

Замечено, что уменьшительные имена подобные *Di*, *Clo...*, т. е. оканчивающиеся на гласный или дифтонг, обычно интимно-ласкательные варианты с *-u* не образуют.

Однако популярность *-u* настолько широка, что он как выразитель ЭСО иногда присоединяется самым неожиданным образом к именам, к которым, казалось бы, его присоединение совершенно невозможно. Это наглядно иллюстрируется следующим примером:

17. Laura's mother disliked this cheapening of names and named her third child *May*, thinking it would not lend itself to a diminutive. However, still in her cradle, the child became *Mayie* among the neighbours²⁵. (Lark Rise by Flora Thomson).

Аналогичным случаем является «изобретенное» П. Кэмбел уменьшительно-фамильярное имя ее друга, великого английского драматурга Б. Шоу — *Joey*²⁶. Сам Б. Шоу комментирует это «изобретение» так:

18. It can't be helped — the war coming and all — 'Joey' was the cleverest thing you ever invented. (J. Kiltby).

Вариантность указанного выше общего структурного типа имен личных собственных: (S + -у) проявляется в различных способах образования уменьшительных имен²⁷.

Как правило, с суффиксом -у связана только ласкательность. Однако в определенных лексико-стилистических окружениях он может передавать и иронически-уничижительное отношение. Морфологическая структура оценочного имени, тип образования, хореический размер при этом, в отличие от русского, в английском языке на значение суффикса не влияет. В русском языке имеются, кроме того, дифференцированные ласкательные и уничижительные суффиксы, позволяющие передавать различные оттенки взаимоотношений людей. Это выражается в том, что почти каждое русское имя имеет по нескольку эмотивно-оценочных вариантов.

Исследования Н. Н. Дурново²⁸, О. Д. Митрофановой²⁹, О. Д. Лаптевой, В. И. Чернышова и др. показывают, что в русском языке имеются специальные суффиксы, отдельно для мужских и отдельно для женских, оценочных имен, что указывает на флексивное богатство русского языка. Суффикс -у в английском языке употребляется для образования оценочных вариантов как для мужских, так и женских имен, т. е. и в этом плане является универсальным.

Итак, проведенный анализ показывает, что суффикс -у — продуктивное и широко употребляемое средство выражения эмотивно-субъективной оценки в разговорной речи английского языка. Причина этого — в богатых оттенках его эмотивного содержания. Анализ ситуаций и контекстов употребления имен собственных

с этим суффиксом указывает на отсутствие логической уменьшительности в его содержании.

Представляется возможным также предположить, что ласкательные формы имен собственных являются эмотивными синонимами полных имен. А поскольку употребление анализируемых в данной статье вариантов имен собственных, в основном, ограничено стилем разговорной речи, они окрашены и стилистически. Вот почему употребление уменьшительно-ласкательных форм имен собственных является важным стилистическим средством языка и речи: все уменьшительные и ласкательные формы одного и того же имени, относясь к одному и тому же лицу, характеризуют разное отношение к нему говорящего.

Это достаточно убедительно иллюстрирует следующий пример:

19. Father calls me *William*,
Sister calls me *Will*,
Mother calls me *Witlie*, but
The fellers call me *Bill*³⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Chambers's Etymological Dictionary, New Edit., 1964, pp. 762—765.

² Примеры почерпнуты из английских словарей.

³ Н. Н. Амосова. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М., 1956, стр. 51.

⁴ См., напр., Э. И. Мандельштам. Об уменьшительных суффиксах в русском языке.—Ж. Министерства Народного Просвещения, ч. 348, июнь 1903, стр. 37; Н. В. Шемборская. Явления социальной оценки слов.—Вопросы синтаксиса и стилистики русского языка. Куйбышев, 1963, стр. 250.

⁵ B. M. Charleston. Studies on the Emotional and Affective Means of Expression in Modern English. Bern.

⁶ Противоположное мнение высказывает, например, A. Belic в работе «Zur Entwicklung der Slavischen Deminutiv—und Ampfliativsuffixe». См. об этом в работе: С. С. Плямоватая. Размерно-оценочные имена существительные в современном русском языке. М., 1961, стр. 31.

⁷ K. F. Sundén. On the Origin of the Hypocoristic Suffix. См. O. Jespersen. A MEG on Historical Principles, p. VI. Morphology, p. 216.

⁸ B. M. Charleston, op. cit., p. 123.

⁹ Е. В. Малишевская. Производные суффиксальные существительные со значением лица в английском языке. Канд. дисс. Л., 1954, стр. 267.

¹⁰ E. Eckhardt. Die anglesächsischen Diminutivbildung. Englische Studien, 32 Band. Leipzig, 1903, S. 330.

¹¹ И. Р. Гальперин, Е. Б. Черкасская. Лексикология английского языка. М., 1956, стр. 68.

¹² D. A. Vesnik, S. S. Khidekel. Exercises in Modern English Word — Building. M., 1964, p. 20.

¹³ I. Arnold. The English Word. M., 1973, p. 55.

¹⁴ К. Т. Баранцев. Курс лексикології сучасної англійської мови, Радянська школа. Київ, 1956, стр. 64.

¹⁵ Вывод сделан на основе анализа 500 имен, встречающихся в исследованных произведениях художественной литературы, а также имен, называемых В. К. Мюллером в его англо-русском словаре. Изд. 8-е. М., 1961, стр. 1147—1152.

¹⁶ Другие примеры см. у Eloise Lambert and Mario Pei. Our Names. What they Came from and What they Mean. New York, 1961, p. 53.

¹⁷ В. М. Charleston, op. cit., p. 125.

¹⁸ H. Marchand. The Categories and Types of Present-Day English-Word-formation. Wiesbaden, 1960, p. 239.

¹⁹ Л. Н. Андреева. Структурно-стилистические особенности антономасии, Ученые записки 1 МГПИЯ, том. 31, 1964, стр. 30—31.

²⁰ Dictionary of American Slang. New York, 1960, pp. 620—621.

²¹ Примеры кличек животных зачерпнуты из журнала Micky Mouse, 1946.

²² L. Lambert, M. Pei, op. cit., p. 140 ff.

²³ В. И. Чернышов. Русские уменьшительно-ласкательные личные имена. Ж. «Русский язык в школе», № 3—4. 1947, стр. 23.

²⁴ O. Jespersen. MEG..., p. 540.

²⁵ W. O. Hassall. History through Surnames. F.S.A. New York, p. 91.

²⁶ Всего Joey употреблено в пьесе около 40 раз, что указывает на его устойчивость.

²⁷ См. нашу работу «Эмотивно-субъективная оценка в системе личных имен собственных в современном английском языке». Материалы 1-й республиканской конференции по вопросам языкоznания и методики обучения иностранным языкам. Баку, 1968.

²⁸ Н. Н. Дурново. Описание говора деревни «Парfenok». Русский филологический вестник, том. L. № 3—4, 1903.

²⁹ О. Д. Митрофанова. Некоторые морфологические процессы в личных собственных именах с суффиксами субъективной оценки в русском языке. Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина № 148. Русский язык, М., 1960.

³⁰ E. C. Smith. The Story of our Names. New York.

В. И. ШАХОВСКИЙ

СУФФИКС -У КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНО-СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ

*(На материале нарицательных существительных
современного английского языка)*

В современном английском языке уменьшительный суффикс -у (-ie, -ey), как выражатель эмотивно-субъективной оценки (ЭСО), широко употребляется не только в составе имен личных, но и в составе имен нарицательных.

Очевидно, распространение -у шло при этом от языка детей к языку взрослых, где по аналогии с первым возникали различного рода *ponce-words*, которые с течением времени получали права гражданства и входили в словарный состав языка.

Как показывает исследование детской речи, проведенное М. Льюисом¹, у детей в первый период разговора (2—3-летнего возраста) существует тенденция оканчивать слова-существительные на -у, например, *doggie*, *spoonie*, *crusty*, *bally*, *dolly*.

Подсчет показал, что слова на -у составляют 15% словаря детей указанного возраста. Среди этих 15% почти половина слов (42%) оканчивается на -у в тех случаях, когда в соответствующем взрослом слове (*adult word*) его нет.

Образования на -у широко используются и более взрослыми детьми, а также и их родителями при общении с ними, о чем говорят наблюдения над лексикой детских журналов, художественных произведений для детей, а также произведений для взрослых, где есть страницы, посвященные взаимоотношениям взрослых и детей.

Как показали наши наблюдения, самыми распространенными образованиями с -у в детском языке являются семантические группы, включающие следующие ласкательные названия:

1) старших членов семьи: *mammie, pappie, daddy, granny, aunty, unkie, nursey...* Например: 1. *Pam. Here you are, Daddy. Mammy stopped at page seven yesterday. (Micky Mouse);*

2) детей: *childie, kiddy, chappie, girlie, lassie, sonny, buddy...* Например: 2. «*What blue ribbon, childie?*» «*Ve same vat Patsie had — ve big blue wibbon w-w-wound my t-t-tummy*» (Kipling). 3. «*Daddy, why did the ancient Greeks always picture Victory as a woman?*» «*You'll learn that when you get married, Sonny*» (Laughs Parade);

3) любимых домашних животных — персонажей сказок, а также птиц, рыб и пр.; *pussy, catty, cubby, dove, ducky, henny, chickie, foxie, fishie, froggie, piggy, bunny, kicky, mousie, catty, lambie, birdie, horsey, ratty...* Например: 4. *He showed Bobby a picture of a giraffe.*

«*What's that, Bobby?*»

«*Horsey*», said *Bobby*.

Next a tiger was exhibited and *Bobby* said «*Pussy*».

Then a picture of a lion was shown, and *Bobby* said «*Doggy*»... (Шаргородская).

4) детских игрушек: *dolly, teddy, brownie, ballie...* Например, занимаясь с маленьким ребенком, мать обращается к нему: 5. «*Where is the ballie*» (his ball being out of sight).

5) предметов детской одежды и туалета: *nightie, pinny, nappy, panties, frockie, beddy, bathie...* 6. *There was a cosy bed and a nightie on a chair.* (M. Dodge).

6) названия частей тела: *tummy, titty, walkie, footie...*

7) продуктов питания, столовых принадлежностей: *spoonie, glassie, crustie, cakie, cookie (for cakes)...*

7. «*Give mummy crustie!*» 8. «*Where is eggie?*» (points to picture of an egg)³.

8) различных предметов, окружающих детей: *housie, boatie, giftie...*

В русской лингвистике неоднократно отмечалось, что употребление уменьшительно-ласкательных суффиксов, ограниченное тесными пределами интимной речи родителей и детей, вне сферы детей, якобы неуместно⁴.

Аналогичное высказывание относительно английского языка находим у О. Есперсена. Говоря об уменьшительно-ласкательном суффиксе -у, О. Есперсен утвер-

ждал, что его употребление ограничено детской речью и что взрослые употребляют -у только при разговоре с детьми. Исключение, по его мнению, составляют шотландцы, которые употребляют этот суффикс в составе эмотивных дериватов более часто. Объяснение этого факта он видит в том, что шотландцы якобы в некотором роде более инфантильны (*childlike*), чем англичане⁵.

Однако, как показывает материал художественных произведений, перечисленные типы детской лексики, особенно ласкательные названия людей, животных и предметов одежды, довольно широко употребляются и в речи взрослых (особенно интимной). Они используются там как средство выражения эмотивно-субъективного отношения говорящего к называемому данным словом объекту. Например: а) к тому или иному человеку: 9. Mr. Pringle said with a wink. «*Do you think I'm going to bulk you, lassie?*» (J. Lindsay). 10. One of the old salts replied obligingly, «*The iceberg will move right along, buddy, just as if nothing happened*» (Laughs Parade).

б) к тому или иному животному: 11. «*Don't mind cats, I hope? No fish to-day, pussies!*» (J. Galsworthy). 12. «...one day Leach looked at his pretty little gold-fish and said: «*Fishie dear, I'm going to make you into a whale*». (M. Wilson).

Характерно, что дети, и вырастая, по-прежнему продолжают называть родителей и близких родственников ласкательно, так, как они называли их в детстве, выражая тем самым свое теплое, ласковое к ним отношение: 13. «*Anything I can do for you, auntie?*» (J. Galsworthy). 14. «*Mammie! Mammie! I want to go home*», he sobbed. (A. Сгопин).

Исследование показало, что для обращения взрослых друг к другу в языке бытуют и специальные эмотивные термины обращения, с морфологической точки зрения являющиеся производными с -у.

Чаще всего это метафора, т. е ласкательное название представителя флоры и фауны. Высокая эмотивность этих терминов обращения достигается не только переносным употреблением последних, но и присоединением к ним ласкательного суффикса -у.

К ним относятся, например, следующие образования: *birdie*; *bunny*, *chickie*, *dovey*, *ducky*, *henry*, *lambie*, *peachy*, *piggy*...

Наиболее употребительным из ласкательных обращений этого типа является образование *ducky*⁶.

15. «You needn't kiss me in Piccadilly Circus, Michael!» «Sorry, *ducky*. It's a little previous. I meant to get you opposite the Partheneum!» (J. Galsworthy).

Замечено, что данное ласкательное обращение широко используется не только по отношению к людям, но и к любым животным, особенно к собакам. Например: 16. «That'll do, Ting. No more, *ducky*! No more!» (J. Galsworthy).

В качестве специальных терминов обращения выступают и следующие дериваты, иного, по сравнению с вышеприведенными, семантического типа: *dearie*, *ducey*, *cutie*, *heartie*, *lovey*, *petty*, *rummy*, *sweetie*...

Чаще всего в произведениях художественной литературы нам встречались ласкательные обращения: *dearie*, *lovie* и *sweetie*, что позволяет говорить об их активном функционировании в современном английском языке. Например: 17. «Oh! it's you, is it? For the life of mine can't remember your name, but I know your pretty face, *lovie*». (J. Lindsay). 18. Mrs. Swan pinched Curtis's cheek. «You, *sweetie*, you!» (D. Parker).

Можно заметить, что все перечисленные выше обращения употребляются, в основном, по отношению к лицам женского пола, преимущественно к молодым девушкам, а также к детям обоего пола.

Анализ морфологической структуры этих ласкательных обращений выявляет бинарность их структуры (*S* + *-y*). Образуются они в результате присоединения суффикса *-y* к исходным словам: *love*, *dear*, *sweet*...

В фамильярном стиле английского языка встречаются дериваты с суффиксом *-u* и иного типа: *nightie*, *parry*, *ripny*, *undie*... морфологическая структура которых тоже бинарна — *S* + *-v*.

Однако в качестве *S* в них выступают не полные исходные слова, в отличие от вышеприведенных терминов обращения, а их усеченные формы. Следовательно, от эмотивных дериватов типа: *laddie*, *birdy*, *girly*... они отличаются алгоритмом образования.

Если исходное слово по морфологическому составу является простым, то после усечения остается, как правило, лишь первый слог, к которому и присоединяется суффикс -у, сообщающий полученному образованию эмотивную окраску. Например, (алгоритм 1) *bulgerigar* — *bulg* — *budgie*, *Bolshevik* — *Bolsh* — *Bolshie*, *cigarette* — *cig* — *ciggy*, *charabanc* — *char* — *charry*, *chevrolet* — *chev* — *chevvy*, *daffodils* — *daf* — *dafty*, *debutant* — *deb* — *debby*, *husband* — *hub* — *hubby*, *lunatic* — *lun* — *luney*, *napkin* — *пар* — *nappy*.

В том случае, если исходное слово сложное, то отбрасывается полностью второй и последующие (при их наличии) компоненты. К полученному остатку присоединяется суффикс -у, который в данных случаях выступает просторечным заменителем второго компонента сложного слова⁷. Например, (алгоритм 2); *cabman* — *cab* — *cabby*, *bookmaker* — *book* — *bookie*, *grandmother* — *gran* — *granny*, *goalkeeper* — *goal* — *goalie*, *handkerchief* — *hank* — *hanky*, *housewife* — *hus* — *hussy*, *midshipman* — *mid* — *middy*, *nightgown* — *night* — *nightie*, *pinafore* — *pin* — *pinny*, *sweetheart* — *sweet* — *sweetie*, *toadeater* — *toad* — *toadie*. Например: 19. «Here's a clean *hanky*, darling, with some of my lavender water on it». (K. Mansfield).

Если же исходное образование представляет собой целое словосочетание, то его усечение заключается в опущении всего второго компонента словосочетания. При этом если первый компонент односложный, то -у присоединяется к нему, например, (алгоритм 3) *smart fellow* — *smarty*.

Если же первый компонент состоит из двух или более слогов, то усекается и он (алгоритм 4) *moving cartoons* — *movies*, *talking pictures* — *talkies*, *speaking film* — *speakeie*, *television set* — *telly*, *conscientious objector* — *conshie*:

Таким образом, образование названных выше дериватов осуществляется комбинированным путем: усечение исходного слова или словосочетания плюс суффиксация.

Характерной чертой, усеченного слова является наличие у него ярко выраженной стилистической окраски (фамильярной или вульгарной). Усеченное слово является стилистическим вариантом полного слова, т. е.

prof, doc, lab, flu, maths... являются стилистическими вариантами полных слов: professor, doctor...

В тех случаях, когда усечение осложняется аппликацией суффикса -у (ie, -ey) в полученных при этом дериватах появляется еще и эмотивная окраска. Это и отличает усечения типа: *hanky, toady, unkie...* от усечений типа: *maths, prof, lab*, которые эмотивной окраской не обладают.

По всей видимости, *hanky, toady, unkie...* являются по отношению к полным словам-прототипам их эмотивно-стилистическими синонимами.

Аппликация уменьшительно-ласкательного суффикса -у во всех перечисленных выше случаях⁸, к полным или усеченным основам, образует эмотивно-окрашенные дериваты.

А поскольку употребление дериватов, в основном, ограничено стилем разговорной речи, они окрашены и стилистически и потому являются собой яркий пример сочетания эмотивной и стилистической окраски в одном слове.

Так как эмотивная морфема -у указывает на отношение говорящего к объекту речи, а также и на стилистическую принадлежность слова, можно, следовательно, говорить о ее оценочно-стилистической семантике.

Ж. Вандриес называет этот суффикс морфемой чувств⁹. Г. Марчанд называет суффикс -у «*petsuffix*», О. Есперсен и Е. Партридж — «*fondlingssuffix*», а Ч. Барбер — «*suffix with a diminutive — affectionate tone*»¹⁰. В советской лингвистике -у рассматривается как суффикс субъективной оценки¹¹.

Несмотря на такое разнообразие терминологии, в ней тем не менее указывается на эмотивную окрашенность семантики суффикса -у.

Анализ художественных произведений современных писателей Англии и Америки, а также ряда словарей показал, что наиболее часто суффикс -у встречается в детском языке и в американском сленге.

Регистрация эмотивных образований с -у в словарях указывает на их узудельность.

Присоединение суффикса *-у* к основе исходного слова переводит его в сферу эмотивно-окрашенной лексики, что позволяет считать основным значением суффикса *-у* его эмотивное значение, а не значение лица, как утверждают некоторые лингвисты¹².

Это доказывается наличием в языке узуальных образований типа *doggie, ducky, piggy...*, а также *nightie, tatty, undie* и *crustie, boatie, bathie, eggie...*, которые семы лица в своей семантической структуре не содержат.

В примерах же типа *daddy, pappy, tatty, sonny...* значение лица исходит отнюдь не от морфемы *-у*, а от производящей основы: *dad, mom, son...*, имеющих в качестве одного из семантических множителей сему лица.

Как в первом случае (*doggie, birdie*), так и во втором (*daddy, sonny*) значение суффикса *-у* эмотивное, так как производящие основы, имеющие значение лица (*dad, son*) и не имеющие его (*dog, bird*), с точки зрения эмотивности не маркированы. Присоединение к ним суффикса *-у* маркирует эти основы, т. е. сообщает их значениям эмотивность субъективного плана.

Таким образом, в семантической структуре *-у* в современный период центральное место, очевидно, занимает эмотивная сема. Для выражения чисто логической дифференциации понятий суффикс *-у* в настоящее время не употребляется (ср. *cigar* — *cigarette*, но *ciggy*). Очевидно, его объективно-уменьшительное значение (сема малости) следует считать фактически утраченным.

Наличие в языке образований типа: *softy, dafty, smarty...*, с одной стороны, и *bookie, coalie...* — с другой, указывают на то, что в семантическую структуру суффикса *-у* входит, однако, и сема лица, поскольку производящие основы этой семы не имеют, а названные выше дериваты являются уничижительными названиями лица.

Исходя из вышесказанного, в семантической структуре анализируемого суффикса *-у* следует различать следующие семы:

- 1) сема ласкательности (*birdie*);
- 2) сема уничижительности (*softie*);
- 3) сема лица (*coalie*).

Морфологический анализ субстантивных дериватов с -у показывает, что в качестве первого компонента могут выступать слова (полные и усеченные), в основном, следующих частей речи: существительных — S_n (son, bird) и прилагательных — S_a (soft, daft), что говорит об **узкой морфологической валентности** -у.

Таким образом, эмотивные дериваты с суффиксом ЭСО -у имеют следующие общие структурные модели: $N(S_n + -u)$ и $N(S_a + -u)$. В последнем случае, т. е. при S_a , присоединение -у к исходному прилагательному переводит его в другую часть речи — существительные.

Анализ семантических типов исходных слов, к которым возможно присоединение суффикса -у, указывает на его **широкую семантическую валентность**.

К этим семантическим типам относятся, например, имена личные собственные: модели — $N_p(N_p + -u)$ ¹³, $N_p(N_{pd} + -u)$, прозвища: $N_p(N_{fsh} + -u)$, $N_p(N_{pl} + -u)$, $N_p(S_a + -u)$, имена нарицательные: $N_c(S_n + -u)$, $N_c(S_{nsh} + -u)$, $N_c(S_a + -u)$, $N_c(S_1 + -u — S_1 + -u)$, $N_c(S_1 + -u — S_2 + -u)$, $N_c(S_{rhyming} + -u)$ ¹⁴.

Образующийся в каждом из этих случаев дериват является эмотивно окрашенным названием лица (чаще), или названием животного, или неодушевленного предмета (реже), т. е. референтов, по отношению к которым говорящее лицо испытывает определенные чувства: ласку, симпатию или иронию и презрение. С этой точки зрения суффикс -у является объективным лингвистическим средством выражения ЭСО в современном английском языке.

Общее число дериватов с суффиксом -у, вошедшее в инвентарь разных лексических наполнений модели $N(S + -u)$, составляет более 70 единиц. Количество употреблений этой модели в тексте длиной 15 000 стр. — около 900 раз. При этом в подсчет не включались варианты личных имен, фамилий и кличек, в составе которых имеется суффикс ЭСО, а также парные сочетания типа *kicky-wicky*; *beddie-wddie*. Включение их в подсчет значительно увеличило бы цифру 900.

Довольно **высокая частотность** встречаемости образований с суффиксом -у несомненно указывает на активность его функционирования. А наличие ряда новообразований с ним: *clippie*, *telly*, *handie-talkie*, *walkie-talkie*, *quicky*, *winie*, *zombie*¹⁵, говорит о том, что он к

тому же и продуктивен не только в производстве окказионализмов, но и узульных дериватов¹⁶.

Анализ контекстных и ситуативных дистрибуций функционирования дериватов с анализируемым здесь суффиксом ЭСО позволяет определить их стилистическую отнесенность к разговорному подъязыку. Все они, в основном, — коллоквиализмы (детские, шутливые и пр.), входящие в одно лексико-семантическое поле «Эмоция» — группу слов, выражающих ЭСО.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ M. M. Lewis. *Infant Speech*. London, 1936, p. 182.

² Там же, стр. 182.

³ Примеры 5, 7 и 8 из указ. соч. М. Льюиса, стр. 108, 109, 316.

⁴ А. Н. Гвоздев. *Очерки по стилистике русского языка*. М., 1952, стр. 84.

⁵ O. Jespersen. *Growth and Structure of the English Language*. Leipzig, 1926, p. 10.

⁶ См., напр., пьесу Б. Шоу. *Heartbreak House*, *Four Plays*. М. 1952, где ducky как ласкательное обращение употребляется более 10 раз.

⁷ B. Leise. *Das heutige Englisch*. Heidelberg, 1955, S. 90.

⁸ См. также нашу предыдущую статью в этом сборнике.

⁹ Ж. Вандриес. *Язык. Соцэргиз*, М., 1937.

¹⁰ Ch. Barber. *Linguistic Change in Present Day English*. Edinburg and London, 1964, p. 82.

¹¹ И. И. Потапова. Сокращения в современном английском языке. Ученые записки 1 МГПИИ. Новая серия, вып. 2. 1965, стр. 100; И. Р. Гальперин, Е. Б. Черкасская. Лексикология английского языка. М., 1956, стр. 68.

¹² Е. В. Малишевская. Производные суффиксальные существительные со значением лица в английском языке. Канд. дисс. Л., 1954, стр. 201.

¹³ При установлении моделей использованы след. обозначения: N_п — имя личное собственное, полная форма, N_с — имя нарицательное, N_{рд} — уменьшительное имя, I_{фн} — усеченная фамилия, N_{гп} — географическое название, S_{пн} — основа — усеченное нарицательное существительное.

¹⁴ О последних трех моделях см. нашу работу «Парные соединения типов *walkie-talkie*, *kick(s)y-wick(s)y*, *hanky-panky* в современном английском языке». Тезисы VII межвузовской научной конференции по романо-германскому языкоизнанию. Секция по проблемам словообразования. Пятигорск, 1970, стр. 68—70.

¹⁵ R. C. Berg. *A Dictionary of New Words in English*. Great Britain, 1953, pp. 56, 91, 132, 138, 171, 176.

¹⁶ Это указывает на ошибочность вывода Е. В. Малишевской о его непродуктивности. См. указ. дисс., стр. 201.

Р. П. ПАВЛОВИЧ

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ЦВЕТА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЧАРЛЬЗА ПЕРСИ СНОУ

Современный английский писатель Чарльз Перси Сноу — замечательный художник-реалист, выдающийся мастер слова.

Многие исследователи обращали внимание на мастерство Ч. Сноу в передаче цвета. «Световое пятно, неожиданное сочетание или контраст красок, диссонирующие или, напротив, успокаивающие звуковые аккорды играют в прозе Сноу очень важную роль, врываются в нее на короткие мгновения и каждый раз обнажают ту бурю чувств, которая всегда спрятана очень глубоко, всегда приглушена»¹.

Ч. Сноу относится к тем писателям-живописцам, для которых мир красок является важным средством смыслового и эмоционального воздействия. Его описания подчас напоминают яркие полотна живописи. Вот натюрморт, сверкающий разнообразием красок: *The meal gleamed in bright colours on the table — the red of tomatoes, russet of apples, green of lettuce, and the red Leicestershire cheese.* (T, 60)².

А вот пейзажная зарисовка в красно-розовых поэтических тонах: *Lights were coming on in some of the houses; the red brick of the new church was roseate in sunset glow.* (T, 24).

Кроме того, Ч. Сноу большой мастер портрета: *His face looked grey, lined, mournful above his clerical collar, grey above his black coat.* (M, 75).

За последние десятилетия в лингвистической литературе появились исследования, посвященные использованию прилагательных в произведениях художественной литературы³, главным образом, русских и советских писателей. Изучение цветописи Ч. Сноу позволит по-

нять не только авторскую манеру письма, но и познать недостаточно изученные возможности английских прилагательных.

На необходимость плодотворного сотрудничества литературоведов и лингвистов при изучении языка и стиля писателя неоднократно указывали многие учёные⁴. Академик В. В. Виноградов, например, считал, что для понимания индивидуального в стиле писателя необходимо среди прочих решить вопрос о том, «какие приемы и средства применяются писателем для создания новых значений и новых оттенков разных слов и выражений, какими путями достигаются те «комбинаторные приращения смысла», которые развиваются у слов в контексте целого произведения, каковы излюбленные приемы метафоризации» и т.д.⁵.

Подлинные мастера слова всегда учитывают выразительные способности различных лексико-грамматических разрядов слов. Интенсивное использование прилагательных и, в частности, прилагательных цвета в произведениях Ч. Сноу обусловило выбор их для нашего исследования.

В настоящей статье сделана попытка проанализировать те основные приемы и средства, которые применяет Чарльз Перси Сноу в своих произведениях для создания цветовой характеристики картин природы и чувств человека, его состояния.

Наблюдения над использованием прилагательных цвета проводились на материале шести романов Ч. Сноу «Поиск», «Время надежд», «Наставники», «Новые люди», «Возвращение домой», «Коридоры власти»⁶, всего около 2100 страниц.

Согласно семантической классификации, которую предлагает В. А. Москович⁷, все прилагательные цвета делятся на следующие системы:

а) основная система представлена лексемами, называющими основные цвета (black, green, red, white, brown, yellow, blue, grey);

б) первую подсистему составляют прилагательные, которые обозначают оттенки цветов и являются стилистически нейтральными (pink, scarlet, olive, violet);

в) вторую подсистему составляют весьма пестрые по составу, но редко встречающиеся прилагательные поэтического стиля (azure, emerald, magoon, coral);

Название произведения	Количество употреблений прилаг. цвета	Цветообраз									
		black	blue	red	grey	green	yellow	white	brown	crimson	pink
The Search	82	13	11	11	10	3	7	9	10	1	1
Time of Hope	126	12	15	25	16	4	4	16	7	1	8
The Masters	52	6	4	4	7	2	2	11	4		1
The New Men	48	8	10	9	4	1	1	7	1		1
Homecomings	51	6	9	3	6	2		8	3	1	3
The Corridors of Power	47	5	11	2	9	6	2	11			1

г) особая немногочисленная группа прилагательных с наиболее узким значением, например, обозначающая масти лошадей и др. (roan, bay, tawny, lurid).

Следуя этой классификации, мы можем констатировать, что в произведениях Ч. Сноу представлены прилагательные цвета всех систем, но преобладают прилагательные основной системы.

Из 406 употреблений прилагательных цвета 338 являются прилагательными основной системы, 68 остальных систем.

В указанных произведениях прилагательные цвета распределяются, как показано в прилагаемой таблице.

Как видно из приведенной таблицы, большинство употреблений прилагательных цвета приходится на романы «Время надежд»—126 и «Поиск»—82. Это не случайно. Данные произведения являются наиболее драматическими, с большой психологической нагрузкой, романами, которые рисуют сложную внутреннюю жизнь героев.

В этих романах много общего. Как пишет Р. Грисен, «в книге «Время надежд», также как в книге «Поиск», описывается борьба провинциального молодого человека за свое место «наверху». Не менее важным вопросом является также описание личных взаимоотношений героев»⁸.

Романы «Новые люди», «Наставники», «Коридоры

нчения

scarlet	purple	ruddy	roseate	olive	chestnut	tawny	sulphur	milky	dun	sepia	cream	sandy	emerald	sanguine	amber	sallow	ochreous	waxy	stately	orange	fawn	leaden
---------	--------	-------	---------	-------	----------	-------	---------	-------	-----	-------	-------	-------	---------	----------	-------	--------	----------	------	---------	--------	------	--------

2	1	1	3	1	2	1														1		
1	2	3			2						1	1	1	1	1	1	1	1	1	2	3	
2	1	1				1							1	1	1	1	1	1	1	1		1
1							2	1	1													1

власти» отличаются по своему характеру от предыдущих. Они «могут быть отнесены к жанру политического романа, но с учетом двойного значения английского слова «politics» — как «политика» и как «закулисные интриги»⁹.

Это различие жанров, по всей вероятности, определяет различие в употребительности прилагательных цвета в указанных произведениях.

Группа цветовых прилагательных представлена в исследуемых произведениях Ч. Сноу 35 лексемами. Преобладают цвета основной системы: white — 62, blue — 60, grey — 52, red — 54.

Прилагательные остальных систем в большинстве случаев дополняют основную цветопись, образуя богатую цветовую гамму.

Из оттеночных прилагательных у Ч. Сноу чаще всего встречаются прилагательные: pink — 12, rosy — 7, tawny — 6. Остальные прилагательные цвета представлены единичными случаями: amber — 2, sulphur — 2, dun — 1, olive — 1.

Остановимся на наиболее употребительных средствах цветовой характеристики, которые использует Ч. Сноу в своих произведениях. Индивидуальные особенности словесного мастерства писателя ярко проявляются в использовании различных морфологических, синтаксических и семантических средств.

Из морфологических средств цветовой характеристики наиболее продуктивным в произведениях Ч. Сноу является словосложение. Что касается морфологической структуры сложных прилагательных цвета, употребленных в романах, то автор отдает явное предпочтение двум моделям: 1) сложным словам, образованным простым соположением основ, и 2) сложно-производным словам, образованным по формуле (A+N) + ed.

Рассмотрим более подробно каждую из перечисленных моделей. В первой группе выделяются сложные слова, компоненты которых, употребляясь в прямом значении, объективно называют разнообразные оттенки одного тона (light-blue) или используются для обозначения разных цветовых признаков (black-brown, red-dish-brown, grey-blue).

Вторую группу составляют метафорические сложные прилагательные. Целью таких слов является яркая и образная передача понятия цвета. В этой группе сложных прилагательных выделяются прежде всего слова, в которых второй компонент является семантически ведущим, а первый, употребляясь метафорически, лишь уточняет его: cherry-red fire (T, 268); the pavement was bone-white (H, 256); lights shining jewel-red (S, 141); apple-green sky (M, 167); milk-blue sky (T, 150).

В кругу прилагательных этой категории особый интерес представляют сложные слова индивидуального творчества с разнообразной экспрессивно-стилистической окраской. Например, her eyes пагrow, treacle-brown (N, 8); it was a slate-grey afternoon (S, 180); the skin of her face was waxy-ochreous cream. На первый план у них выдвигается эмоционально-оценочный характер.

Наряду со сложными прилагательными цвета, образованными простым соположением основ, довольно распространены в произведениях Ч. Сноу сложно-производные слова типа blue-eyed.

Эта модель прилагательных очень продуктивна в современном английском языке. Например: her dress was cream-coloured (T, 43); bald rosy-cheeked faintly Pickwickian (C, 105); blue-painted bulb (H, 201); brown-faced woman (S, 182); watching a red-sailed boat (S, 351).

Практически основа любого прилагательного цвета может быть использована для образования сложно-производных слов подобного типа. Большинство из этих прилагательных не зафиксированы словарями. Употребление же их в языке писателей — довольно обычное явление. Роль таких сложных прилагательных заключается не в том, чтобы создать слова, выражающие абсолютно новые понятия, а чтобы придать тексту живость, образность, сделать его красочным и эмоциональным.

Предпочитая такие сложные прилагательные их синонимичным свободным сочетаниям (*with rosy cheeks, painted in blue colour, etc.*), Ч. Сноу достигает экономии художественных средств и усиления эмоциональной нагрузки. Характерно, что писатель использует такие прилагательные не только в их прямом значении, но и в переносном: *blue-eyed interest* (T, 34).

Что касается использования производных слов как средства образования прилагательных цвета, то следует отметить, что Ч. Сноу ограничивается использованием единичных общепринятых прилагательных с суффиксами *-y, -ish*: *her bluish friendly eyes* (S, 10); *greyish dress* (T, 58); *a reddish drooping moustache* (T, 30); *milky lights* (H, 338).

Примеров индивидуального творчества писателя в создании производных слов подобного типа в исследованных произведениях не отмечено.

Из синтаксических средств цветовой характеристики Ч. Сноу чаще всего прибегает к использованию различных определений-модификаторов, которые уточняют цветовую характеристику прилагательного. Все рассмотренные определения можно разделить на две группы. В первую группу входят определения-модификаторы, имеющие наряду со своим основным значением вторичное значение усиления или ослабления интенсивности цвета. Сюда относятся такие прилагательные, как *bright, brilliant, rich, deep, dark, strong, pale, faint*, а также наречия *densely, intensely*.

Например: *she had bright, brown eyes, opaque as a bird* (T, 174); *very pale grey rings under his eyes* (S, 245); *eyes deep sepia brown* (H, 246); *a brilliant green dress* (T, 12); *the sky was not so densely black* (H, 174); *the sky shone densely purple* (S, 307).

Сочетаясь с прилагательными цвета, такие модификаторы обычно уточняют признак, выраженный следующим компонентом сочетания, то есть выступают прежде всего в усилительной функции. Кроме этого, они включают дополнительное сообщение, содержат дополнительный смысловой оттенок, который они сохранили от своего основного значения. И хотя сами они не являются эмоционально окрашенными, они придают всему сочетанию в целом определенную эмоциональность.

Вторая группа включает в себя определения-модификаторы, придающие различную эмоционально-экспрессивную оценку прилагательным цвета. Целью таких модификаторов является не выражение степени интенсивности, а передача субъективной оценки цвета. Эта оценка может быть положительной или отрицательной, что определяется из контекста.

К таким эмоциональным модификаторам цвета относятся различные прилагательные и наречия *angry*, *hot*, *wonderful*(*ly*), *beautiful*(*ly*), *prematurely*.

Например, *he put on a beautifully white overall* (S, 64), *chairs, painted a startling yellow* (T, 44); *sky turned from flaming yellow to a lambent apple-green* (M, 165); *I saw the Park prematurely grey* (H, 292).

Эти сочетания являются результатом индивидуально-авторского словоупотребления.

Простая и богатая лексико-семантическими средствами повествовательная речь в произведениях Ч. Сноу отличается ярко выраженной конкретностью. Причем чаще всего, стремясь к большей точности, художник прибегает к употреблению двойных, тройных, а иногда и целой цепочки определений. Это излюбленный прием писателя. Например, *brown, opaque and lively eyes* (T, 243); *great light-filled grey eyes* (H, 4); *smoky, blue-hazed autumn sky* (C, 112); *her forehead was white, bland, unlined* (N, 59); *eyes were dark, blue, hard, transparently bright, of a kind common in our family* (N, 12); *face looked grey, lined, mournful* (M, 75).

Использованные таким образом прилагательные характеризуют явление, предмет с разных сторон: «карие, темные живые глаза», «огромные лучезарные серые глаза» и др. Предмет в таком описании получает не только дополнительный цветовой признак, но и предстает перед читателем в различных своих деталях.

Одной из характерных особенностей стиля Ч. Сноу является употребление прилагательных цвета очень близких по значению существительным, с которыми они сочетаются, например, *I got an impression of white shiningness* (S, 171); *he was thin, with a yellow sallowness* (S, 14); *the yellow sallowness of the man* (S, 31).

Прилагательные цвета здесь не выделяют, как обычно, признака, представляемого читателю в качестве главного. Они подчеркивают в предмете то, что является для него естественным или характерным признаком. Прилагательное выступает здесь в усилительной функции и лишь подчеркивает выражаемое качество или свойство. Например, блеск, сияние или болезненность.

Большой интерес в произведениях Ч. Сноу представляет широкое использование семантических возможностей прилагательных цвета. Кроме использования цветовых прилагательных в основном значении, Ч. Сноу использует способность прилагательных цвета передавать сложные отношения, выражющиеся в переносных употреблениях. В данном случае художник совмещает цветовой признак с большой эмоциональной нагрузкой.

Среди прилагательных, употребляемых Ч. Сноу в переносном значении, выделяются две группы: а) общепринятые, утвержденные речевым опытом, и б) индивидуально-авторские.

Подавляющее большинство прилагательных первой группы в сочетании с абстрактными существительными выражают состояние человека, движение чувств. Например, *my mind was blak with rage* (T, 227); *she was white with temper* (N, 35); *the flush was crimson* (H, 381); *the pink flush seemed to shade up* (T, 85); *a depth which was black with hate* (T, 180).

В этой группе встречаются цветовые прилагательные, которые определяют различные абстрактные понятия или явления природы. Например, *a black day for this country* (N, 37); *grey war news* (N, 40); *grey, warm summer evening* (T, 362); *during one of the black days* (S, 180); *black gloss of the river* (S, 39).

Следует отметить, что Ч. Сноу не только использует уже имеющиеся переносные значения у прилагательных цвета, но и расширяет семантические границы некоторых из них за счет новых сочетаний прилагательных

цвета с различными существительными. Среди новообразований Ч. Сноу встречаются случаи сочетания с такими абстрактными существительными, как *hope*, *moment*, *shadow*, *interest*: *I thought in the jet-black moments* (T, 266), *my mother's roseate hopes* (T, 110); *shadows were dark indigo* (N, 24); *my father was watching with blue-eyed interest* (T, 34); *Darby... gave me grey and cautious advice* (T, 98).

Переносное употребление прослеживается в использовании авторских образных фразеологических сочетаний. Например, *usually he would have cared less than most men what others said, but just then the sky had gone black for him* (M, 152).

Прилагательные цвета, предлагаемые Ч. Сноу в необычных для них сочетаниях, лишены искусственности. Их переносное значение воспринимается на фоне собственно цветового значения, переплетается с ним, усиливая его эмоциональную выразительность.

Цветовые прилагательные, используемые Ч. Сноу, отличаются богатством синонимических отношений. Писатель проявляет необыкновенное мастерство в передаче тонов и оттенков. В каждом из синонимов определенного ряда сохраняется и своеобразно усложняется основное значение данного цвета. Наиболее богато по разнообразию красок у Ч. Сноу представлена тоновая группа красного, голубого и желтого цвета. Художник умеет подмечать все оттенки красного цвета от *pink* «розовый» до *sanguine* «кроваво-красный».

Прилагательные, выражающие оттенки красного цвета, могут передавать состояние героя: *his face gleamed rosy* (H, 62); *the pink flush seemed to shade up* (T, 85); *Jack's cheek was crimson* (T, 60); *the ruddy cheeks flashed* (M, 154), *in the softening light his sanguine colour became deeper* (N, 53).

Они могут рисовать меняющиеся краски света: *sky shone densely purple* (S, 307); *light glowed red* (S, 138); характеризовать несбыточность мечтаний: *my mother's roseate hopes* (T, 110); *I could not have stood extravagant rosy prophecies* (T, 241).

Высокое мастерство словесной живописи проявляет Ч. Сноу и в передаче цветотени голубого тона. Гамма голубого цвета окружена у Ч. Сноу особо поэтическим ореолом. Это цвет прекрасных глаз, чистого неба, ясно-

го утра eyes like blue quarts (C, 52); his opaque sky-blue eyes (N, 174); blue-hazed autumn sky (C, 112); eyes were dark-blue (N, 12); azure wave (T, 4); bright china blue-eyes (N, 12); milk-blue sky (T, 150).

Насколько богата палитра художника, видно из предложения: the doors of my rooms ought to be painted pastel-blue or grey-blue or dark-blue (S, 133).

У Ч. Сноу можно найти всю цветовую гамму желтого цвета yellow dawn (S, 76); sandy sheen (T, 40); amber light (N, 49); sulphur smoke (H, 332); yellowish substance (N, 184); his face had gone more sallow (N, 64); fawn sweater (N, 178); face was a waxy ochreous cream (T, 87).

Такое разнообразие красок делает описание более зримым, эмоциональным. Используя синонимичные прилагательные, Ч. Сноу добивается большей смысловой точности в описании предмета или явления.

Изложенные наблюдения позволяют сделать следующие предварительные выводы:

1. Ч. Сноу видит мир в чрезвычайном разнообразии красок и стремится донести это богатство до читателя, широко используя среди прочих выразительных средств прилагательные цвета.

2. Индивидуальная манера автора в создании цветовой характеристики проявляется в широком использовании сложных слов. Стремясь к большей точности и выразительности описания, автор не только использует имеющиеся в языке сложные слова, но и создает авторские неологизмы.

3. Характерной особенностью стиля Ч. Сноу является частое использование определений, которые указывают на степень интенсивности проявления цвета, а также на его эмоционально-экспрессивную окраску, что в свою очередь способствует расширению лексико-семантической системы цветообозначения.

4. Одним из средств выделения качества или свойства описываемого является использование прилагательных цвета в усилительной функции, в сочетании с существительными, близкими им по значению.

5. Следует отметить, что Ч. Сноу расширяет семантические рамки многих английских прилагательных цвета за счет их переносного употребления.

6. Богатая синонимика прилагательных цвета в про-

изведений Ч. Сноу, усиливая экспрессию языка в целом, способствует расширению и уточнению цветовой характеристики предмета.

Пути обогащения родного языка великими мастерами слова многообразны. Среди них немалую роль играет и то своеобразное словоупотребление прилагательных цвета, которое было отмечено нами на примерах из произведений современного английского писателя Ч. Сноу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В. Ивашева. Пора надежд. — Предисловие к книге C. P. Show. Time of Hope. M., 1964, p. 14.

² Принятые в данной статье сокращения: Т — «Time of Hope», С — «The Search», Н — «The New Map», М — «The Masters», Н — «Homecomings», С — «Corridors of Power». В дальнейшем все ссылки в примерах будут даваться с использованием сокращения и указанием номера страницы.

³ Л. Грановская. Некоторые особенности употребления прилагательных, обозначающих цвет, в языке художественной литературы конца XIX — первой половины XX века. — Ученые записки ВГПИЯ им. М. Ахундова, вып. 3, Язык и литература. Баку, 1963; Г. Г. Полищук. Цветовые прилагательные в рассказах К. Пасторовского. — «Очерки по русскому языку и стилистике», изд. Саратовского пединститута. Саратов, 1967 С. Трифонова. О прямом и образном употреблении слова «голубой» у М. Горького. — «Словоупотребление и стиль М. Горького», изд. ЛГУ, 1962; Г. А. Лилич. О слове «серый» в творчестве М. Горького. «Словоупотребление и стиль М. Горького», изд. ЛГУ, 1962; В. Г. Гомонова. Из наблюдений над употреблением прилагательных цвета в произведениях А. П. Чехова. — XXII Герц. чтения, филолог. науки, ЛГПИ им. Герцена, 1969; Н. Г. Смирнова. Употребление цветовых прилагательных и наречий в произведениях Д. Г. Лоренса. — Иностранные языки. Материалы межвузовской конференции. ЛГПИ им. Герцена, 1970.

⁴ В. В. Виноградов. О языке художественной литературы. М., Госиздат художественной литературы, 1959; Р. А. Будагов. Индивидуальное в языке и стиле художественного произведения, как историческая категория. — Тезисы докладов межвузовской конференции по стилистике художественной литературы. МГУ, 1961; Е. Б. Черкасова. О метафорическом употреблении слов. — «Исследования по языку советских писателей». Изд. АН СССР, М., 1959 и др.

⁵ В. В. Виноградов. Указ. раб., стр. 228.

⁶ C. P. Snow. The Search, Tauchitz edition. Leipzig; C. P. Snow. Time if Hope. Progress Publishers. Moscow, 1964; C. P. Snow. The Masters, Penguin Books, 1956; C. P. Snow,

The New Men., Penguin Books, 1959; C. P. Snow, Homecomings, Macmillan & Co. Ltd., 1957; C. P. Snow, Corridors of Power, Penguin Books, 1967.

⁷ Б. А. Москович. Статистика и семантика. Изд. АН СССР, 1969.

⁸ R. Greacap. The World of C. P. Snow. — London, 1962.

⁹ Г. Аникин. «Чужие и братья» Ч. Сиоу как эпический цикл. — «Метод и мастерство», вып. II. Зарубежная литература. Вологда, 1970.

Л. Е. КОЛЕСНИКОВА

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ
ТИПА «ГЛАГОЛ FAIRE +
АБСТРАКТНОЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ»
В СТАРОФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Глагол *faire* является самым продуктивным глаголом в образовании устойчивых словосочетаний нефразеологического характера. Причина его продуктивности состоит в том, что, благодаря широте своего значения и большой степени абстракции, он имеет тенденцию к десемантизации в составе словосочетаний с абстрактными существительными¹. Словосочетания этого типа, занимая промежуточное положение между свободными и фразеологическими, обладают как признаками устойчивости, так и признаками неустойчивости. Наша задача — выяснить, как эти признаки проявляют себя в старофранцузском языке.

Высокая степень абстракции глагола *faire* и его широкие синтаксические связи имеют свои истоки в народной латыни. Глагол *facere* уже в это время, помимо конкретного, развивает и обобщенное значение, что подтверждается его способностью функционировать в качестве глагола заменителя (*verbum vicarium*). В народно-латинских надписях глагол *facere* может употребляться, например, вместо целого словосочетания *topitentum posuit*. Способность глагола *facere* обозначать отвлеченно любое действие проявилась еще и в том, что он мог образовывать устойчивые словосочетания типа *N+V*: *paçem facere*, *testamentum facere*, *divisionem facere*, *odorem facere*, etc. В старофранцузском языке глагол *faire* продолжает развивать эти свойства.

В сочетании с конкретными существительными глагол *faire* выступает в основном своем значении «делать, изготавливать, создавать». В этом значении он может употребляться как с конкретными существительными, обозначающими материальные предметы, так и с суще-

ствительными, обозначающими продукты нашего интеллектуального творчества. Например, *faire terre* «создать землю», *faire une image* «сделать икону», *faire deux poètes de chire* «сделать два восковых шарика», *faire cez murs et cez ponz et cez barres* «сделать эти стены, мосты и заслоны», *faire le navire* «сделать флот», *faire sons et lais* «сделать песни и поэмы».

Все эти примеры свидетельствуют об обобщенности значения глагола *faire* даже в сочетании с конкретными существительными. Глагол *faire* означает здесь процесс изготовления, не конкретизируя его, хотя действия, обозначаемые им, разнообразны: икону рисуют, восковые шарики скатывают, мосты и флот строят, стихи и песни сочиняют и т. д.

Сочетаясь с конкретными существительными, глагол *faire* может выступать и в своих производных значениях «приготовлять», «устраивать», «составлять». Например, словосочетания *faire un grabaton*, *faire son lit* не означают процесс изготовления кроватей (с пологом или без него), а подготовку кровати к пользованию:

Soz ton degré me fai un grabaton. (St. Al., XI s., 218).

Fait li son lit ou il pot reposer. (St. Al., XI s., 238).

Словосочетания *faire l'avant-garde*, *faire l'arrière-garde* имеют значение «составлять авангард (арьергард), состоять в авангарде (арьергарде)»:

Joffrois li marchaus fist l'avant-garde, et cil firent l'arrière-garde qui le soir l'avoient faite. (G. Vil., p. 139).

Словосочетания глагола *faire* с конкретными существительными являются свободными. Оба компонента сохраняют свои лексические значения и свою самостоятельность: глагол функционирует как сказуемое (исключая, естественно, случаи причастных форм), существительное — как прямое дополнение.

При употреблении с абстрактными существительными значение глагола *faire* приобретает еще более отвлеченный характер, чем в сочетаниях с конкретными существительными. Глагол обозначает уже не процесс изготовления и приготовления, а просто действие, конкретность которого определяется семантикой существительного. Все словосочетание начинает функционировать как глагол. Благодаря этому оно становится устойчивым³.

Это новое качество словосочетания отчетливо высту-

пает при сравнении значений словосочетаний *faire* с существительными, которые могут иметь как конкретное, так и абстрактное значение. Так, слово *bataille* в старофранцузском языке означает и «битву» и «военный отряд»:

Et lors issirent les six batailles qui furent ordenees et se regent par devant lors lices; ... et *firent bataille de* lor chevaliers a pie dont il avoient bien deus centz qui n'avoient mais nul cheval. (G. Vil., p. 76).

Nous jugon Olivier si l'avons esgarde.

Qu'il *fera la bataille au* paien diffae. (Fierabr., p. 10).

В первом примере словосочетание *faire (la) bataille de...* имеет смысл «сформировать отряд из» (пеших рыцарей) и выполняет функцию двух членов предложения: сказуемого и прямого дополнения, являясь таким образом, свободным словосочетанием. Во втором примере словосочетание *faire (la) bataille a...* соответствует единому денотату «сражаться против» (язычников) и функционирует как один член предложения — сказуемое. В этом случае словосочетание может быть отнесено к разряду устойчивых.

Сочетание глагола *faire* с абстрактными существительными многочисленны в старофранцузском языке. Совершенно справедливо отмечает М. С. Гурычева, что широкая сочетаемость глагола *faire* и его продуктивность в образовании словосочетаний, функционирующих как простые глаголы, ничуть не меньше в старофранцузский период, чем в современном языке⁴.

На материале старофранцузских текстов XI—XIII веков нами выделено 207 устойчивых словосочетаний с глаголом *faire*. Общее число примеров на эти сочетания достигает 637 на 4000 страниц.

Некоторые сочетания имеют варианты, которые отличаются друг от друга только суффиксами именных компонентов. Обычно это морфологические варианты, например, значение «останавливаться» передается тремя сочетаниями: *faire arestee*, *faire aresteisun*, *faire aresteument*. Наличие подобных вариантов не снижает устойчивости сочетаний, так как эти суффиксы в старофранцузском языке могут взаимозаменяться, не внося существенных изменений в семантическую структуру существительного.

Встречаются случаи полисемии словосочетаний, ко-

торые, как правило, связаны с многозначностью их именного компонента. Например, словосочетание *faire feste*, где *feste* означает «праздник», в старофранцузский период могло иметь значения «радоваться, веселиться», «праздновать», «оказать радушный прием»:

Renard mangue et fet grant feste. (Ren., I br., 96).

Quant il virent Nicolete si bele, se li porterent mot grant honor et fisenf feste de li. (Auc. et Nic., p. 34).

Apres vint uns jour que li soundans fist une grant feste du jour de se naissance. (F. de P., p. 24).

Круг абстрактных существительных, употребляемых с глаголом *faire*, чрезвычайно разнообразен, но среди них значительную группу представляют отглагольные существительные. Например: *aclin, acordance, aie, arrestee, assaillie, celee, crie, chevauchie, confort, escout, demonstrance, gaainz, guerredon, livraisson, proiere, remembrance, reposee, retornee, someiller, sospir, venjance*. Словосочетаниям с этими существительными соответствуют однокоренные глаголы. Следует отметить, что в старофранцузском языке большинство словосочетаний абстрактных существительных с глаголом *faire* имеет однокоренные глагольные корреляты. Например, словосочетанию *faire iror* в значении «расстраиваться, печалиться» соответствуют глаголы *irier, iraistre*:

I cist ferunt nos Franceis grant irur. (Rol., 1023).

La mort de ceus dont si m'a fait irier. (Grs., p. 369).

Soit maladite et que je nasqui

Qu'ainc voir tain ne m'irasqui

De rien qui poist avenir. (Perc., 3438)

Словосочетание *faire cembel* и глагол *sembeler* в следующих примерах означают «галопировать, вызывая противника на бой»:

Devant aus a fet un cembel

le tret de catre arbalestees. (E. E., 3564)

Vint chevaliers por cembeler

Envoierons devant la porte. (Pere., 2415).

Глагол *foloier* «совершать необдуманные поступки» тождествен по значению словосочетанию *faire folie*:

Mais d'une chose fist il molt grant folie,

Quant il son fil corona en sa vie. (Asgr., 6857)

N'a si sage, ne foloit. (Ren., Meon, I., 1979)

В современном языке нет глагола, который передавал бы это значение, и перевод приведенной пословицы

из «Романа о Ренаре» подтверждает соответствие словосочетания и глагола:

Il n'y a pas si sage qui ne *fasse des folies*⁵.

Другому значению словосочетания *faire folie* «безумствовать, сходить с ума» соответствовал глагол *folier*:

Mes la damoisele li prie

Qu'il se gart de *folie faire* (L., 1306).

Amor fet cels del tot *foler*

Qui vulent sagement amer. (Grs., p. 295).

Иногда и словосочетание и его глагольный коррелят встречаются не только в одном и том же отрывке, но и в рядом стоящих предложениях или в одном и том же предложении. Делается это, вероятно, в стилистических целях: для усиления впечатления и для того, чтобы избежать повторения. Так, Кретьен де Труа начинает свой роман «Персеваль» следующими строками:

Crestiens *semme et fait semence*

D'un romans que il encomence... (Регс., 7).

Характерной особенностью старофранцузского языка является то, что в нем имелось значительно большее число глаголов, соответствующих глагольно-именным словосочетаниям, чем в современном языке. Тогда существовали, например, глаголы *ahonter*, *asermenter*, *deprooier*, *doloir* (*doler*, *doloser*), *colpoier*, *dangerer*, *esraogir*, *vilounier*. Наличие глагольных коррелятов у словосочетаний типа «*faire* + абстрактное существительное» подтверждает их тенденцию к устойчивости, их смысловую и функциональную целостность. Таким образом, устойчивость данного типа словосочетаний определяется их лексико-семантическими свойствами.

Устойчивость глагольно-именного сочетания на морфологическом уровне обычно связывают с употреблением именного компонента в единственном числе⁶. Имеющиеся в нашем распоряжении примеры подтверждают общее правило: имя существительное стоит в единственном числе. Наличие или отсутствие артикля у именного компонента словосочетания не играет решающей роли при определении устойчивости сочетания в старофранцузском языке, так как категория артикля находилась еще в стадии становления, и целые группы существительных, абстрактные например, могли упо-

требляться и без него. Так, возможны словосочетания *faire bataille* и *faire la bataille*:

Renars ne voulta bataille faire

Ancois li commanda a retraire. (Ren., V br., 134)

Or redavons d'Erec parler

qui ancore an la place estoit

ou la bataille fete avoit. (E. E., 1240).

Чаще всего определенным артиклем сопровождались существительные в функции подлежащего. Поэтому, вероятно, артикль употребляется в словосочетаниях, преобразованных в пассивные обороты:

La pais fu faite enz el mostier de Tors. (Loois, 2118).

Кроме того, артикль часто появляется, когда именной компонент выступает в качестве антецедента придаточного предложения и стоит в именительном падеже. Например:

Lors enforce molt et engraisse

Li doels que la pucele en fait

Mais ja por doel que ele en ait.

Ne remandra noient, ce cuit. (Perc., 2607).

Но в третьей строчке этого отрывка, когда существительное *doel* при глаголе *avoir* употребляется в косвенном падеже, артикль отсутствует. Именной компонент может сопровождаться артиклем, если при нем имеется прилагательное или местоимение:

La dame fist un duel si grant

Que tous li bos en retenti. (Comte Roit., p. 123).

В старофранцузском языке указательное значение могло передаваться определенным артиклем:

«Fesons la pais et seions bien ami...» (Loois, 25—26).

Однако в подавляющем большинстве случаев именные компоненты словосочетаний типа «*faire* + абстрактное существительное» артикля не имеют.

К структурным особенностям словосочетаний типа «*faire* + абстрактное существительное» относятся значительная подвижность их компонентов. Устойчивые словосочетания, так же как и свободные, в старофранцузском языке характеризуются более свободным порядком следования компонентов. Например, именной компонент часто предшествует глагольному:

... et li rois pes feire comanda

puis anquert Erec et demanda

noveles des avantures. (E. E., 6413).

Кроме того, возможно дистантное расположение компонентов, когда между ними вклиниваются другие группы слов. Например, глагольный и именной компоненты могут быть разделены подлежащим, дополнениями, обстоятельствами и даже вводными предложениями:

La fist Judas de vos la traison. (Loois, 999).

«*Por quei feseis ton dreit seignor tel honte?*» (Loois, 1914)

Ensi molt longuement ne finent

De joie faire et de plorer;

Joie por lor oste enorer

Font, sanz ce que parole en aient... (L., 3816, 3817).

Ja li fera, s'il puet, anui. (Ren., XIII br., 2250).

Помимо способности компонентов словосочетаний исследуемого типа к перемещению относительно друг друга и других членов предложения, им свойственно также расширение структуры и преобразование ее.

Именной компонент словосочетания может иметь в качестве детерминатива не только artikelъ, но и местоимение, прилагательное с наречием или без него. От половины до трех четвертей примеров на каждое словосочетание распространены прилагательными *grant* или указательными местоимениями. Например:

«*Dame*» dist de, «*Ji ai fait si grant perte!*» (St. Al., XI s., 425)

... ou il trova le chevalier

qui *grant* joie a fet au chienet. (Chast. de V., 383)

Carles comandet que face sun servise. (Rol, 238).

Прилагательное *grant* употребляется в этих словосочетаниях для указания степени интенсивности действия. Обычно оно не нарушает устойчивости словосочетаний. Наряду с прилагательным *grant* употребляются еще *petit, malvais (mal)*:

Petit fait om de lui cherte. (Tr., 244)

Con male garde ai fait sous mon degré. (St., AL., XII s., 1157).

Другие прилагательные наблюдаются редко, их употребление связано со стилем автора и придает модели более индивидуальный оттенок.

Ne me dist rien mais je li dui

Anor faire non trop frarine. (Tr., 419).

... si fist faire une mot *rice festé*, por çou qu'il cuida
Aucassin son fil conforter. (Auc. et Nic. m p 21)

... et fisen tant de *pure* honte que n'avoit il mie de
char seur le cors de lui. (R. Cl., p. 28).

Иногда к именному компоненту присоединяется довольно развернутое приложение из нескольких прилагательных:

... li quens Bougars de Valence *faisoit guere* au conte
Garin de Biaucaire *si grande et si merveilleuse et si mortel*, qu'il ne fust uns deux jors *ajornes* qu'il ne fust as
portes... (Auc. et Nic., p. 1) (... граф Бугар Валенский
вел войну с графом Гареном Бокерским, такую вели-
кую, жестокую и кровопролитную, что не проходило
дня, чтобы он не стоял у ворот...).

Если прилагательные *grant*, *petit* и наречия *molt*, *assez* только уточняют степень интенсивности действия, выраженного всем словосочетанием и не влияют на его устойчивость, то наличие других прилагательных, особенно нескольких сразу, снижает устойчивость словосочетания⁷.

Словосочетания исследуемого типа могут быть преобразованы в пассивную форму, в причастную, деепричастную форму, в расчлененную структуру и в структуру с замещенным местоимением именным компонентом. Первые два преобразования не влияют на лексико семантические качества сочетаний, на их устойчивость. По существу это изменение формы глагола. Например, нет различия в устойчивости между *faire joie* и *si faite joie, faisant joie*:

Lors fet joie et dit: Dex aie! (L., 5032).

Ce jor se pot Erec vanter

C'onques tel joie ne fu faite. (E. E., 6119).

...que onqus encore *si faite goie* ne si faite estoires ne
fu veus ne ois. (R. Cl., p. 12).

Si s'an sissent joie feisant. (E. E., 6309).

При трансформации расчленения имя существительное помещается в главное предложение, а глагол — в придаточное. Оба компонента такого трансформа приобретают большую самостоятельность. Может нарушаться также соотносимость словосочетания с глаголом. Есть мнение, что трансформация расчленения не приводит к распаду словосочетаний исследуемого типа, так как «основой, на которой базируются трансформа-

ционые свойства типовых конструкций, является синтаксическая свобода при единстве значения»⁸. Если даже полученную структуру рассматривать как свободное синтаксическое словосочетание, то оно все же является результатом существования устойчивого словосочетания.

Замещение именного компонента словосочетания местоимением или выпадение его встречается крайне редко: 7 примеров из 640, то есть приблизительно 1%, в то время как случай вышеописанной трансформации составляют 5%.

В следующем отрывке из «Нимской телеги» имеются одновременно оба трансформа словосочетания *faire bataille* «сражаться» — расчлененная структура и структура с замещенным существительным:

Rois, car te membre d'une fiere bataille

Que je te fis au gue de Pierrelate...

Apres celui vos en fis je une autre. (Char. de N., 157, 162). (Вспомни, король, о жестокой битве, которую я совершил для тебя при переправе, после того совершил я другую).

Трансформация расчленения и замены сильно снижают устойчивость словосочетаний, сближают их со свободными. Но для данного типа словосочетаний эти синтаксические изменения являются характерной чертой, что и позволяет их классифицировать как полу-свободные словосочетания, промежуточные между свободными и словосочетаниями с высокой степенью устойчивости.

Иногда при глаголе *faire* имеется по два существительных, которые близки по смыслу или принадлежат к одной семантической группе, что характерно для старофранцузского языка. Тогда структура приобретает вид *V+N+N₁*. Например, «оказать помощь и поддержку»:

Que or li face et secors et aie; (Aspr., 942).

«совершить предательство и измену»

Qui Amors en gre ne requialt

Des qu'ele antor li l'atret,

Felenie et traïsun fet (L., 448)

«выдумывать и лгать»

Et cil fable et menconge an font

Qui s'en vantent et droit n'i ont. (L., 5129)

Численность таких словосочетаний невелика, они составляют около 3% от общего числа примеров. Некоторые из них имеют варианты. Так, словосочетание *faire honte et laidure* бесчестить, оскорблять является вариантом словосочетания *faire honte et let*:

Et dist: vassax, molt m'avez *let*
sans desfiance *honte et let*. (L., 489)
Karlon menacent et dient bien encor
K'il le pendront desseur un sicamor,
Feront li honte et laidure de cor. (Aspr., 3796).

Все именные компоненты этого типа сочетаний употребляются с глаголом *faire* не только по два, но и по одному. Например, при наличии сочетания *faire secors et aie* имеются и отдельные сочетания *faire secors* и *faire aie*.

Объединение существительных при глаголе *faire* определяется не только их смысловой общностью или принадлежностью к одной и той же семантической группе, но и в определенной степени традицией. Так, традиционны пары *honte et lait* «стыд и срам», *noise et bruit* «шум и гам», которые входят в словосочетания *faire honte et lait* «оскорблять, позорить», *faire noise et bruit* «шуметь». Например:

Einz mes ne te vi que je sache,
n'onques ne fui an ton damage
ne ne te *fis honte ne let*. (E. E., 1003)
Et dormi trestote la nuit
qu'an ne li *fist noise ne bruit*. (E. E., 5129)

Эти традиционные пары существительных могут употребляться и с другими глаголами. Например, помимо сочетания *faire honte et lait*, существует и словосочетание *avoir honte et lait* «быть оскорблённым»:

Et, il ne li a pas noie
Qu'il n'i *eust ne lait*, ne *honte*... (Perc., 5307)

При употреблении двух существительных при глаголе возможны случаи, когда эти существительные противоположны по смыслу, например, *joie et duel* «радость и печаль»:

Si li sailli li rois et la reine a l'encontre, qui seur tous en *fist joie et trop merveilleux duel*. (Perc., 5307), (Lanc., p. 2).

Словосочетания типа *V+N+N₁*, будучи различны по своему составу, обладают и различной степенью

устойчивости. Словосочетание *faire honte et let, faire secors et aie, faire fable et manconge*, где именные компоненты близки по смыслу и один из них как бы усиливает другой, употребляются часто и воспроизводятся в речи как готовые традиционные формулы. Как правило, они не распространяются прилагательными и не подвергаются трансформациям. Такие словосочетания обладают устойчивостью употребления⁹.

Словосочетания, именные компоненты которых более отдалены по смыслу и не связаны традицией, обладают меньшей устойчивостью. Например, в словосочетаниях: *faire tantes honneurs et tantes bontez; faire grant joie et grant honneur; faire bone peine et bonne servise; faire paor et duel, faire aide ou grevance* именные компоненты означают: «столько почестей и добродетели», «великую радость и великую честь», «труд и хорошую службу», «страх и горе», «помощь или угнетение». Возможно, причиной их образования является сокращение повторяющегося глагольного компонента в ряде стоящих словосочетаний. Тогда их следует рассматривать как словосочетания, не обладающие достаточной устойчивостью употребления и имеющие окказиональный характер. Среди них чаще, чем у предыдущих, встречаются случаи расширенной или расчлененной структуры. Например:

Lors veissiez quarole aler
et gent mignotement baler
et fere mainte tresche
et meint biau tor sor l'erbe fresche. (Rose, I, 743, 744)
Acois li rendrai ses merites
Et de la honte et de l'annui
Que nous a fait ici enqui. (Ren., XIII br., 2128, 2129)

Глагол *faire* может иметь при себе не только два, а несколько существительных. В следующих примерах при нем стоят существительные 1) *feste* «праздник», *barnage* «доброта», *deport* «развлечение»; 2) *proieres* «молитвы», *vouz* «поклоны», *promesse* «обет», *sacrifise* «жертвоприношение»:

Hui devons faire feste, barnage et grant deport
Et porterons ensemble les corones d'or. (Pel., 804)
Fait proieres, vouz et promesse
Et sacrificise a la deesse

Qu'ele li doinst avoir baillie
De parler a Tisbes amie. (Pir et Tis, 212).

Подобные случаи представляют собой сравнительно редкое явление и носят окказиональный характер. Предположительно, что употребление нескольких существительных при глаголе приводит к потере устойчивости словосочетания, превращает его в свободное, функционирующее как глагол с цепочкой дополнений.

Словосочетания исследуемого типа, как правило, специфическим окружением не обладают. Наибольший интерес представляют те редкие случаи, когда имеются дополнения ко всему словосочетанию, а не к отдельным его компонентам. Словосочетание *faire joie* в следующих примерах обладает разной степенью устойчивости в зависимости от правого окружения. Во втором случае оно более устойчиво:

... et fisent la gregnor *joie qui onques fust veue.*
(G. Vil., p. 146) (...и проявляют величайшую радость, которая когда-либо была видана).

Si li dist: Sire or faites joie,
Que vostre colpe vos renvoie. (Perc., 1212)
(... и говорит ему: «Сир, радуйтесь, что возвращаю вам ваш кубок»).

Все вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Устойчивость словосочетаний исследуемого типа определяется их лексико-семантическими свойствами. Глагол *faire* в этих словосочетаниях употребляется не в конкретном, а в обобщенном, лексически ослабленном значении. Конкретность сочетанию придает именной компонент. Все словосочетание в целом обозначает действие и имеет, как правило, коррелирующий с ним глагол; последнее характерно для старофранцузского языка в большей степени, чем для современного.

2. Исследуемые словосочетания, как правило, не обладают специфическим окружением.

3. По своим структурным признакам эти словосочетания имеют ряд общих черт со свободными словосочетаниями:

а) изменяемость глагольного компонента по лицам, временам, наклонениям и залогам;

б) возможность обратного порядка следования компонентов и дистантное их расположение в предложении,

что в современном языке мало свойственно устойчивым словосочетаниям и является признаком свободных;

в) возможность расширения и трансформации структуры словосочетания, что характерно и для современного языка.

4. Отличительными особенностями устойчивых словосочетаний в структурном плане являются:

а) ограничение в выборе прилагательных при расширении структуры и крайне редкая замена именного компонента местоимением при трансформации;

б) невозможность наличия нескольких именных компонентов при глаголе, исключение составляют случаи употребления при нем традиционных пар существительных.

5. Основные свойства устойчивых словосочетаний типа «глагол + абстрактное существительное», функционировавших в старофранцузском языке, сохраняются в современном языке.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Aspr. — *La chanson d' Aspremont*, I, II, Paris, 1923—1924.

Auc. et Nic. — *Aucassin et Nicolette*, Paris, 1925.

Char. de N. — *Le charroi de Nîmes*, Paris, 1931.

Chast. V. — *La chaste laine de Vergi*, Paris, 1921.

E. E. — *Chretien de Troyes. Erec et Enide*, Paris, 1952.

F.d.P. — *La fille du comte de Pontieu*, Paris, 1926.

Fierabr. — *Fierabras. — Les anciens poètes de la France*, Paris, 1860.

Grs.—R. *Gransaignes d' Hauterive. Dictionnaire d'ancien français*, Paris, 1967.

G. Vil — *Geoffroy de Villehardouin. La conquête de Constantinople*, Paris, 1969.

L. — *Chretien de Troyes. Li romans dou chevalier au Iyon*, Hannover, 1862.

Lanc. — *Le roman en prose de Lancelot du Lac*, Paris, 1938.

Loois.—*Li coronemenz Loois*. Paris, 1888.

Pel.—*Pelerinage de Charlemagne*. Leipzig, 1895.

Perc. — *Chretien de Troyes. Le roman de Perceval ou le conte du Graal*, Genève—Lille, 1956.

Pir. et Tis. *Piramus et Tisbe.*, Paris, 1921.

R.Cl. — *Robert de Clari. La conquête de Constantinople*, Paris, 1927.

Ren — *Le roman de Renard*, publié par E. Martin, I, II; Strasbourg, 1882.

Ren, Meon — *Le roman de Renard*, publié par M. D. M. Meon, 1, Paris, 1826.

Rol.— *La chanson de Roland*, Paris, 1970.
St. Al. — *La vie de Saint Alexis*. (Poème du XI siecle et re-pouvellements du XII, XIII, XIV siècles), Paris, 1887.
Tr. — Béroul. *Le roman de Tristan*, Paris, 1947.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В. Г. Гак. Десемантизация языкового знака в аналитических структурах синтаксиса. — «Аналитические конструкции в языках различных типов». М., 1965, стр. 141.

² М. С. Гурычева. Роль истории языка в определении тенденции развития современного языка и инноваций в его грамматической системе. — «Проблемы диахронии и синхронии в изучении романских языков». Минск, 1, 1970, стр. 33.

³ О признаках устойчивости см. Л. Е. Колесникова. Устойчивые глагольно-именные словосочетания нефразеологического характера в старофранцузском языке. — «Вопросы романо-германской филологии», вып. IV, Волгоград, 1972.

⁴ См. цит. статью М. С. Гурычевой, стр. 36.

⁵ L. Chauveau. *Le roman de Renard*. Paris, 1959, p. 22.

⁶ См. А. В. Кунин. Английская фразеология. М., 1970. стр. 102, 103.

⁷ Л. О. Коль. К проблеме устойчивых коррелятов глагола в современном французском языке. Автореферат канд. дисс. Л., 1967, стр. 8, 9.

⁸ Там же, стр. 7.

⁹ См. цит. книгу А. В. Кунина, стр. 89.

В. С. ГЕРАСИМЕНКО

ОПЫТ ВЕРОЯТНОСТНО-СТРУКТУРНОГО ОПИСАНИЯ ПОЛИВАЛЕНТНЫХ ГЛАГОЛОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

За последние десятилетия как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике появилось много работ, посвященных проблеме валентности¹. Несмотря на это, в лингвистической литературе до настоящего времени нет ни общепринятого понимания этого термина, ни достаточно разработанной методики изучения лексико-семантических валентностей. В данной работе под валентностью будет пониматься неслучайная потенциальная сочетаемость, маркированная контрастным отклонением наблюдаемой частоты сочетания от ожидаемой величины случайной комбинаторики².

В своем исследовании мы исходим из того, что количественный подход к пониманию и определению языковых явлений на любом уровне языка не противопоставляется качественному анализу, а дополняет его и ведет к его более строгому обоснованию.

Исходя из этого, в работе делается попытка показать возможность выделения поливалентных глаголов и описания их валентных характеристик на основе вероятностно-структурного (статистико-комбинаторского) анализа³. Исходная посылка метода заключается в том, что качественные характеристики языковых единиц непосредственно связаны с их количественным распределением в потоке речи и изучение первых неотделимо от изучения вторых.

В этой связи важным оказывается выявление и сопоставление меры общности и специфичности валентностей по заданным подъязыкам⁴, в чем и заключается один из главных аспектов нашего исследования. Сопоставление и анализ валентных свойств глаголов по

подъязыкам становится актуальной задачей не только в силу того, что таких исследований не проводилось, но и оттого, что подобное сопоставление дает возможность выявить факторы, определяющие варьирование глагольного управления в современном английском языке, определить меру общности и специфики валентностей по заданным подъязыкам.

Исследование проводится поэтапно. На первом этапе определяется фон, то есть усредненные валентные характеристики произвольного глагола, другими словами, устанавливается вероятностная мера валентностей глагола в пределах исследуемого материала.

Второй этап включает определение частотности отдельных глаголов для каждого из аспектов исследования и выявление самих поливалентных глаголов. С этой целью составляется микрочастотный словарь (МЧС).

Третий этап — классификация «отмеченных»⁵ глаголов, их характеристика в числовых данных, выявление меры общности и специфики исследуемых валентностей по подъязыкам.

Исследование проводилось на материале трех подъязыков: 1) художественная проза (авторская описательно-повествовательная речь в произведениях английских и американских авторов, написанных за последние 40 лет)⁶; 2) газетная хроника⁷; 3) медицинская научная литература⁸. Общий объем выборок для определения фона произвольного глагола составляет 9000 предложений (по 3000 из каждого подъязыка). Предложения выписывались путем сплошной выборки, опускались только предложения с глаголом *be*.

Нами исследовались следующие валентности: 1) к придаточным препозитивным предложениям; 2) к обстоятельствам; 3) к подлежащему; 4) к беспредложному дополнению; 5) к предложному дополнению; 6) к предложному дополнению или обстоятельству; 7) к инфинитиву; 8) к предикативному члену; 9) к придаточным постпозитивным предложениям.

Оценка достоверности полученных данных проводилась на основе абсолютного и относительного квадратического отклонения (АКО и ОКО). Полученные результаты считались отличными при ОКО до 10%, хорошими при ОКО до 20%, посредственными в пределах 20—50% и плохими, если оно было больше 50%.

Фоновые данные по подъязыкам приводятся в таблице 1.

Сравнение фоновых данных показывает, что во всех подъязыках одинаково представлена третья валентность. Это объясняется тем, что в материале выборок нам не встретилось ни одного бесподлежащего предложения. В дальнейшем эта валентность при анализе опускается, поскольку ее количественные характеристи-

Таблица 1
Фоновые данные по подъязыкам

Валент- ность	ХП ¹⁰			ГХ ¹¹			МНЛ ¹²		
	Х ср. ¹²	АКО	ОКО %	Х ср.	АКО	ОКО %	Х ср.	АКО	ОКО %
1	8	1,14	14	5	0,08	1,6	5,7	0,66	11
2	37	1,82	5	37	1,4	4	26	1,43	6
3	100	0	0	100	0	0	100	0	0
4	39	29	7	42	0	0	26	0	0
5	18	2,3	13	27	0,8	3	24	0,26	1
6	22	1,8	8	14	0,8	6	26	0	0
7	5,1	1,4	27	14	2,46	18	5,3	0,66	12
8	6,4	1,34	20	4	0	0	5,6	0,6	10
9	18	0,26	1	27	27	10	17	0,8	7

тиki во всех подъязыках остаются неизменными. Остальные валентности распределились по-разному. Если сравнить величину Х ср.⁹, то заметим, что только представленность валентности 2 полностью совпадает в подъязыках художественной прозы и газетной хроники. В остальном можно говорить о большей или меньшей близости средних значений валентностей. В большинстве случаев Х ср. отличается не больше, чем в 1,5 раза. Наибольшая близость между подъязыками художественной прозы и газетной хроники прослеживается в валентностях 2, 4, 8; между подъязыками художественной прозы и медицинской научной литературы в 6, 7, 8, 9, а между подъязыками газетной хроники и медицинской научной литературы в 1, 8 и 5. Полученные фоновые данные имеют высокую достоверность, о чем свидетельствуют величины АКО и ОКО (исключение составляет валентность 7).

Чтобы перейти от рассмотрения фоновых данных к анализу объектов исследования, составляем МЧС. Для этого все глаголы, встретившиеся в исследованном материале, выписываются сначала в алфавитном порядке, а потом по степени частотности.

Сведение отмеченных глаголов в единую классификационную таблицу позволило выявить: 1) поливалентные глаголы, неизменно представленные во всех подъязыках; 2) поливалентные глаголы, функционирование которых ограничено определенными подъязыками.

Все отмеченные глаголы по степени частотности распределились по пяти классам. В этой работе рассматривается только первый класс. Его составили глаголы *become*, *have*, *give*, *make*, *take*, *see*, каждый из которых встретился не менее 30 раз в исследованном материале в каждом подъязыке.

Мера представленности исследуемых валентностей по подъязыкам рассматривается на примере вышеуказанных глаголов. Общий объем выборок на этом этапе составляет 1800 предложений, то есть по 300 предложений на каждый глагол.

Соотношение подъязыковых валентностных характеристик для рассматриваемых глаголов показано в таблице 2, на примере данных X ср.

Для сопоставления меры валентности произвольного глагола и отмеченных глаголов используем понятие коррелятивной функции (КФ). Коррелятивная функция представляет собой частотное от деления условной вероятности (УВ) отмеченных глаголов на их независимую вероятность (НВ), ($K\Phi = UV : NV$).

В таблице 3 приводятся данные КФ рассматриваемых валентностей. Данные УВ численно совпадают со значениями средней вероятности (X ср.) исследуемых глаголов, представленных в таблице 2.

Для построения классификационной схемы эмпирически устанавливаем пороги специфичности. $K\Phi > 1,5$ будем считать высокой, $K\Phi$ от 0,5 до 1,5 — средней, $K\Phi < 0,5$ — низкой.

Исходя из этого, валентности исследуемых глаголов распределились по 4 группам.

1. Валентности, у которых ни в одном из подъязыков нет ни низкой ($K\Phi < 0,5$), ни высокой ($K\Phi > 1,5$) специфичности, составляют группу иейтральной валент-

ности. Сюда вошли: 1) валентность 2 у глаголов *give*, *have*, *make*, *take*; 2) валентность 1 у глагола *see*, 3) валентность 6 у глагола *take*.

2. Валентности, которые имеют только высокую специфичность, составляют группу валентности тяготе-

Таблица 2

Средняя величина валентностей по подъязыкам

		Валентность подъязыка	1	2	4	5	6	7	8	9
Become	ХП	1,1	3,6	0	1,1	0,3	0,1	9,7	1,4	
	ГХ	1,1	2,5	0	2	0,8	0,2	9,9	1,2	
	МНЛ	1,2	4	0	0,4	1,2	0,1	8,5	0,8	
Give	ХП	0,3	2,2	9,4	2,3	0,4	0,7	0	1,2	
	ГХ	0,2	3,2	8,2	4,3	0,8	0,4	0	0,6	
	МНЛ	0,2	3,8	5,4	1,8	2,4	0,3	0,2	0,2	
Have	ХП	0,1	4,6	9,8	1,4	0,1	0,5	0	0,9	
	ГХ	0,5	4,5	9,8	2,9	0,6	0	0	0,6	
	МНЛ	0	3,3	9,7	0,9	0,6	0,1	0	0,3	
Make	ХП	0,7	3,5	8,8	1,9	0,5	0,9	0,3	0,9	
	ГХ	0,2	3,5	5	4,5	1,6	1,1	1,8	1,7	
	МНЛ	0,6	2,5	2,4	3,5	1,6	1	0,7	0,7	
Take	ХП	0,3	4,8	8,9	1,8	1,5	0,2	0,1	0,5	
	ГХ	0,2	4,6	4,1	3,2	1,2	1,3	0,2	0,6	
	МНЛ	0,4	3,8	1,5	1	2,4	0,2	0	0,6	
See	ХП	0,7	4,3	7,7	0,6	0,6	0,3	0	2,8	
	ГХ	0,3	4,4	7	1,7	1	0,1	0,6	1,7	
	МНЛ	0,4	5,3	2,6	2	3,4	0,4	0,9	0,8	

ния. Она представлена: 1) валентностью 4 у глаголов *give* и *have*; 2) валентностью 8 у глагола *become*.

3. Валентности, имеющие только низкую специфичность, составляют группу валентности избегания. Она представлена: 1) валентностями 4, 7, 9 у глагола *become*; 2) валентностями 1, 8 у глагола *give*; 3) валентностями 6, 8 у глагола *have*; 4) валентностью 9 у глагола *take*.

4. В последнюю группу вошли валентности, обнаруживающие разные пороги специфичности. Сюда отно-

сятся все остальные валентности, не вошедшие в предыдущие группы. Это группа смешанной валентности.

Такая классификация валентностей представляет особый интерес, поскольку она помогает определить степень общности и различия исследуемых валентно-

Таблица 3

Значение коррелятивной функции КФ

Валент- ность	Become			Give			Have		
	ХЛ	ГХ	МНЛ	ХП	ГХ	МНЛ	ХП	ГХ	МНЛ
1	1,4	2,2	2	0,37	0,4	0,35	0,13	1	0
2	0,97	0,7	1,5	0,6	0,8	1,5	1,2	1,2	1,3
4	0	0	0	2,4	1,9	2	2,5	2,3	3,7
5	0,6	0,7	1,16	1,3	1,6	0,75	0,8	1,1	0,4
6	0,14	0,6	0,46	0,2	0,57	0,9	0,05	0,4	0,23
7	0,2	0,14	0,2	1,3	0,3	0,58	0	0	0,2
8	15	24,7	15,4	0	0	0,35	0	0	0
9	0,77	0,4	0,47	0,7	0,22	0,11	0,5	0,22	0,17

Продолжение таблицы 3

	Make			See			Take		
1	0,9	0,4	1	0,9	0,6	0,7	0,4	0,4	0,7
2	1	1	1	1,1	1,2	2	1,3	1,3	1,5
4	2,2	0,12	0,9	2	1,6	1	2,3	1	0,6
5	1	1,6	1,5	0,33	0,6	0,8	1	1,2	0,4
6	0,2	1,1	0,6	0,28	0,7	1,5	0,7	0,9	0,9
7	1,8	0,8	0,2	0,6	0,07	0,8	0,4	0,9	0,4
8	0,5	4,5	1,4	0	1,5	1,6	0,15	0,5	0
9	0,5	0,6	0,4	1,6	0,6	0,47	0,3	0,22	0,35

стей по подъязыкам. Коэффициент общности составляет 29%, коэффициент различия — 71%.

На основе проведенного исследования можно сделать некоторые предварительные выводы.

1. В пределах исследуемого материала количественные данные, полученные через вышеописанные характеристики и отношения величин, объективно отражают валентные свойства исследуемых глаголов по подъязыкам.

2. При сравнении фоновых данных по подъязыкам выяснилось:

1) во всех подъязыках одинаково представлена валентность 3;

2) в подъязыках художественной прозы и газетной хроники репрезентация валентности 2 полностью совпадает по данным величины Х ср;

3) в большинстве случаев среднее значение валентностей по подъязыкам отличается не более чем в 1,5 раза.

3. Использование вероятностно-структурного анализа позволило:

1) выявить поливалентные глаголы;

2) расклассифицировать все исследуемые валентности по группам;

3) установить степень сходства и различия исследуемых валентностей по подъязыкам. Удельный вес различия (71 %) более чем в три раза больше удельного веса сходства (29 %).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ М. М. Болдырева. О сочетаемости, дистрибуции, валентности в лексике. Ученые записки 1 МГПИИ, т. 55. М., 1970; Л. Н. Засорина, В. П. Берков. Понятие валентности в языке. Вестник ЛГУ, 1961, № 8, вып. 2; Е. Я. Иофик. Структурно-семантический анализ сочетаемости глаголов умственной деятельности в современном английском языке в сопоставлении с сочетаемостью однокорневых существительных. АКД, Л., 1969; Л. Л. Лисина. Валентность слов категории состояния в современном английском языке. АКД, М., 1967; Л. А. Львов. Синтаксические свойства двупереходных глаголов в современном английском языке. АКД, 1970; М. М. Маковский. Валентные отношения в лексике. ИЯШ, 1968, № 6; Сборник «Синтагматика, парадигматика и их взаимоотношение на уровне синтаксиса», Рига, 1970; Е. Н. Уздинская. Синтаксическая валентность глаголов современного английского языка. АКД, Калинин, 1972 и др.

² Н. Д. Андреев. Курс лекций, прочитанных на ФПК при Ленинградском пединституте им. А. И. Герцена.

³ Н. Д. Андреев. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении. Л., Наука, 1967.

⁴ Этот термин употребляется нами в том смысле, как он определен в вышеуказанной работе Н. Д. Андреева (см. сноска 2).

⁵ Под «отмеченными» понимаются глаголы, которые являются объектом исследования.

⁶ Allan Sillitoe. Key to the Door. Moscow, 1969; Charles Snow. Time of Hope. Moscow, 1964; Archibald Cronin. My

Brother My Enemy; Arthur Clarke. A Fall of Moondust. London 1961; Ann Fairbairn. Five Smooth Stones. New York 1966; James Kerr. The Clinic. New York, 1968; Cameron Hawley. The Hurricane Years. Boston—Toronto, 1968; John Steinbeck. Travels With Charley. New York 1962; East of Eden and the Wayward Bus. New York 1952; Ernest Hemingway. A Farewell to Arms. Moscow 1969; The Sun Also Rises. New York, 1956; Kingsley Amis. Lucky Jim. London 1957; Norman Lewis. Darkness Visible. London 1960.

⁷ Статьи из газет «Morning Star», 1968—1970; «Daily World», 1968—1972.

⁸ Статьи из журналов «Surgery. Genecology and Obstetrics», 1956—1958, Lancet 1960-62.

⁹ Хср. — среднее значение исследуемой величины.

¹⁰ ХП — художественная проза.

¹¹ ГХ — газетная хроника.

¹² МНЛ — медицинская научная литература.

А. Ф. ИВАНОВА

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ О ЗНАЧЕНИЯХ КОРРЕЛЯТИВНОЙ ФУНКЦИИ В СОЧЕТАНИЯХ НЕКОТОРЫХ ГЛАГОЛОВ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Для сопоставления встречаемости отобранных нами актуальных словосочетаний типа «глагол + прилагательное» с встречаемостью произвольного словосочетания того же типа используем понятие коррелятивной функции (КФ), которая определяется Н. Д. Андреевым как «отношение условной вероятности (УВ) языкового элемента при заданном условии к независимой вероятности (НВ) того же элемента»¹.

НВ — вероятность употребления произвольного глагола с прилагательным в тексте какой-то длины, не ограниченная никакими условиями. Из таблицы 1 видно, что в любом обработанном нами тексте длиной в 2 тыс. словоупотреблений (подъязык диалогической речи) вероятность употребления словосочетания типа «глагол + прилагательное» равна 10%.

УВ — вероятность употребления наших актуальных объектов исследования при заданном условии. Так, например, УВ глагола «look + прилагательное» в подъязыке диалогической речи определялось на объеме 300 словоупотреблений глагола «look»; в подъязыке авторской речи на объеме 500 словоупотреблений этого глагола, и в подъязыке газетной информации объем словоформ глагола «look» составляет 200 употреблений.

Объем словоупотреблений для наших актуальных объектов исследования определялся из расчета показателей микрочастотного словаря, который выявил лексическую статистику глаголов и прилагательных.

Таким образом, КФ представляет собой частное от деления условной вероятности исследуемого элемента на его же независимую вероятность: $KF = UV : NV$.

Так как НВ является одним из основных элементов при определении всех значений КФ, то мы заинтересованы в том, чтобы численные данные вероятностных характеристик НВ были более достоверными. Это становится возможным при расширении объема выборок, когда с увеличением объема текстового материала значительно уменьшается абсолютное и относительное квадратическое отклонение (АКО и ОКО).

В каждой выборке любой длины частота словосочетаний типа «глагол + прилагательное» неодинакова. Так, в подъязыке авторской речи в любом тексте длиной в 2 тыс. словоупотреблений их максимальная и минимальная выборочная частота составляет 70 и 39 словоупотреблений этого типа. Но чтобы с известным правом судить о вероятности употребления этого словосочетания в любом тексте такой длины, нужно получить обобщенные данные отклонений всех выборочных частот.

Это обобщение достигается вычислением абсолютного квадратического отклонения (АКО). Формулу для вычисления АКО подробно описал Б. Н. Головин в своей книге «Язык и статистика».

ОКО — относительное квадратическое отклонение является выражением НВ в процентах. Поэтому нам пришлось продолжать улучшать оценки достоверности при определении средней активной эволвентности произвольного глагола и средней пассивной эволвентности произвольного прилагательного².

Активная эволвентность произвольного глагола в подъязыках авторской и диалогической речи (А/Р, Д/Р) и в подъязыке технической информации Т/И была найдена на объеме 20 тыс., а в подъязыке газетной информации Г/И — на объеме 15 тыс. словоупотреблений.

Так как объем выборок по каждому подъязыку определяется нами в зависимости от той точности, которой мы хотим добиться, то при определении средней пассивной эволвентности произвольного прилагательного он составил только 5 тыс. словоупотреблений в подъязыках авторской и диалогической речи, 10 тыс. словоупотреблений в подъязыке газетной информации и 15 тыс. словоупотреблений в подъязыке технической информации.

После статистической обработки полученного материала данные по активной эволвентности произвольного глагола сведены в таблице 1, а данные по пассивной эволвентности произвольного прилагательного в табл. 2.

Таблица 1
Активная эволвентность произвольного глагола

№ п/п	Подъязык	АКО	ОКО %
1	А/Р	53 ± 6,5	12
2	Д/Р	45 ± 4,6	10
3	Г/И	2,7 ± 0,6	2
4	Т/И	33 ± 2	6

Таблица 2
Пассивная эволвентность произвольного прилагательного

№ п/п	Подъязык	АКО	ОКО %
1	А/Р	33 ± 2,68	8
2	Д/Р	45 ± 6	13
3	Г/И	24 ± 2	8
4	Т/И	27 ± 2,50	9

Данные, приведенные в этих таблицах, мы считаем достоверными, так как эмпирически мы установили, что абсолютное квадратическое отклонение (ОКО) наших объектов исследования не должно превышать 12 %.

Результаты исследования по определению независимой вероятности (НВ) и условной вероятности (УВ) делают возможным определить значения коррелятивной функции с их интервалами вариаций ИВ. Значения КФ глаголов отображены в таблице 3.

Во всех подъязыках объекты исследования разбиваются по величине КФ на четыре группы.

Первую группу (см. таблицу 3) у глаголов составляют: *become* — все подъязыки; *feel* — диалогическая речь; *grow* — авторская речь; *look* — диалогическая речь и газетная информация; *seem* — все подъязыки,

кроме авторской речи. У этих глаголов значение КФ выше 15, поэтому они попадают в зону сверхсильной валентности.

Вторую группу образуют: *make* — все подъязыки, кроме авторской речи; *feel* — авторская речь, газетная информация; *grow* — диалогическая речь и газетная информация; *look* — авторская речь, *seem* — авторская речь. У глаголов этой группы значение КФ равно от 5 до 15. Эти глаголы образуют сильную зону валентности.

Глаголы *make* — авторская речь, *grow* — техническая информация — образуют третью группу и попадают в среднюю зону валентности, так как значение их КФ равно от 2 до 5.

Глагол *take* представляет нейтральную (нулевую) зону валентности по значению КФ, которая у него равна от 0,5 до 2.

Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые глаголы в разных подъязыках ведут себя по-разному в плане сочетаемости, и поэтому их удельный вес в употреблении по подъязыкам неодинаков. Так, можно указывать на различие в пропорции употребления глагола *grow* для подъязыков авторской речи и технической информации.

Удельный вес *grow* в романах в 7 раз превышает долю употребления *grow* в технических текстах. Низкая сочетаемость *grow* в технических текстах может быть объяснена, на наш взгляд, тем, что глагол в этом подъязыке употребляется преимущественно в своем основном значении «расти», а в художественной прозе он употребляется как в основном, так и в переносном значении «становиться», которое глагол преобретает в сочетании с прилагательными. Это иллюстрируют следующие примеры.

The cross-sectional area of the multipoles grows linearly with strain while the peripheral length of the margins of the multipoles grows only as square root of the cross-sectional area and, therefore, the strain³.

The oaks grow fat with leaf, and fling their long blossoms in the grass⁴.

The Whinnying and changing of the Welch's self-starter began behind them growing fainter and fainter as they walked on ...⁵.

У глаголов *become* и *seem* значение КФ в техничес-

ских текстах значительно превышает значение КФ в других подъязыках, по нашему мнению, потому, что, экспериментируя, исследователь анализирует механизм эксперимента, делает определенные выводы, оценивает полученную информацию. Например:

An important point here is that the defects become large enough to be seen only as saturation is approached, suggesting that further growth occurs after their formation⁶.

It therefore seems certain that carbon must transfer from carbides to the depleted zones⁶.

If instead A contained m and B contained n dislocations it seems probable that B would still obstruct the same number of dislocations as in the case where m = n⁶.

Высокое значение КФ у глагола *feel* наблюдается в подъязыке диалогической речи. Такой контраст между подъязыками этого глагола объясняется, по нашему мнению, коммуникативной направленностью текстов. Сравните, например:

Oh, sweetheart, I have never felt more wretchedly incapable of any bright or adventurous destiny⁷.

But I just feel too bloody miserable and mixed up to be able to see you without fretting terribly about taking decisions which I do not feel myself competent to take at present⁷.

It makes me feel a hundred times years old⁸.

Значения КФ прилагательных представлены в таблице 4. Из сравнения показателей этой таблицы видно, что пропорция *like* и *sure* смешена в сторону подъязыка газетной информации, у *like*, кроме этого, она смешена в сторону подъязыка авторской речи.

Удельный вес *small* в подъязыке диалогической речи достаточно высок по сравнению с другими подъязыками. Прилагательные *like*, *small*, *sure*, таким образом, попадают по значению КФ, равному больше 5, в зону сильной валентности.

В зону средней валентности по значению КФ, равному от 2 до 5, попадают: *easy* — все подъязыки, кроме газетной информации, *able* — авторская речь, *good* — все подъязыки, кроме диалогической речи, *like* — диалогическая речь и техническая информация, *possible* — все подъязыки, *right* — авторская речь и газетная информация, *sure* — авторская речь.

Таблица 3

Значения коррелятивной функции глаголов

Глаголы	Подъязыки							
	A/P		D/P		Г/И		Т/И	
	КФ	ОКО	КФ	ОКО	КФ	ОКО	КФ	ОКО
become	22 ± 6,4	29	22,7 ± 9,5	42	16 ± 4,5	28	35 ± 7	20
feel	14 ± 6	41	22,7 ± 5,2	23	11 ± 4	37	—	—
get	4,8 ± 2,4	50	4,5 ± 2	45	1,6 ± 0,9	62	1,2 ± 3,4	286
grow	22 ± 8	38	13,6 ± 1,4	76	11 ± 4,7	43	3,1 ± 4,2	136
look	6,7 ± 2,7	40	18 ± 6,7	37	25 ± 2,7	11	—	—
seem	9,6 ± 3	31	16 ± 4,3	27	16 ± 2,7	19	28 ± 7,6	28
make	3,7 ± 1,9	52	5 ± 3,8	77	9 ± 2	22	6 ± 1,2	20
take	0,7 ± 0,1	16	1,8 ± 0,8	45	—	—	—	—

Таблица 4

Значение коррелятивной функции прилагательных

Прилага- тельные	Подъязыки							
	A/P		D/P		Г/И		Т/И	
	КФ	ОКО	КФ	ОКО	КФ	ОКО	КФ	ОКО
able	1,6 ± 1,9	122	0,2 ± 0,28	143	—	—	0,5 ± 1,1	229
big	0,45 ± 0,16	148	0,2 ± 0,28	143	0,8 ± 1,1	138	—	—
easy	3 ± 2	62	2,8 ± 0,98	38	0,8 ± 0,86	108	4 ± 3	79
good	1,6 ± 0,9	58	0,4 ± 0,3	78	1,3 ± 1,2	98	2 ± 2,8	139
like	5,4 ± 1,7	32	3 ± 1	40	10 ± 3	30	2 ± 1,8	89
possible	1,5 ± 0,9	68	1 ± 0,77	77	4 ± 2,3	58	4 ± 1,3	34
right	1,6 ± 1,56	98	0,2 ± 0,1	53	1,3 ± 2,9	228	—	—
small	—	—	7 ± 7,6	109	0,4 ± 1,15	228	1 ± 0,6	59
sure	3 ± 1,5	50	0,8 ± 0,7	96	8 ± 10,4	130	—	—
well	2,3 ± 1,7	75	4 ± 2,2	58	—	—	—	—

Третью группу прилагательных представляют: *big* — все подъязыки, *good* — все, кроме подъязыка технической информации, *able* — все, кроме авторской речи, *right* — авторская и диалогическая речь, *sure* — диалогическая речь. Прилагательные этой группы образуют отрицательную зону валентности, так как значение их КФ меньше 0,5.

При сопоставлении данных таблиц 3—4 можно заметить, что у прилагательных отсутствует зона сверхвысокой валентности, но зарегистрирована зона отрицательной валентности. Возможно, это связано с тем, что в словосочетании типа «глагол + прилагательное» первый компонент является ядром словосочетания, которое выбирает себе те прилагательные, лексическое значение которых не противоречит лексическому значению глагола. Следовательно, один и тот же глагол может сочетаться со многими прилагательными.

Показатели этих таблиц, таким образом, представляют собой переход количественных характеристик словосочетаний типа «глагол + прилагательное» в качественные, поскольку значение КФ глаголов и прилагательных позволяет нам определить зоны валентности.

В последующих работах будут уточнены наши выводы и будет сделана попытка объяснить причины неоднородности распределения словосочетаний типа «глагол + прилагательное» по подъязыкам и внутри каждого из четырех подъязыков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Н. Д. Андреев. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении. Изд. «Наука», Л., 1967, стр. 22.

² В словосочетании типа «глагол + прилагательное» его первый компонент является ведущим, поэтому его эволюнтность мы считаем активной и, следовательно, эволюнтность второго компонента этого словосочетания будет пассивной.

³ A Journal of Theoretical Experimental and Applied Physics, N 154, October 1968, London, p. 837.

⁴ John Steinbeck. The Winter of Our Discontent. New York, 1961, p. 174.

⁵ L. Amis. Lucky Jim. London, 1961, p. 256.

⁶ A Journal of Theoretical Experimental and Applied Physics, N 155, November 1968, London, p. 1095, 919, 921.

⁷ Iris Murdoch. A Severed Head. London, 1961, pp. 58, 141.

⁸ John Braine. Life at the Top. London, 1962, p. 139.

Е. Е. ТОГУНОВА

СРЕДСТВА УСИЛЕНИЯ КАЧЕСТВА
И ВЫРАЖЕНИЯ СТЕПЕНИ ПРИЗНАКА
В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ЭКВИВАЛЕНТЫ
В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

(На материале произведений К. Маркса и Ф. Энгельса)

Цель данной работы — дать сопоставительный анализ выражения высокой степени качества и признака в немецком и русском языках.

Усиленное качество и высокая степень признака могут быть выражены при помощи грамматических средств (степеней сравнения прилагательных и наречий), лексических средств (словосочетания и сравнения) и словообразовательных средств (префиксации и словосложения).

Превосходная степень выступает в значении предельной степени качества или безотносительно большой меры признака (элатив) и в значении высшей степени качества при наличии сравнения предметов между собой¹. В некоторых случаях сравнительная степень может также выражать интенсификацию, являясь синонимом элатива².

Словосочетания, выступающие в роли синонимов элатива, имеют в своем составе интенсифицирующий компонент, обычно наречие степени. В зависимости от принадлежности ведущего слова к определенной части речи различают адъективные, субстантивные, вербальные и адвербальные словосочетания³.

К словообразовательным средствам, выражающим усиление, относятся производные прилагательные с префиксами: *erz-*, *ig-*, *extra-*, *hyper-*, *super-*, (*erzböse*, *erzdumm*, *igalt*, *igplötzlich*, *extrafein*, *hyperelegant*, *super-klug*) и усилительные сложные прилагательные с первым компонентом в роли усиления качества или признака, выраженного вторым компонентом.

Исследование проводится на материале произведений К. Маркса и Ф. Энгельса⁴. Мы установили, что усиление качества и признака в немецком тексте выражается главным образом при помощи грамматических средств (превосходной степени прилагательного), на втором месте — лексические средства (словосочетания и сравнения), на третьем — словообразовательные (усилительные и производные прилагательные).

Превосходная степень прилагательного выступает, в основном, в значении элатива, т. е. вне сравнения. В переводе на русский язык ей, как правило, соответствуют формы превосходной степени¹ и, значительно реже, словосочетания и производные прилагательные в исходной форме. Примеры: а) превосходная степень *die schönste Frau* — красивейшая женщина; *die ärgsten Viehdiebe* — злейшие грабители скота; *weichster Flaum* — легчайший пух; б) словосочетания: *die arbeitsamste und elendste Klasse* — класс, наиболее обремененный трудом и нуждой; *der heiterste Humor* — исключительно веселый юмор; в) производные прилагательные: *die wunderbarsten Dinge* — чудесные вещи; *peinlichste Verlegenheit* — затруднительное положение.

Кроме того, превосходная степень выступает в оригинале также в значении высшей степени качества, присущей какому-либо лицу или предмету по сравнению с другими. В русском переводе ей обычно соответствует форма превосходной степени + предлог «из» или группа существительного в родительном падеже, например: *diese lumpigste aller käuflichen Klassen* — этот подлейший из всех продажных классов; *eine der größten kritischen Taten* — один из величайших критических подвигов; *der riesenhafteste Gedanke des XIX. Jahrhunderts* — самая гигантская мысль XIX столетия.

Форма превосходной степени переводится на русский язык производными и непроизводными прилагательными в исходной форме и, очень редко, существительными. Синонимами элатива в русском переводе являются производные прилагательные с усилительным префиксом *наи-*: *die beste Biene* — наилучшая пчела; *der größte Einfluß* — наибольшее влияние. Однако в переводе чаще встречаются прилагательные, производные от имен существительных и глаголов: *wünschenswerteste Vollständigkeit* — желательная полнота; *unverbrüchlichste*

Treue — непоколебимая верность; das äußerste Elend — крайняя нужда; höchste Entrüstung — шумное негодование. В переводе встречаются также непроизводные прилагательные (bitterster Spott — горькие насмешки; größte Heiterkeit — большая веселость; tiefste Entrüstung — глубокое возмущение; reinster Himmel — чистое небо) и существительные (höchste Spitze — апогей; äußerste Spitzen — крайности).

Русские имена прилагательные, производные от существительных и глаголов, содержат в себе усиление качественной характеристики предмета или явления; непроизводные прилагательные употребляются метафорически; существительные (апогей, крайности) содержат в своем значении наивысшую степень признака, что и обуславливает возможность использования их в качестве эквивалентов превосходной степени прилагательных немецкого текста.

Превосходная степень в немецком языке во всех значениях выражает интенсификацию качества или признака и часто употребляется в экспрессивно-риторических целях, что во многом определяется назначением работ К. Маркса и Ф. Энгельса, их содержанием и жанром, а также стремлением авторов как можно полнее выразить собственные мысли и чувства, показать свое отношение к историческим событиям и выдающимся деятелям, своим современникам: восхищение, восторг, сочувствие, презрение. Вот, например, как Ф. Энгельс характеризует русский язык: die russische Sprache ... eine der kraftvollsten und reichsten lebenden Sprachen — русский язык ... один из **самых сильных и самых богатых** живых языков (стр. 351). Сравним также характеристику Гёте, данную Энгельсом в труде «Немецкий социализм в стихах и прозе»: Apologie des Herrn Grün, der warne Dank, den er Goethen für jedes philiströse Wort stammelt, das ist die *bitterste Rache*, die die beleidigte Geschichte über den größten deutschen Dichter verhängen konnte (Über Kunst, S. 253). Апология со стороны г-на Грюна, выражения горячей благодарности, которые он бормочет по поводу каждого филистерски звучащего слова Гёте — вот **самая жестокая месть**, на которую только могла обречь оскорбленная история **величайшего** немецкого поэта (стр. 523). Пре-

восторженная степень в переводе также является сильным выразительным средством.

Усилиительные словосочетания в немецком тексте представлены преимущественно двумя типами: адъективными и, реже, субстантивными. В адъективных словосочетаниях в качестве подчиненного слова обычно выступает наречие; они строятся по модели: неизменяемое (интенсифицирующее) слово + изменяемое (стержневое) слово.

В качестве интенсифицирующего компонента используется наречие степени (total gleichgültig, durchaus überflüssig) — наречие на -er (mehr als verdächtig), два или несколько наречий (allzu scharf bestimmt, viel zu ausführlich), парные наречия с союзом (durch und durch verkäuflich), наречие на -st (äußerst wohlwollend, höchst elend). Некоторые лингвисты относят лексические описательные конструкции с sehr, äußerst, höchst + прилагательное к группе элатива, так как они наиболее ясно и однозначно выражают усиление; остальные группы адъективных сочетаний — к синонимам элатива⁵.

В русском переводе адъективным словосочетаниям соответствуют: а) адъективные словосочетания (äußerst vergnügliche Dinge — чрезвычайно приятные вещи); б) субстантивные сочетания (grenzenlos lückenhaft — огромные пробелы, unermeßlich schwierig — неизмеримая трудность); вербальные сочетания (ganz verböhmt — совершенно обогемился, total falsch — совершенно ошибается).

Субстантивные усилиительные словосочетания с подчиненным словом — прилагательным (реже, наречием) обычно переводятся субстантивными сочетаниями (riesenhafter Weltschmerz — безмерная мировая скорбь, erschreckliche Nichtwürdigkeit — ужасающая негодность), реже — адъективными сочетаниями (mit deutschem Ernst und deutscher Gründlichkeit — по-немецки серьезный и по-немецки основательный, zu sehr nach dem alten Stil — слишком сильные старые обычай).

В немецком тексте встречаются усилиительные субстантивные сочетания с подчиненным словом — существительным в родильном падеже. Их компоненты могут быть употреблены метафорически, что еще более усиливает экспрессию. Так, при описании древних швейцарцев Ф. Энгельс в работе «Гражданская война в

Швейцарии» использует метафору: ... jeder Versuch der Zivilisation ist an den *granitnen Wänden* ihrer Schädel ohnmächtig abgeprallt. (Über Kunst und Literatur, S. 78) — ...всякая попытка цивилизации бессильно отскакивала от **гранитных стен их утесов** и их **черепов** (стр. 207).

Фразеологические сочетания с усилительным компонентом переведены на русский язык также словосочетаниями — свободными или фразеологическими, например: *Der arme Teufel ist scheußlich auf dem Hund* — ...бедный парень **ужасно** осунулся (Ф. Энгельс о Г. Гейне, стр. 290), ... *sei durchaus Wurst* — мне наплевать; *so sehr Wurst* — настолько безразлично.

Словосочетаниям оригинала в русском переводе соответствуют также превосходная степень прилагательного (*kleinlichst gehässigte Leidenschaften* — самые мелочные и самые бешеные страсти), производные прилагательные (*viel zu kolossale Bärte* — колоссальные бороды; *allzu große Bescheidenheit* — чрезмерная скромность), сложные прилагательные (*allgemein bedeutender Charakter* — общезначимый характер; *höchst trivialer Gedanke* — безнадежно-тривиальные мысли), сравнение (*total abgenutzter Streifen* — полоса, которая четко выделялась, точно тропинка на лугу).

Сравнительные усилительные словосочетания встречаются в оригинале редко, в русском переводе им также соответствуют сравнения, например: *das Ergebnis wie ein Blitz aus heiterer Luft* — событие, как гром среди ясного неба; *zittert wie Espenlaub* — дрожит, как осиновый лист; *mager wie ein Gerippe* — худ, как скелет.

В критических трудах К. Маркс и Ф. Энгельс используют словосочетания и сравнения, имеющие литературно-разговорную стилистическую окраску. Так, например, Ф. Энгельс пишет о древних швейцарцах: *Diese Spießbürger hatten gemerkt, daß die Urschweizer ebenso stark und ebenso dumm waren wie ihre Ochsen.* (Über Kunst u. L-r, S. 77). — Эти горожане заметили, что коренные швейцарцы так же **сильны и так же глупы, как и их быки** (т. 1, стр. 206).

Сравнение служит средством более образного определения качества или степени признака сравниваемого предмета. Гиперболизация в основе сравнений предель-

но характеризует то или иное действие или состояние: *dumm wie ein Ochse* — глуп, как пробка; *dürr wie eine Spindel* — тощий, как жердь.

Усили́тельный прилагательные немецкого текста имеют в качестве первого (усили́тельного) компонента *all(er)* — (*allgemein*, *-mächtig*, *-umfassend*), *hoch-* (*-heilig*), *über-* (*-natürlich*), *welt-* (*bekannt*), *echt-* (*-römisch*), *kreuz-* (*-fidel*), *sau-* (*-grob*), *wunder-* (*-schön*), *zorn-* (*-heiß*), *wind-* (*-schnell*), *blut-* (*-rot*), *eis-* (*-kalt*), *diamant-* (*-hart*), *grund-* (*-falsch*), *honig-* (*-süß*).

Прилагательное *allgemein*⁶ встречается в исследуемых произведениях очень часто, оно сочетается обычно с абстрактными существительными и переводится на русский язык чаще всего сложным прилагательным **всеобщий** (*allgemeine Verwechslung* — всеобщее смешение; *allgemeines Interesse* — всеобщий интерес; *allgemeiner Neid* — всеобщая зависть), реже — производным прилагательным **общий** (*allgemeine Grundsätze* — общие положения; *allgemeines Geheimnis* — общая тайна) и другими производными прилагательными (*allgemeine Redensarten* — громкие фразы; *allgemeines Interesse* — общественный интерес). В отдельных случаях его эквивалентами в русском переводе являются словосочетания: *allgemeine Angelegenheiten* — дело всего государства.

Сравнительно редко используются в оригинале уси́льтельные прилагательные с *aller-* (+ превосходная степень) и очень редко с другими указанными выше уси́льительными компонентами — существительными и прилагательными. Их эквивалентами в переводе являются: а) форма превосходной степени прилагательного: *allerchristlichster König* — христианнейший король; *alleretrockenster Prosaismus* — самая сухая проза; *sau-grober Brief* — грубейшее письмо; б) словосочетания: *allerbekannteste ökonomische Verhältnisse* — наиболее известные экономические отношения; *der echtrömische Heldendichter* — истинно римский эпический поэт; в) сложные прилагательные: *himmelstürmender Genius* — высокопарный гений; *honigglatter Pfaffenfluch* — медоточивое поповское проклятие; г) производные прилагательные в исходной форме: *wunderschöne Prinzessin* — прекрасная принцесса; *übermenschliche Barm-*

herzigkeit — сверхчеловеческое милосердие; д) сравнение: *grabeskalter Kerker* — тюрьма, хладная, как гроб; *diamanthärter Fuß der forschreitenden Zeit* — твердая, как алмаз, стопа идущего вперед времени.

Сложные усиливательные прилагательные с *aller*- обычно переводятся на русский язык формой превосходной степени прилагательного, реже — словосочетанием и производным прилагательным с усиливательным префиксом **наи-** (*allermoralischste Wissenschaft* — наиморальнейшая из наук) и другими усиливательными компонентами — обычно сложными прилагательными, которые выражают более яркое проявление признака. Некоторые лингвисты признают в русском языке наличие определенной группы сложных качественных прилагательных, в которых первый компонент выполняет роль усиливателя качества, выраженного вторым компонентом: пронзительно-звонкие голоса, ярко-красный, аспидно-черный, густо-зеленый⁷. Сложные прилагательные данного типа часто используются как эквиваленты усиливательных прилагательных немецкого текста.

Производные прилагательные с усиливательными префиксами *irg-*, *un-*, *ultra-*, *super-* играют менее значительную роль для выражения высокой степени признака. Их эквиваленты в русском переводе: а) производные прилагательные: *alte Industrien* — исконные национальные отрасли; *ungeheure Erfolge* — необыкновенный успех; б) сложные прилагательные: *ultrazüchtiger Freiligrath* — благопристойный в поэзии Фрейлиграт; *urschweizerische Demokratie* (*Tapferkeit*) — древнешвейцарская демократия (храбрость).

Сравнительная степень прилагательного немецкого оригинала в некоторых случаях служит для выражения высшей степени признака, например: *Die Bourgeoisie hat ... massenhafte und kolossalere Produktionskräfte geschaffen, als alle vergangenen Generationen zusammen.* (Manifest der kommunistischen Partei. S. 32). Буржуазия создала ... **более многочисленные и более грандиозные** производительные силы, чем все предшествовавшие поколения вместе взятые. (Манифест коммунистической партии, стр. 37). В переводе на русский язык эквивалентом является также сравнительная степень прилагательного, в усиливательном значении, что в

данном случае обусловлено наличием сравнения: **чем все... поколения, вместе взятые.**

Сравнительная степень может быть синонимом элата при наличии в эталоне прилагательного в превосходной степени, а также при наличии отрицания, которое показывает, что более высокой степени качества быть не может⁸. Приведем примеры: ... und das lumpigste Verschen, das sie fabrizieren, ist ihnen *wichtiger* als das *kolossalste* historische *Ereignis*. (S. 419). ... и какой-нибудь дрянной, сфабрикованный ими стишок для них **важнее самого большого мирового события**. (Ф. Энгельс — госпоже Маркс, т. 2, стр. 333). Die ehrliche Niederträchtigkeit oder niederträchtige Ehrlichkeit... steht mir *keinen Deut höher* als die achtungslose Niedertracht... (К. Марх an Freiligrath) — Репспекtabельную подлость или подлую респекtabельность ... я не ставлю **ни на грош выше** нереспекtabельной подлости. (Т. 2, стр. 345).

В некоторых случаях сравнительная степень прилагательного переведена на русский язык формой превосходной степени; например: höherer Sinn des Wortes — высшее значение слова; das bessere Gefühl der Nation — лучшие чувства нации; ... dann, daß Herr Vogt ein hündische-infame Verleumder ist, wenn er die bis November 1852 existierende Kommunistengesellschaft mit *mehr als* Telleringschem Dreck überwirft (К. Маях an Freiligrath, S. 426) — ...Затем, что г. Фогт — гнуснейший клеветник, поскольку он забрызгивает существовавшее до 1852 г. общество коммунистов худшей грязью, чем забрызгивал это общество Теллеринг. (К. Маркс — Ф. Фрейлиграту, т. 2, стр. 342).

Сравнительная степень может выражать значение нарастания качества; в этих случаях она выступает вне сравнения и передается на русский язык обычно формой сравнительной степени, например: ein täglich größeres Bedürfnis — с каждым днем все более наущенная потребность; ... Aber sie ersteht immer wieder, *stärker, fester, mächtiger*. (Manifest, 38). — И она возникает снова и снова, становясь каждый раз **сильнее, крепче, могущественнее**. (Манифест ком. партии, стр. 43). В данном предложении нарастание качества выражено не только сравнительной степенью прилагательного, но и перечислением прилагательных и порядком их следования. Ведущим

значением сравнительной степени является значение сравнения качества или степени признака двух предметов.

В разговорной речи и художественной литературе в сопоставляемых языках используются несколько структурных разновидностей повторения качественных прилагательных для выражения безотносительной предельно высокой степени качества или меры качества в оценке говорящего. В немецком тексте такого рода примеры встретились в трех случаях. В переводе на русский язык их эквивалентами также являются повторения (*eine wirklich moralische Wissenschaft die allermoralischste Wissenschaft* — действительно моральная наука, наиморальнейшая из наук; *sehr, sehr schlecht* — очень, очень плохие) и словосочетание (*deinen so lieben, lieben Brief* — бесконечно дорогое для меня письмо). В русском языке повторение распространено гораздо больше, чем в немецком языке⁹.

Количественный анализ использования средств усиления качества в немецком тексте и их эквивалентов в переводе представлен в таблице на стр. 142.

Итак, в исследованных произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса основным средством для выражения усиления качества и признака выступает превосходная степень прилагательного — 40% (338 случаев из 845), которая имеет, в основном, значение элатива. Центр тяжести переносится на усилительно-эмфатическую функцию с целью использования превосходной степени в качестве выразительного стилистического средства. Произведения классиков марксизма выдержаны в научно-публицистическом стиле, которому эмоциональность, как правило, не присуща, однако в них выражено также и отношение авторов к описываемым событиям, явлениям общественной жизни и к своим современникам. Для выражения сочувствия, восхищения, негодования, презрения, ненависти преимущественно используется превосходная степень прилагательного.

Важную роль для выражения усиленного качества или признака играют, далее, лексические средства (33% от общего числа), а именно — словосочетания и, прежде всего, адъективные сочетания с усилительным компонентом — наречием меры и степени. Экспрессивно-оценочные оттенки особенно подчеркиваются использованием

Оригинал	слово-сочетания	Перевод									всего	
		прев. ст.	сравн. ст.	произв.	прилагательное	с усилит. префикс.	непройз.	сложное	сравнение	глагол	повторение	существит.
Превосходн. степень	адъект. 29 субстан. 13 вербальн. 3	249		29	5	7				3	338	
Словосочет.	адъект. 198											
адъект. 244	субстан. 30	7	1	9	1	4	8	1	1		270	
субстант. 26	вербальн. 10											
Сравнение								9			9	
Повтор. сл.	адъект. 1								2		3	
Усилительн. прилагат.	адъект. 29 субстан. 13 вербальн. 2	18		46	7	3	76	5			194	
Сравн. степ.	адъект. 10	4	6								20	
Произв. прил. с усилит. префиксом				6				5			11	

наречий в превосходной степени или усилительных наречий в качестве компонента-интенсификатора (*äußerst vorsichtig, himmelweit verschieden*). Субстантивные словосочетания отмечаются значительно реже, их усилительным компонентом обычно являются прилагательные, согласующиеся с абстрактным именем существительным (*tödliche Feindschaft*), и лишь в трех случаях — наречие с существительным (фразеологические сочетания: *sehr Wurst, durchaus Wurst*).

Третье место занимают словообразовательные средства (24,3%), из них больше всего — усилительные прилагательные (23%) и очень редко — производные прилагательные с усилительными префиксами (1,3%). Это свидетельствует о широком распространении сложных усилительных прилагательных немецкого языка для выражения предельно высокой степени качества или признака и о незначительной роли усилительных префиксов.

В рамках научно-публицистического стиля исследуемых произведений вполне обусловленным является частое использование прилагательного *allgemein* — всеобщий, общий в сочетании с абстрактными существительными (всего 90 случаев). Часто употребляются усилительные прилагательные с *aller-* и в единичных случаях встречаются другие усилительные компоненты (существительные и прилагательные). В переписке К. Маркса и Ф. Энгельса отмечены усилительные прилагательные нейтральной, высокой и разговорно-грубой стилевой окраски (сравним: *honigglatter Pfaffenfluch, überselig, hochwichtig* и *kreuzfidel* — о Г. Кинкеле, *saugrob* — о письме Фрейлиграта Либкнехту).

В русском переводе наблюдается соответствие указанных средств для выражения усиления степени качества и признака, а именно: форме превосходной степени оригинала соответствует превосходная степень прилагательного в переводе (из 338—249), словосочетаниям в переводе соответствуют словосочетания (из 270—238), сложным усилительным прилагательным — сложные прилагательные русского языка (из 194 — 76). Это обстоятельство свидетельствует о наличии в сопоставляемых языках определенного сходства в способах выражения усиления. Однако при анализе общего итога по материалам таблицы можно видеть, что в русском переводе преобладающее место в выражении усиления занимают лек-

сические средства (словосочетания и сравнения) — 41% от общего числа, второе место — превосходная степень прилагательного — 33%, третье — словообразовательные средства — 23%, из них производные прилагательные — 12%, сложные — 11%. Различия между двумя языками в способах выражения усиления проявляются, прежде всего, в более широком использовании словосочетаний в русском языке. Из словообразовательных средств здесь чаще используется аффиксация, а в немецком языке — словосложение.

Сопоставление средств выражения наивысшей степени качества и признака в немецком языке и их эквивалентов в русском переводе можно использовать как иллюстрацию общетеоретического лингвистического положения о взаимной дополнительности языковых средств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1974, стр. 251.

² Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., «Просвещение», 1969, стр. 121.

³ Н. И. Филичева. О словосочетаниях в современном немецком языке. М., «Высшая школа», 1969, стр. 71.

⁴ К. Марх. Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. 3. Bd., М.—Л., 1933; К. Маркс. Капитал. Критика политической экономии. т. 3, ч. 1, 2. Под редакцией Ф. Энгельса. Вступительное слово, 1970; К. Марх, F. Engels. Über Kunst und Literatur. Berlin, Hinschelverlag, 1953; К. Маркс, Ф. Энгельс об искусстве. М., «Искусство» 1957, т. 1, 2; К. Марх, F. Engels. Manifest der kommunistischen Partei. Leipzig, Philipp Reclam; К. Маркс, Ф. Энгельс. Манифест коммунистической партии. М., Политиздат, 1971.

⁵ А. Я. Мюллер. Элатив и его синонимы в немецком языке. АКД, Львов, 1963, стр. 9. Ср. И. А. Жаворонкова. Выражение высокой степени качества в современном немецком языке. АКД. Ярославль. 1968.

⁶ Значения прилагательного *allgemein* — общий; простой, обыкновенный; низкий, подлый, пошлый. Второе и третье значения развились позднее на основе первого значения, ср. *mit j-m nichts gemein haben*. О. И. Москальская. Большой немецко-русский словарь. М., «Советская энциклопедия», 1969, стр. 534 Н. Райль. DWB. Halle (Saale), 1959, S. 230.

⁷ А. Ф. Ефремов. Приемы сложения прилагательных в языке В. Г. Белинского. Материалы XXII научн. конф. Саратовского педагогического института, 1961; А. И. Кайдалова. Лексико-грамматическая характеристика сложных прилагательных. АКД, М., 1970 Г. Н. Самарина. О лексико-грамматических значениях слож-

ных прилагательных. Исследования по лексикологии и словообразованию. Красноярск, 1970, стр. 98.

⁸ Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. Указ. соч. стр. 121.

⁹ А. Е. Киселев. Лексическое повторение как грамматическое средство русского языка. АКД, М., 1954, стр. 13; Л. Г. Кортаева. Лексико-грамматическая категория интенсивности призыва или действия. Моск. гос. заочный пединститут. Уч. записки, вып. 34, М., 1971, стр. 144.

В. В. ЛЕБЕДЕВ

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ НЕТРАНСЛИТЕРИРОВАННОЙ НЕМЕЦКОЙ ЛЕКСИКИ В ПИСЬМАХ В. И. ЛЕНИНА

Произведения В. И. Ленина, наряду с работами К. Маркса и Ф. Энгельса, занимают выдающееся место в мировой литературе как по силе своего воздействия на широкие народные массы, так и по глубине, яркости и блеску изложения¹. Поэтому литературное творчество В. И. Ленина давно привлекало к себе внимание литератороведов и лингвистов. Согласно данным библиографического справочника «Ленин и язык»², в Советском Союзе с 1924 года по 1969 г. вышло из печати 370 газетных и журнальных статей, брошюр, книг, посвященных языку и стилю его произведений. Библиографический указатель «В. И. Ленин о языке. Язык и стиль произведений В. И. Ленина»³ содержит названия 230 работ, написанных в нашей стране на русском языке в 1924—1970 гг.

Несмотря на такое большое количество проведенных исследований языка и стиля произведений В. И. Ленина, недостаточно изученным, на наш взгляд, остается вопрос об использовании Лениным нетранслитерированной⁴ иноязычной лексики⁵.

Настоящая статья посвящена изучению употребления нетранслитерированных иноязычных элементов в русском контексте деловых и частных писем Ленина. На наш взгляд, данная форма письменной речи наиболее близка к разговорной благодаря более свободному отбору слов, их эмоциональной окраске, простоте синтаксических конструкций, что создает благоприятные условия для включения в русский контекст иноязычной лексики, в том числе и нетранслитерированной. Таким образом, эпистолярный жанр дает наиболее богатый материал для нашего исследования, что подтверждается результатами проведенного нами анализа. Так, например, в 55-м томе Пол-

ного собрания сочинений В. И. Ленина (5-е изд.), содержащем 273 письма и телеграммы Ленина к родным, на 378 страницах встречается около 500 отдельных слов, словосочетаний и целых предложений на иностранных языках в соответствующей иноязычной орфографии.

Нами исследовались только немецкие слова и выражения. Немецким языком Ленин владел лучше, чем любым другим из известных ему иностранных языков, так как в эмиграции он жил преимущественно среди населения, для которого этот язык был родным. Вполне понятно, что нетранслитерированные немецкие элементы встречаются в его письмах чаще других нетранслитерированных иноязычных элементов, охватывая весь круг интересующих нас явлений, а это дает возможность ограничиться только их изучением.

В пятом издании Полного собрания сочинений В. И. Ленина переписка составляет десять томов (с 46-го по 55-й). В русском контексте мы обнаружили здесь около 800 различных по своей структуре немецких языковых единиц: примерно 55 % из них составляют отдельные слова, до 30 % — словосочетания и приблизительно 15 % — предложения и группы предложений.

В контексте представлены простые, производные и сложные слова: *also* (46, 151)⁶, *Gruß!* (50, 135), *etwa* (53, 76), *wild* (46, 215), *Bedenken* (46, 174), *praktisch* (46, 21), *regelmäßig* (55, 209), *Heimweh* (55, 43), *Arbeiterkurie* (48, 108), *Stellungnahme* (49, 228), *Weltpolitik* (53, 190), *entgegenarbeiten* (47, 148).

Неоднородны по своему составу и словосочетания. Здесь можно выделить:

1) свободные словосочетания: Здесь есть какой-то *künstliche Eisbahn* ... (55, 195). Я обязан на этот *elenden Altweiberklatsch* констатировать точный факт ... (54, 363). ... Высвободить все и всяческие *fortschrittliche Strömungen* из-под хлама народничества и аграриерства... (46, 20).

2) застывшие обороты: а) парные слова: *Tür und Thor* (54, 364); *Holz und Kohle* (55, 201), *im Großen und Ganzen* (46, 292), б) идиомы: Ваша электрофикация *in allen Ehren!* (52, 128). Надо «выдумать» организацию — без этого *es geht nicht* (46, 95). Надо обсудить, чтобы не вышло *des Guten zuviel* (46, 261). в) пословицы и поговорки, крылатые слова: *Kann und muß ist zweierlei.* (54,

474), Mädchen für alle (49, 91), königlich preußischer Sozialismus (48, 234).

В русском контексте имеется несколько немецких аббревиатур и сокращений: и SDP и USP—Leute (53, 75), vgl. (54, 366), P.S.D. (49, 321), u.s.w. (50, 103).

Среди немецких предложений встречаются:

1) простые двусоставные (распространенные и не-распространенные): Ich gratuliere! (46, 346). Sie vergessen das!!! (54, 474). Wir nehmen auch Abschlagszahlung! (44, 385). Diese Schrift gelangt jetzt in Chemnitz zur Verteilung an die Delegierte der Partei (54, 366).

2) простые односоставные (именные и глагольные): Berlin, den 10. August 95 (55, 11). Bereit sein!! (50, 201). Liebe Freunde!! (49, 183). Werter Genosse! Посылаю Вам книгу Гайдмана. (48, 42).

3) эллиптические: Разве ссылка на Longuet-Pressemanne менее полемична, чем ссылка на Чхеидзе? Begründung? (49, 167). ... верно! ist getan! (54, 478). Beste Grüsse an Ihre Familie und an alle Freunde in Zürich. Ihr Lenin. (49, 65).

4) вводные (в составе предложений, написанных на русском языке): Он знает и думает (was sehr selten ist unter den Revolutionären). (52, 272).

5) простые самостоятельные предложения в составе русского сложносочиненного или сложносочиненные, в которых ряд членов заменены русскими словами: ...Es ist eine alte Geschichte, но для нас, русских эмигрантов, ist sie leider gar nicht «ней». (54, 363).

6) придаточные предложения в составе русских сложноподчиненных предложений: Итак, если Grimm macht das ohne Absicht, — тогда дело просто: Grimm должен написать в ЦК ... (49, 81).

7) группы простых предложений: Вы пишите, что «Grimm macht das (= обход ЦК?) ohne Absicht»... Гм, гм! Es scheint mir wenig glaubhaft zu sein. Ist Grimm wirklich ein Kind? Nach zwei Konferenzen in Bern?? (49, 80).

Сложноподчиненных предложений на немецком языке нами в письмах Ленина обнаружено не было, за исключением тех случаев, когда цитируются чужие высказывания.

Немецкая лексика также неоднородна и с точки зрения сферы ее употребления, экспрессивно-стилистической

окрашенности слов, их семантики. Анализ позволяет выделить несколько основных лексических разрядов:

1) Собственные имена (имена, отчества, фамилии) иностранных и русских политических деятелей, авторов статей, книг, брошюр и т. п. Fröhlich и др. провалятся (я ручаюсь за это), если будут жить в Берне (49, 92). Председательствовал Münzenberg. (49, 323).

2) Партийные клички и псевдонимы русских политических деятелей, их прозвища. Благодаря беседе с Arzt'ом⁷ мне уяснилось (хотя и приблизительно) очень многое... (55, 24). В этом отношении и Inogrodzew⁸, по-моему, неудачно формулировал ... (46, 21). Жму руку Peterhoff⁹ (46, 56).

3) Названия книг, статей, газет, журналов и т. п. Можете прислать мне № «Berliner Tagewacht» со статьей K. R. «Ein ausgespieltes Lied». (49, 223). Во «Frankfurter Zeitung» читал очень интересный отчет о Штутгартском Parteitag'e. (55, 110).

4) Географические имена — названия местностей, гор, рек, городов, улиц, площадей, парков и т. п. Я постараюсь приехать прямо в Kiental ... (49, 219). Устроился я здесь недурно: в нескольких шагах от меня Tiergarten... (55, 11). Юрию послал вчера открытку на Friedrichstraße... (49, 84). ... попробуйте выручить мою библиотеку из Poronin (Galizien)... (50, 204).

5) Адреса: Absender: Uljanow. Poronin. (48, 210). P.R.I. Postlagernd. Postamt 100. Luisenstr. 6. Berlin. (55, 220). Мы остаемся в Берне. Адрес: Donnerbühlweg 11a. Uljanow. (49, 5).

6) Название государственных, партийных, культурных и научных учреждений, спортивных сооружений, магазинов и т. п. Занимаюсь по-прежнему в Königliche Bibliothek... (55, 12). Если бываете в Stadtbibliothek, — общите каталоги получше... (49, 80). ... уеду в 9 ч. 34 Abends с Friedrichstraßebahnhof. (48, 247). После инфлюэнцы мы с женой первый раз гуляем по той дороге в ... Frauen—Kapellen... (49, 174). ... а если пойдете мимо Kaiser'a, то спросите образчики больших конвертов ... (49, 79). ... надо заранее обращаться в Wohnungsausschü... (48, 86). Почему они не шлют нам копии с их бумаг в Internationale Sozialistische Komission? (49, 201).

7) Общественно-политическая, научно - техническая,

военная терминология и профессионализмы: *Kaltstellung* (49, 20), *Staatenbau* (49, 370), *Entwaffnungsfrage* 49, 332), *Abrüstung*, *Volkswehr* (47, 267), *Vorgeschichte* (49, 139), *Parteivorstandssitzung* (49, 338), *Burgfrieden* (49, 61), *Zentrumsleute* (49, 383), *Maßstab* (54, 365), *Erweiterte Komission*, *Leitsätze* (49, 221).

8) Лексика, присущая стилю официально-деловой речи: *Freie Exemplare* (49, 255), *Aufenthaltsbewilligung*, *Toleranzbewilligung* (49, 218), *Selbstanzeige* (48, 288), *Legitimationen* (49, 2), *Bahnhofpostlagernd*, *postlagernd* (46, 61), *Grenzkarte* (46, 116).

9) Слова и выражения, присущие стилю частных писем и корреспонденций: *Werte Genossin!* (47, 180). *Auf Wiedersehen!* (49, 213). *Für Alexander* (49, 23). *Mit besten Grüßen Ihr Lenin* (50, 195).

10) Бытовая и обиходная лексика: И дома здесь совершенно не приспособлены к большим холодам,... очень часто даже нет *Winterfenster*. (55, 200). Здесь уже *Weihnachten* — всюду *Christbäume* ... (55, 197). Очень жаль, что наш секретарь *übergarbeite* ... (46, 69).

С точки зрения установившейся практики употребления иноязычных элементов в русской письменной речи всю вышеперечисленную лексику можно подразделить на две группы: 1) слова и выражения, обычно подвергающиеся транслитерации; 2) слова и выражения, не подвергающиеся транслитерации, а подлежащие переводу. К первой группе относятся имена собственные, названия газет, журналов, географические имена — названия местностей, гор, рек, городов, улиц, площадей, парков, названия государственных, партийных, культурных и научных учреждений, спортивных сооружений, магазинов, отелей. Во вторую группу входят названия книг, статей, терминология и профессионализмы, слова и выражения, присущие стилю официально-деловой речи, стилю частных писем и корреспонденций, бытовая и обиходная лексика.

Следует сказать, что такого подхода к иноязычной лексике придерживаются при переводе с одного языка на другой, а в оригинальных произведениях, написанных на русском языке, нередко встречаются транслитерированные слова и выражения из других языков, которые обычно подлежат переводу:

«Из кабину вышли немецкий полковник в опрятном

мундире и капитан авиации с автоматом через плечо. Они отдали честь, полковник произнес: — Гутен таг, камараден». (С. А. Ваупшасов. На тревожных перекрестках. Записки чекиста. Политиздат, М., 1971, стр. 372).

В то же время в некоторых случаях переводятся названия газет, журналов, географические имена, а при передаче слов, обозначающих реалии общественной жизни и материального быта, прибегают как к переводу, так и к транслитерации — многое здесь зависит от мастерства писателя¹⁰.

Кроме того, как показывают приведенные нами примеры, любая иноязычная лексика может быть представлена в русском контексте и в своей собственной орографии¹¹.

В настоящей статье мы не ставим перед собой задачу исследовать все формы употребления иноязычной лексики в письмах Ленина, а ограничиваемся изучением более узкого вопроса: хотим выяснить причины употребления только нетранслитерированной иноязычной лексики и способы включения ее в русский контекст.

Наличие в письмах Ленина довольно значительного количества нетранслитерированных иноязычных элементов¹² ставит перед нами вопрос о причинах их употребления. Как известно, Ленин был против засорения русского языка излишними, ненужными иноязычными элементами¹³. Однако ошибочно было бы считать, что Ленин был принципиальным противником каких бы то ни было заимствований из других языков. По мнению профессора А. Г. Цейтлина, Ленин «избегал ненужных иностранных слов, но не иностранных слов как таковых. Обращение Ленина к западноевропейской речи было прежде всего обращением к научной терминологии, характеризующей те или иные процессы политической деятельности». В противном случае он «неизбежно скатился бы к неуклюжему пользованию варваризмами». Употребление Лениным иностранных слов, как считает Цейтлин, обусловлено и его конкретными возможностями — знакомство с иностранными языками, свободой в оперировании ими¹⁴.

Присоединяясь к мнению профессора Цейтлина о причинах употребления Лениным иностранных слов, мы полагаем, что использование Лениным нетранслитерированных иноязычных элементов вызвано причинами

как экстравалингвистического, так и лингвистического характера.

Прежде всего, сама окружающая обстановка, условия жизни и революционной деятельности в России и за границей побуждали Ленина прибегать к использованию немецкой лексики. Так, например, написание фамилий малоизвестных авторов и политических деятелей в немецком графическом оформлении позволяет корреспонденту, знающему немецкий язык, точно понять, о ком идет речь, и воспринимается лучше в этом графическом оформлении. Otto Rühle — депутат, высказался в *Vorwärts* прямо за раскол. —49, 186).

К приему транслитерации или транскрипции Ленин прибегал тогда, когда речь шла о лицах, широко известных или знакомых корреспонденту.

Очень интересны теперь прения в Германии о книге Бериштейна ... (55, 162). Как статья молодого Адлера? (46, 73).

В ряде случаев Ленин уточняет транслитерированное имя собственное написанием его в скобках по-немецки. Штрассер (Josef Strasser), может быть, поможет их найти... (50, 204).

Нетранслитерированное употребление имен и фамилий, географических названий диктовалось также либо требованиями оформления почтовой корреспонденции, либо объяснялось желанием облегчить поиски адресата.

На всякий случай повторяю свой адрес: Berlin, Moabit, Flensburgerstrasse, 12 (bei Frau Kürreik). Herrn W. Uljanow. (55, 11). Ваша мать должна послать Вам деньги, ... с тем чтобы эти деньги были выплачены здесь г-же Довше Шкловской (Falkenweg, Bern). (49, 4).

Если речь идет о малоизвестном населенном пункте, городском районе и т. п., его название приводится на немецком языке.

Через Schüpfheim это вполне возможно (спуск в 20 мин. до Flühli!!). (49, 87).

Нетранслитерированное написание названий книг, статей, газет, журналов также объясняется стремлением точно указать название работы или сослаться на цитируемый источник, учитывая, что перевода этих произведений либо нет совсем, либо он мало известен, либо его название не совпадает с оригиналом.

В Берлине выходят издания «Lichtstrahlen» антишовинистического настроения. (55, 358). И, наконец, почему ни слова не говорите об Энгельсовском «Капп Европа abrüsten?» (47, 267).

В некоторых случаях переведенное на русский язык название сопровождается данным в скобках немецким эквивалентом.

У немцев есть образцовый журнал оппортунистов «Социалистический ежемесячник» («Sozialistische Monatshefte»). (48, 13).

Транслитерации подвергаются только хорошо известные адресату периодические издания.

Присылайте «Arbeiterpolitik», штутгартский «Социал-Демократ»... (50, 81). За «Ауфбау» тоже спасибо (54, 276).

Названия переведенных на немецкий язык работ русских авторов приводятся также на немецком языке, чтобы сразу же было ясно, что речь идет о переводе, а не об оригинале.

Надеюсь, «Staat und Revolution» послали в Берлин? (50, 202).

Большое количество специальной лексики, связанной с историей революционного рабочего движения, а также терминов политэкономии, философии и других общественных наук проникло в Россию через Германию вместе с идеями марксизма. Часть этих слов и выражений в конце XIX и начале XX вв. не имела еще русских эквивалентов. Поэтому В. И. Ленин вынужден был приводить их в своих письмах на немецком языке.

... Цитаты из Theorien über Mehrwert¹⁵ в пользу национализации я уже привел в одной своей работе... (47, 230).

Ряд явлений в общественно-экономической и политической жизни Германии ие имел себе параллелей в России, и Ленин передавал соответствующие понятия с помощью немецкой лексики.

Среди русских большевиков, взятых Германией в плен (Zivilgefange) ¹⁶, был Попов из Брюсселя... (50, 88).

Употребление отдельных слов, словосочетаний, предложений и других синтаксических конструкций на немецком языке преследует цель точно передать чужое высказывание во избежание разночтения.

Читатель может судить из этих фактов, много ли правды в хвастливых словах Розы Люксембург, будто поляки «mit starker Faust die liquidatorische Richtung in Rußland niederzuhalten geholfen haben». (54, 364).

Употребление немецкой лексики диктовалось иногда условиями конспирации. Об этом свидетельствует, на наш взгляд, письмо к Сталину от 16 декабря 1912 года, где таким образом зашифровывается название газеты «Правда»:

Ради всего святого, примите самые энергичные меры, чтобы отнять W. у Красса... (48, 127).

В некоторых письмах немецкие языковые единицы использованы для более четкого, ясного выражения мысли, для передачи всех нюансов высказывания.

... по чьему Fahrplan? (54, 473).

Иногда их употребление может быть объяснено степенью владения немецким языком как автора письма, так и его корреспондента, когда в целях экономии сил и времени можно воспользоваться первым подходящим для выражения данной мысли словом, независимо от его принадлежности к родному или иностранному языку.

Может быть, Вы напишите особым путем? или намекнете (sehr bald)? (49, 96). Ведь это просто спекуляция на Ratlosigkeit... (46, 27).

Следует указать на то, что письма, содержащие немецкую лексику, адресованы только лицам, владеющим немецким языком (А. А. Иоффе, И. Ф. Арманд, Н. К. Крупской, А. В. Луначарскому и др.).

Таким образом, причины экстралингвистического характера вызывают появление в русском контексте нетранслитерированных немецких слов и выражений, относящихся к любому лексическому разряду, вне зависимости от возможности их транслитерации.

Употребление нетранслитерированных немецких элементов объясняется также, как показывает анализ, и стилистическими (лингвистическими) причинами.

Ленин использовал знание иностранных языков в борьбе со своими политическими противниками. Употребленные в качестве метафор немецкие слова и выражения помогают ему создать ряд запоминающихся отрицательных образов этих политических деятелей.

Так, например, лидер немецких социал-демократов

К. Каутский получил, как известно, от В. И. Ленина кличку «Флюгер». Образ человека-флюгера, послушно поворачивающегося навстречу желаниям власти имущих, был настолько выразителен, что кличка эта осталась за Каутским навсегда. Создать такой образ помогло немецкое слово *Drehscheibe*.

Не ясно ли, что ОК будет с *Drehscheibe-Kautsky*..? (49, 82). Флюгер (*Drehscheibe*) — Каутский и КО хотят теперь «заглушить» начинающееся революционное брожение. (49, 83).

Верхушку польских социал-демократов Ленин клеймил словом «*Intriganenführer*», образовав его по модели «*Wortführer*».

А среди пресловутых «польских «*Wortführer*» играли всегда преобладающую роль такие заведомые «*Intriganenführer*», как Тышка... (54, 363).

Образуя новые немецкие слова по существующим моделям, Ленин создал ряд уничтожающих характеристик на представителей оппортунизма в революционном движении.

Наша *Struvenfreundliche Partei* отвергла этот конец большинством $2\frac{3}{4}$ голосов против $1\frac{1}{4}$... (46, 24). «Ужасного» ровно ничего, а стеснение *Zickzackkurs'a* было необходимо ... (46, 294).

Ленин видел главную задачу публицистики в том, чтобы писать историю современности в «рельефной, лаконической, красивой форме» (2, 251). В своих письмах он использует большое количество ярких, образных, запоминающихся эпитетов. Иногда наиболее метким выражением оказывается немецкое слово.

Вреднейший путаник, тем более опасный, что путает «с важностью», «*superklug*». (54, 132). Вот в чем гвоздь всего дела, вот что старается *wegzuschwätzen* наша *illustre Rоза!* (54, 362).

Когда замечания в адрес противника носят очень резкий характер, Ленин пользуется приемом эвфемизма: заменяет русское слово немецким, которое при всей своей эмоциональности не воспринимается русским читателем как бранное слово.

Когда-то мы избавимся от опеки этих *Dreck-Genoss'*ов?! (46, 90).

Иначе твои обвинения — пустой *Parteiklatsch* в счет будущего. (46, 302).

В отдельных случаях употребление немецкой терминологии и профессионализмов помогают автору выразить свое отношение к данному явлению, т. е. термин выполняет стилистическую функцию.

Кадеты уже стали *regierungsfähig*, уже влезли на второй этаж свободы собраний (ценой опошления собраний), на этаж квазипатриотизма. (47, 87). Насчет *Blitzableiter'a* очень бы хотелось побеседовать поподробнее и пообстоятельнее. (46, 32).

Немецкие лексемы Ленин использовал и для того, чтобы уточнить, подчеркнуть свою мысль.

Эту часть вы (все вы) должны решить сами, должны не в смысле *sollen*, а в смысле *müssen*. (46, 287). Поляки назвали тогда эту брошюру «*Stinkbombe*», даже (*sogar*, а не *selbst*) Каутский назвал ее «*abscheulich*». (54, 362).

Немецкие поговорки, пословицы, бытовая и обиходная лексика, реалии, вводимые в русский контекст без их транслитерации и перевода, ярко и образно передают национальный колорит страны. При этом употребление некоторых слов носит явно шутливый характер; автор метко подмечает простые человеческие слабости, беззлобно подсмеивается над ними, добродушно шутит над порядками, обычаями, привычками местных жителей, их манерой одеваться и т. п.

Погода стоит здесь теплая, вроде нашей августовской, — даже в летнем пальто жарко (положим, зато *von unten warm angezogen*, в заграничных фуфайках). (55, 225). ... Хорошо бы знать, какие условия в *Hütten* (*Cabanes*) — домишкы на горах с кроватями ... (49, 79). У нас в отеле (*Hotel Marienthal*) есть телефон... (49, 82). Здесь холод, *furchtbare Kälte* считают, когда —8—10° R... (55, 200). Нобе писал мне, что уехал на *Ferien* недалеко от меня ... (49, 284). ... И двинулись на целый день *ins Grüne* в воскресенье... (55, 231).

Итак, стилистическими причинами объясняется употребление в нетранслитерированном виде в основном тех слов лексики, которые обычно подлежат переводу.

Иноязычные элементы в русском тексте писем воспринимаются как вполне естественный компонент всего синтаксического построения. Такое органическое единство контекста достигается рядом приемов.

1. Синтаксический строй русского предложения не

нарушаются из-за введения в него немецких языковых единиц. По своему синтаксическому рисунку оно ничем не отличается от обычных русских предложений данного типа. Немецкая языковая единица может стоять в любом месте предложения и функционировать как любой его член или как его вводная часть. Однако употребление иностранного слова в русском предложении (да еще в необычной для русского языка орфографии) выделяет его среди русских слов и заставляет нести дополнительную смысловую и стилистическую нагрузку.

Берлинские *Sehenswürdigkeiten* посещают очень лениво ... (55, 12). Оказывается 5.IX будет не *Vorkonferenz*, а самая конференция. (49, 128). Партия (т. е. *Parteivorstand*) только завтра (7.1.) решает, отложить съезд или нет. (49, 352). Сие все *vertraulich*. (49, 96).

2. Немаловажное значение приобретают вопросы согласования и управления частей речи, играющих, как известно, большую роль в обоих языках. В. И. Ленин решает их несколькими путями:

а) путем прибавления к немецкому существительному русского окончания через апостроф.

... Вы становитесь *Handlanger*'ом Пуришкевичей и их национализма! (48, 302). Рюле в «*Vorwärts'e*» 12/I 1916 открыто высказался за раскол партии. (49, 207).

Следует отметить, что часть немецких существительных получают русские падежные окончания, не соответствующие ни их грамматическому, ни их физиологическому роду.

Но лучше, пожалуй, послать *Schwester*'у ... (55, 27). ... Письмо к ней от *Schwester*'а послано недавно... (55, 27). *Schwester* уже потом нашла твое письмо ... (55, 27).

Как показывают примеры, в данном случае причину следует искать в том, что в русском языке все существительные на твердую согласную относятся к мужскому роду и склоняются по второму склонению (клен, порог, полотер, шофер).

б) путем употребления немецких флексий, артиклей или других показателей рода, числа, падежа существительного.

Это будет, конечно, громадной потерей для всех *Genossen*... (46, 30). Рассказы *des polnischen «Partei» vorstandes* о русской партии еще менее заслуживают доверия... (54, 366). Она намекает на шаткость *der «taktischen*

schens» Ideen тов. Радека. (54, 363). Gründliche Auseinandersetzung, конечно, нужна... (46, 32).

в) путем употребления русских частей речи в качестве родовых, падежных и числовых показателей немецкого существительного, взятого в исходной форме (им. падеж, ед. число).

На деле поляки гораздо больше мешали своими интригами борьбе с этой «Richtung». (54, 365). Была уже 1-я Vorkonferenz и на носу 2-я, решающая (49, 94). Плеханов пользовался частными письмами в своем Vademecum... (46, 403).

Часть немецких существительных меняет при этом свой грамматический род под влиянием соответствующих русских эквивалентов.

В мотивировке же действительно следовало бы по-резче выставить Klassencharakter того Bewegung, о котором говорит автор... (46, 19). Нам... важнее всего ясное, полное, точное Prinzipialerklärung. (49, 115). Попросите В. М. перевести все Vorbemerkung... (46, 291).

г) немецкие существительные употребляются без артикля, заменяющих его частей речи и формообразующих морфем, но в той же форме, в которой они употребляются и в немецком контексте при соответствующей дистрибуции.

Теперь хотел бы добавить, что я прочел здесь № 1 Ergänzungsheft к «Neue Zeit»... (55, 246). Были ли в «Volksrecht» статьи Радека против Entwaffnung? (49, 284).

д) прилагательные и причастия употребляются в полной форме в роли определения как к немецким, так и к русским существительным.

Дело, ясно, сводится к тому, чтобы тот же Троцкий, Бунд, латыши или кавказцы получили деньги от имени angeblichen «организаций»... (48, 91). С Виконтом у нас будут все равно vertrauliche беседы (46, 228).

е) в роли обстоятельств, предикативов прилагательные и причастия выступают в краткой форме:

... я себя чувствую гораздо менее überarbeitet, чем прежде. (55, 230). Там же признано, что Скалдин liberalkonservativ ... (46, 19).

ж) инфинитив глагола может выступать, как и в немецком языке, в сложных временных формах, роль вспомогательного глагола выполняется русским глаголом.

... ради открытого письма к Каутскому о том, кто кого будет begraben? (46, 32).

* * *

На основании вышеизложенного представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Нетранслитерированные немецкие элементы находят в письмах В. И. Ленина широкое применение. В письмах представлены все основные языковые единицы современного немецкого языка: от отдельных слов до групп предложений. В нетранслитерированном виде употребляются слова и выражения, относящиеся ко всем основным лексическим разрядам, независимо от того, подвергаются ли они обычно транслитерации или переводу при передаче с одного языка на другой.

2. Такое широкое употребление Лениным немецкой лексики вызывалось, прежде всего, условиями его жизни и революционной деятельности в России и за границей, необходимостью пользоваться обширной научной и политической литературой на немецком языке и вести полемику с политическими противниками, многие из которых были немцами по национальности или жили в Германии или Швейцарии.

3. Анализ языка писем дает основание говорить о стилистических особенностях употребления в них немецкой лексики.

Свободное владение немецким языком позволяло В. И. Ленину использовать немецкие языковые единицы как для уточнения, дополнения и развития своих мыслей, создания специфического национального колорита при описании жизни за рубежом, так и в качестве стилистических средств выражения. Находясь в русской словарной дистрибуции, немецкие слова и выражения приобретают дополнительную эмоциональную окраску и помогают автору создавать образы, насыщенные глубокой иронией, переходящей иногда в сарказм. Создаваемая с их помощью характеристика лиц и событий приобретает особую политическую остроту.

4. Немецкая лексика не ощущается в русском контексте инородным телом и не нарушает его целостности. Хорошо учитываются возможности сочетания немецких и русских компонентов контекста. В. И. Ленин умело

находит для немецких элементов нужные формы и правильно определяет их местонахождение среди русских языковых единиц.

5. Наличие немецких нетранслитерированных элементов в русском контексте корреспонденций В. И. Ленина вполне оправдано. Они помогают ему выражать свои мысли «в рельефной, лаконичной, красивой форме».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Б. Яковлев. Великая школа. «Иностранный литература», 1961, № 4, стр. 173.

² Ленин и язык (Библиография). Мин-во высшего и среднего специального образования СССР, Московский госпединститут ин. яз. им. М. Тореза, кафедра русского языка, М., 1970.

³ В. И. Ленин о языке. Язык и стиль произведений В. И. Ленина. Указатель литературы (1924 — 1970), Московский госпединститут им. В. И. Ленина, Фундаментальная библиотека, М., 1970.

⁴ Под транслитерацией мы будем для краткости понимать не только собственно транслитерацию (передача букв одной письменности буквами другой письменности), но и транскрипцию (приближенная передача русскими буквами звучания иностранного слова). См. З. Е. Роганова. Пособие по переводу с немецкого на русский язык. Изд. литературы на иностранных языках, М., 1961, стр. 67.

⁵ В указанных выше библиографических справочниках нам удалось найти только статьи Л. Э. Князевой и Г. А. Сонкиной, посвященные этой проблеме. Л. Э. Князевой написана также кандидатская диссертация «Нетранслитерированные выражения в публицистическом стиле современного русского литературного языка (по материалу произведений В. И. Ленина)». ЛГУ, 1970.

⁶ Здесь и далее в скобках первое число указывает номер тома Поли. собр. соч. В. И. Ленина, изд. 5-е, второе — страницу.

⁷ В. М. Крутовский (65, 596).

⁸ П. В. Струве (46, 645).

⁹ В. И. Ленин (46, 646).

¹⁰ См. А. Федоров. Основы общей теории перевода. Изд. «Высшая школа», М., 1968, стр. 175 — 192; З. Е. Роганова. Указанное выше пособие, стр. 67 — 98.

¹¹ См. здесь же, стр. 5 — 8.

¹² См. здесь же, стр. 2, 3.

¹³ См. В. И. Ленин. Об очистке русского языка. Собр. соч., 4-е изд., т. 30, стр. 274.

¹⁴ А. Г. Цейтлин. Стиль Ленина-публициста. Изд. «Наука», М., 1969, стр. 173 — 174.

¹⁵ Термин «прибавочная стоимость» переведен был на русский язык незадолго до написания этого письма И. И. Скворцову-Степанову (1909 г.) и был малоизвестен.

¹⁶ Немецкий термин «Zivilgefangene» («гражданские пленные») относится к периоду первой мировой войны.